

ISSN 2500-1523 (Print)

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал

Mongolian Studies

(Elista)

T. 13

№ 4

2021

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал
Mongolian Studies
(Elista)

2021. Т. 13. № 4

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

(Монгол судлал)

Выходит 4 раза в год

Журнал «Монголоведение (Монгол судлал)» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер ПИ № ФС77-76106 от 03.07.2019.

ISSN 2500-1523 (Print)

ISSN 2712-8059 (Online)

Издается с 2002 г.

Журнал **«Монголоведение»** — востоковедное издание историко-филологического направления. На страницах журнала освещаются вопросы истории, языка, фольклора и литературы монголоязычных народов, которые в основном проживают в Монголии, Китае и России. Публикуются материалы российских и зарубежных монголоведов: статьи, сообщения, комментированные переводы письменных памятников, устные нарративы с комментариями, рецензии, обзоры. Тематика журнала «Монголоведение» — история, этнология и антропология, источниковедение, языкознание, фольклористика, литературоведение.

Главная **цель** издания журнала — способствовать развитию академического монголоведения, имеющего более чем двухсотлетнюю историю, располагающего огромной источниковой базой и являющегося одним из важных и традиционных направлений востоковедения, а также развивать традиции, заложенные в российской монголоведной научной школе, и применять новые методы и приемы в исследовании актуальных проблем и вопросов монголоведения.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Выходит 4 раза в год.

Зарегистрирован в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования), включен в перечень рецензируемых изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Разделы журнала:

история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение, этнология и антропология), языки, литература и фольклор монгольских народов

Подписной индекс: 39464

Учредитель, редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7 (84722) 3-55-06, +7 (84722) 3-55-15

E-mail: mongoloved@kigiran.com;

Сайт: <https://mongoloved.kigiran.com/>

© Калмыцкий научный центр

Российской академии наук, 2021

© Коллектив авторов, 2021

MONGOLIAN STUDIES

Published four times a year

The Mongolian Studies journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on July 3, 2019.

Certificate of registration ПИ No. ФС77-76106.

ISSN 2500-1523 (Print)

ISSN 2712-8059 (Online)

Issued since 2002

The *Mongolian Studies* is an Orientalist journal focusing on historical and linguistic aspects. The articles published cover the questions of history, language, folklore, and literature of Mongolic peoples primarily residing in Mongolia, China, and Russia. Typologically, works authored by Russian and foreign Mongolists include as follows: scholarly articles, reports, commented translations of written monuments, commented oral narratives, reviews and surveys. The journal comprises a range of sections, such as History, Ethnology and Anthropology, Source Studies, Linguistics, Folkloristics, and Literary Studies.

The journal chiefly *aims* to facilitate further development of academic Mongolian studies as an important and traditional branch of Oriental studies in Russia that started over two centuries ago and are characterized by a widest source base. It also seeks to sustain research traditions of the Russian Mongolist school and apply new methods and techniques for the investigation of topical issues relating to Mongolian studies.

The journal publishes articles in Russian, Mongolian, Kalmyk and English.

The journal is issued four times a year.

The journal is indexed with Russian Science Citation Index, and is included in the list of peer-reviewed publications that publish key scientific results of Candidate of Sciences and Doctor of Sciences theses.

Journal Sections:

History (World History, National History, Source Studies,
Ethnology and Anthropology);
Languages, Literature and Folklore of the Mongolian Peoples

Subscription index in Russian Catalogue: 39464

Founding Institution, Editorial office, Publisher —

Federal State Budgetary Institution of Science

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Founding Institution, Editorial Board, Publisher's address:

8, Ilishkin St., Elista 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation

Phone No. +7 (84722) 3-55-06, +7 (84722) 3-55-15

E-mail: mongoloved@kigiran.com;

Web-site: <https://mongoloved.kigiran.com/>

© Kalmyk Scientific Center of the

Russian Academy of Sciences, 2021

© Collective of authors, 2021

Главный редактор
канд. филол. наук **В. В. Куканова**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора
д-р ист. наук **Э. П. Бакаева**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста)

Выпускающий редактор:
д-р ист. наук **Ц. П. Ванчикова**,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ)

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук **А. Алимаа**, Институт языка и литературы АН Монголии
(Монголия, г. Улан-Батор);

д-р филол. наук **А. Бирталан**, Университет ELTE (Венгрия, г. Будапешт);

д-р филол. наук **Л. С. Дампилова**, Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р ист. наук **Д. Н. Музраева**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста);

д-р ист. наук **Л. В. Курас**, Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);

д-р ист. наук **К. В. Орлова**, Институт востоковедения РАН
(Россия, г. Москва);

д-р филол. наук **Г. Ц. Пюрбеев**, Институт языкознания РАН
(Россия, г. Москва);

д-р ист. наук **К. Хамфри**, Кембриджский университет
(Великобритания, г. Кембридж);

д-р ист. наук **Н. Хишигт**, Институт истории и этнологии АН Монголии
(Монголия, г. Улан-Батор);

д-р филол. наук **А. Д. Цендина**, Институт восточных культур и античности
РГГУ, Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа
экономики», Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);

д-р филол. наук **Р. М. Ханинова**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста);

канд. филол. наук **Г. М. Ярмаркина**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста).

Редактор (рус. яз.): Р. Г. Саряева
Переводчики: С. В. Джагрунов, Т. Н. Богрданова
Дизайн и верстка: Д. В. Татнинов
Ответственный секретарь: С. В. Мирзаева

Editor-in-Chief:

V. V. Kukanova, Cand. Sc. (Philology) Kalmyk Scientific Center of the RAS
(Elista, Russia)

Deputy Editor-in-Chief:

E. P. Bakaeva, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center of the RAS
(Russia, Elista)

Copy Editor:

Ts. P. Vanchikova, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan
Studies of the Siberian Branch of the RAS (Ulan-Ude, Russia);

Editorial Board:

A. Alimaa, Dr. Sc. (Philology), Institute of the Language and Literature of the
Mongolian Academy of Sciences (Mongolia, Ulaanbaatar);

A. Birtalan, Dr. Sc. (Philology), ELTE University (Hungary, Budapest);

L. S. Dampilova, Dr. Sc. (Philology), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan
Studies of the Siberian Branch of the RAS (Ulan-Ude, Russia);

C. Humphrey, Dr. Sc. (History), University of Cambridge (Britain, Cambridge);

D. N. Muzraeva, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center of the RAS
(Elista, Russia);

R. M. Khaninova, Dr. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center of the RAS
(Elista, Russia);

N. Khishigt, Dr. Sc. (History), Institute of History and Ethnology of the Mongolian
Academy of Sciences (Mongolia, Ulaanbaatar);

V. V. Kukanova, Cand. Sc. (Philology) Kalmyk Scientific Center of the RAS
(Elista, Russia);

L. V. Kuras, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the RAS (Ulan-Ude, Russia);

K. V. Orlova, Dr. Sc. (History), Institute of Oriental Studies of the RAS
(Russia, Moscow);

G. Ts. Pyurbeev, Dr. Sc. (Philology), Institute of Linguistics of the RAS
(Russia, Moscow);

A. D. Tsendina, Dr. Sc. (Philology), Russian State University for the Humanities,
Professor, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of
Economics, Institute of Oriental Studies of the RAS (Russia, Moscow);

G. M. Yarmarkina, Cand. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center of the RAS
(Elista, Russia).

Editor (Russ.): R. G. Saryaeva

Translators: S. V. Dzhagrunov, T. N. Bogrdanova

Design and page layout: D. V. Tatninov

Executive Secretary: S. V. Mirzaeva

СОДЕРЖАНИЕ

Материалы IV Международного семинара «Письменное наследие и актуальные проблемы истории и культуры монгольских народов», посвященного 100-летию со дня рождения Пурбо Балдановича Балданжапова

<i>Базаров Б. В.</i>	
Жизнь, отданная науке. К столетию П. Б. Балданжапова	616
<i>Ванчикова Ц. П.</i>	
К истории возрождения буддизма в Бурятии и Монголии в 1960–1970 гг. по материалам из личного архива П. Б. Балданжапова	623
<i>Бураева С. В.</i>	
Научное наследие П. Б. Балданжапова: документы и материалы по истории Музея восточных культур	632
<i>Жамбалова С. Г.</i>	
«Атлас тибетской медицины» и вклад П. Б. Балданжапова в его изучение и сохранение	642
<i>Аюшеева М. В.</i>	
Экспедиционная деятельность П. Б. Балданжапова	661
<i>Цолмон С., Баярсайхан Д.</i>	
Зөвлөлт, оросын монголч эрдэмтэн П. Балданжаповын монголын түүхийн сурвалж судлалд оруулсан хувь нэмэр (= О вкладе советского, российского ученого П. Балданжапова в изучение монгольских исторических источников)	672
<i>Наранцэцэг Д.</i>	
«Зүрхэн толтын тайлбарын» зохиогч үзэмчин хүн хэмээсэн нь (= Об удзумчинском авторе сочинения «Комментарий к „Сердечному покрову“»)	685
<i>Цыренов Ч. Ц.</i>	
Три северных похода цзиньского генерала Хуань Вэня (312–373 гг. н. э.) против «варварских» царств Северного Китая	694
<i>Дашиева Л. Д.</i>	
Раннефольклорные обрядовые жанры традиционной культуры хори-бурят	704

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

<i>Воробьева В. Н.</i>	
Безвозвратные потери военнослужащих Красной армии, призванных из Калмыцкой АССР, в период Великой Отечественной войны по данным 1 и 2-го томов Книги «Память. Санл»»: статистический анализ по месту службы и гибели	713

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

<i>Каманджаев Н. А.</i>	
Документы по истории отправления калмыцкого владельца Дондук-Даши в Санкт-Петербург в 1737 г. (по материалам Национального архива Республики Калмыкия)	730
<i>Куканова В. В., Очиров У. Б.</i>	
Исчезающая история «13 лет и 13 дней»: проблемы поиска и сохранения архивных материалов о калмыках на спецпоселении в Сибири. Часть 1	744

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Ярмаркина Г. М.</i>	
Сообщения о подарках в калмыцких деловых текстах XVIII в. (на материале писем хана Аюки и их русских переводов)	764

CONTENTS

HISTORY AND CULTURE OF MONGOLIC PEOPLES: WRITTEN HERITAGE AND TOPICAL ISSUES. PROCEEDINGS OF THE FOURTH INTERNATIONAL SEMINAR CELEBRATING THE 100TH BIRTHDAY OF PURBO B. BALDANZHAPOV

Bazarov B. V.

A Life Dedicated to Science: Celebrating the 100th Birthday of Purbo B. Baldanzhapov 616

Vanchikova Ts. P.

Towards a History of Buddhist Renaissance in Buryatia and Mongolia, 1960s–1970s:
A Case Study of Purbo B. Baldanzhapov’s Personal Archives 623

Buraeva S. V.

Scientific Heritage of Purbo B. Baldanzhapov: Documents and Materials on the History
of Oriental Cultures Museum. 632

Zhambalova S. G.

The Atlas of Tibetan Medicine and Purbo B. Baldanzhapov’s Contribution to Its Study
and Preservation. 642

Ayusheeva M. V.

Fieldwork Endeavors of Purbo B. Baldanzhapov 661

Tsolmon S., Bayarsayikhan D.

Purbo Baldanzhapov: The Soviet and Russian Scientist’s Impact into the Research of
Mongolian Historical Sources 672

Narantsetseg D.

“The Commentary on Jirüken-ü tolta (‘Cover of the Heart’) and Its Üzemchin Author
Revisited 685

Tsyrenov Ch. Ts.

The Three Northern Expeditions of Huan Wen (312–373 AD) 694

Dashieva L. D.

Traditional Culture of Khorï Buryats: Early Folklore Ritual Genres Revisited 704

HISTORY

Vorobyova V. N.

Memory. Sanl, Vols. 1 and 2. Memory. Sanl, Vols. 1 and 2. Fatal Casualties of
Soviet Military Servicemen from the Kalmyk ASSR during the Great Patriotic War:
A Statistical Analysis by Places of Service and Death 713

SOURCE STUDIES

Kamandzhaev N. A.

The 1737 Dispatch of Kalmyk Prince Donduk-Dashi to St. Petersburg: A Case Study of
Historical Documents from the National Archive of Kalmykia 730

Kukanova V. V., Ochirov U. B.

The Vanishing History of ‘Thirteen Years and Thirteen Days’: Problems of Searching
and Preserving Archival Materials on Repressed Kalmyks in Siberia. Part 1. 744

LINGUISTICS

Yarmarkina G. M.

Messages about Gifts in 18th Century Kalmyk Official Texts: A Case Study of Khan
Ayuka’s Letters and Their Russian Translations 764

**Материалы IV Международного семинара
«Письменное наследие и актуальные проблемы истории
и культуры монгольских народов»,
посвященного 100-летию со дня рождения
Пурбо Балдановича Балданжапова**

УДК / UDC 930.25(929)

DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-616-622

Жизнь, отданная науке. К столетию П. Б. Балданжапова

Борис Ванданович Базаров¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

академик, доктор исторических наук, директор

 0000-0001-5326-1317. E-mail: bazarov60@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Базаров Б. В., 2021

Аннотация. *Цель* статьи — кратко осветить основные вехи жизни известного бурятского ученого П. Б. Балданжапова, охарактеризовать научные исследования в области монголоведения, открыть новые, малоизвестные стороны деятельности, показать его роль в развитии новых научных направлений. *Введение.* Статья основана на докладе, прозвучавшем на IV Международном семинаре «Письменное наследие и актуальные проблемы истории и культуры монгольских народов», посвященном 100-летию со дня рождения видного российского ученого, монголиста, востоковеда П. Б. Балданжапова (1921–1991), прошедшем в Улан-Удэ 16–18 сентября 2021 г. *Источниковой базой* послужили как опубликованные работы, так и неопубликованные материалы, хранящиеся в личном архиве ученого, статьи исследователей, посвященные наследию П. Б. Балданжапова. При написании статьи были использованы общесторические *методы исследований*: историко-сравнительный, ретроспективный и хронологический, позволившие показать жизнь и деятельность П. Б. Балданжапова в процессе становления от ученичества до профессионала. *Результаты.* Круг профессиональных интересов П. Б. Балданжапова был чрезвычайно разносторонним: от собирания и изучения памятников народного фольклора, топонимических терминов и их интерпретации, сбора и коллекционирования письменных памятников на тибетском и монгольском языках, о чем свидетельствуют уникальные коллекции тибетских и монгольских сочинений, хранящиеся в его личном архиве, в котором отложились многочисленные рукописи статей и материалы по истории народного просвещения, культуры, науки и библиотечного дела в Монголии и Туве, по истории сохранения культурного наследия и организации их музейного экспонирования и популяризации до изучения буддистского наследия и содействия его сохранению, источников по индо-тибетской медицине и многое другое. Но, тем не менее, главной страстью всей его жизни было исследование монгольских исторических сочинений.

Ключевые слова: Пурбо Балданжапов, столетие, творческое наследие, монгольские исторические сочинения, тувинские летописи, Атлас тибетской медицины

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания — проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)» (номер госрегистрации: 121031000243-5).

Для цитирования: Базаров Б. В. Жизнь, отданная науке. К столетию П. Б. Балданжапова // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 4. С. 616–622. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-616-622

A Life Dedicated to Science: Celebrating the 100th Birthday of Purbo B. Baldanzhapov

*Boris V. Bazarov*¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS
(6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Academician, Dr. Sc. (History), Director

0000-0001-5326-1317. E-mail: bazarov60@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Bazarov B. V., 2021

Abstract. The *purpose* of the article is to briefly highlight the main milestones in the life of the famous Buryat scientist P. B. Baldanzhapov, to characterize his scientific researches in the field of Mongolian studies, to discover new, little-known aspects of his activities, to show his role in the development of new fields of science. *Introduction.* The article was presented as an introductory report at the IV International seminar “Written Heritage and current problems of the history and culture of the Mongolian peoples”, dedicated to the 100th anniversary of the birth of the prominent Russian scientist, Mongolist and orientalist P. B. Baldanzhapov (1921–1991), held in Ulan-Ude on September 16–18, 2021. The source base was both published works and unpublished materials stored in the personal archive of the scientist, articles by researchers dedicated to the legacy of P. B. Baldanzhapov. When writing the article, general historical research methods were used, such as historical-comparative, retrospective and chronological, which made it possible to show the life and works of P. B. Baldanzhapov in the process of becoming from a student to a professional. *Results.* Professional interests of P. B. Baldanzhapov were quite versatile: from collecting and studying monuments of folk folklore, toponymic terms and their interpretation, collecting written monuments in Tibetan and Mongolian languages, what is evidenced by the unique collections of Tibetan and Mongolian works stored in his personal archive, numerous manuscripts of articles and materials on the history of public education, culture, science and librarianship in Mongolia and Tuva, on the history of preserving cultural heritage and organizing their museum display and popularization deposited in his archive, up to studying the Buddhist heritage and promoting its preservation, as well as sources on Indo-Tibetan medicine and many others. Nevertheless, the main passion of his whole life was the study of Mongolian historical treatises.

Keywords: Purbo Baldanzhapov, centenary, creative heritage, Mongolian historical treatises, Tuvan chronicles, Atlas of Tibetan medicine

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment, project no. 121031000243-5 ‘Russia and Inner Asia: Dynamics of Geopolitical, Socioeconomic, and Cross-Cultural Interaction, 17th–21st Centuries’.

For citation: Bazarov B. V. A Life Dedicated to Science: Celebrating the 100th Birthday of Purbo B. Baldanzhapov. *Mongolian Studies (Elista)*. 2021; 13(4): 616–622. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-616-622

Введение

Пурбо Балданович Балданжапов — российский историк, известный востоковед-монголист, родился 12 апреля 1921 г. в селе Цаган-Оль Агинского Бурят-Монгольского национального округа. В 1941 г., закончив Агинскую среднюю школу, работал учителем истории в Зугалайской семилетней школе Агинского национального округа, а в ноябре 1942 г. был призван в ряды Советской

армии и служил рядовым, в апреле 1943 г. был уволен из армии по состоянию здоровья из воинской части № 533 (г. Чита). С апреля 1943 г. по июль 1944 г. работал преподавателем и заведующим учебной частью Зугалайской школы, а с июля 1944 г. по сентябрь 1946 г. — директором этой же школы. В 1949 г. закончил с отличием Иркутский государственный университет, после этого работал директором Агинской средней школы, с августа 1951 г. — заведующим Агинским окружным отделом народного образования.

Материалы и методы

Источниковой базой послужили как опубликованные работы, так и неопубликованные материалы, хранящиеся в личном архиве ученого, статьи исследователей, посвященные наследию П. Б. Балданжапова. При написании статьи были использованы общеисторические методы исследований: историко-сравнительный, ретроспективный и хронологический, позволившие показать жизнь и деятельность П. Б. Балданжапова в процессе становления от ученичества до профессионала.

Научная деятельность П. Б. Балданжапова

В сентябре 1953 г. Пурбо Балданович поступил в аспирантуру Института востоковедения АН СССР (Москва) по специальности «История Монголии» и в 1956 г. защитил диссертацию по теме «Монгольская летопись „Эрдэнийн эрикэ“ как исторический источник». Его научным руководителем был известный монголист Санжи Данцикович Дылыков. Как отмечали все рецензенты и оппоненты, Пурбо Балданович за краткий срок пребывания в аспирантуре смог выполнить работу над сложнейшим и обширнейшим монгольским историческим сочинением, которое могло бы быть объектом многолетнего планового задания, и впервые после длительного перерыва в монголистике им была начата серьезная работа над первоисточниками по монгольской истории, продолжившая исследования монголистов старшего поколения — Ц. Ж. Жамцарано, Л. С. Пучковского, Н. П. Шастиной, С. Д. Дылыкова.

Более чем на 500 страницах кандидатской диссертации Пурбо Балданович выполнил всесторонний анализ этого крупного монгольского исторического сочинения, дал его источниковедческую характеристику. Он убедительно показал, что в монгольских летописях содержится богатейший материал по истории религии, а также ценный фактический материал об экономической, культурной и политической жизни и административно-политическом устройстве Монголии, о существовавших у монголов феодальных учреждениях и об установленном маньчжурами колониальном режиме.

После окончания аспирантуры и успешной защиты кандидатской диссертации с июля 1956 г. П. Б. Балданжапов работал проректором Кызыльского педагогического института. В 1957 г. был принят по конкурсу на должность декана историко-филологического факультета Читинского педагогического института. Начиная с июля 1959 г. вся жизнь П. Б. Балданжапова была связана с Бурятским институтом общественных наук (далее — БИОН): с 1959 по 1961 гг. — младший научный сотрудник, с 1961 г. — старший научный сотрудник, с 1967 по 1970 гг. — заведующий музеем восточных культур БИОН, с 1970 по 1975 гг. (до тяжелой болезни, которая не позволила ему продолжить свою любимую работу) — заведующий сектором источниковедения индо-тибетской медицины.

Диапазон интересов П. Б. Балданжапова был очень широк и сложился, если судить по материалам его архива, еще в школьные годы. Так, например, сохранилась его ученическая тетрадь 1937 г., в которой им были записаны на внедрявшемся тогда латинском алфавите пословицы, поговорки и благопожелания, бытовавшие среди агинских бурят.

Еще до поступления в университет П. Б. Балданжапов интересовался древней историей своего края, историей монголов, в связи с чем им были обследованы и паспортизированы несколько сотен археологических памятников Юго-Восточного Забайкалья, а также впервые обнаружены останки поселений древних жителей данного края (писаницы, стоянки, городища и др.). А. П. Окладников впоследствии в своих работах, посвященных археологии Забайкалья, неоднократно отмечал этот факт. Собранные материалы были использованы П. Б. Балданжаповым при написании дипломной работы «Краткий исторический очерк Агинского Бурят-Монгольского округа», в отзыве на которую А. П. Окладников писал: «... Работа студента П. Балданжапова доставила мне большое наслаждение... Несмотря на свою молодость и, естественно, отсутствие специальной археологической подготовки, автор ее внес существенный вклад в археологию Забайкалья. С исключительной тщательностью, любовью и усердием собрал он ряд весьма ценных фактов, ранее науке неизвестных. Кроме того, не ограничиваясь констатацией фактов, как они есть, т. Балданжапов сделал весьма интересную попытку исторически осмыслить этот материал и дать на его основе связное повествование по древнему периоду истории Агинского округа. При этом он сделал ряд ценных и даже неожиданных по оригинальности наблюдений и выводов... (22.VI.1949 г.)» [ЦВРК. ЛАФ. 29. Д. 11. Л. 68]. В течение ряда лет после окончания университета П. Б. Балданжапов продолжал сбор материалов по этой теме, но работа осталась неизданной и сохранилась в его архиве в рукописях [ЦВРК. ЛАФ. 29. Д. 95, 96, 97].

Одновременно он интересовался и другими вопросами, связанными с историей и культурой края, которые завершились выпуском статьи «Заметки о топонимике Забайкалья» [Балданжапов 1960; ЦВРК. ЛАФ. 29. Д. 123, 124] и изданием книги «Агын ульгэрнууд» («Агинские улигеры») [Балданжапов 1961]. Упомянутая статья посвящена малоизученному и весьма интересному для истории, этнографии и географии Забайкалья вопросу. В ней автор едва ли не впервые сделал попытку дать объяснения географических названий различных районов Читинской области. На основе собранного и изученного им топонимического материала им был сделан ряд интересных и оригинальных предположений, даны новые объяснения происхождения многих топонимов и приведены свои варианты переводов.

В книге «Агын ульгэрнууд» (1961 г.) им были изданы 3 улигера, записанные в Агинском национальном округе у известного сказителя-улигершина Галсана Тыхеева. В личном архиве сохранились и магнитофонные записи улигеров в исполнении Г. Тыхеева, записанные в 1956 г. В 1999 г. Д. Д. Дарижаповой было осуществлено второе, дополненное издание этой книги, в которую были включены фольклорные памятники из архива П. Б. Балданжапова, записанные им в разные годы его жизни [Балданжапов 1999]. П. Б. Балданжапов интересовался также общими вопросами социалистичес-

кого строительства в МНР, культурным развитием страны в частности. Его внимание привлекали такие темы, как просвещение, наука и библиотечное дело в Монголии и Туве. Этим вопросам он посвятил ряд статей, опубликованных в различных изданиях. Пурбо Балдановичу принадлежит заслуга обнаружения и исследования тувинской рукописной хроники Ульдзийвачира, относящейся ко II-ой половине XIX в., им же впервые был выполнен ее комментированный перевод на русский язык с источниковедческим исследованием. Одновременно в архиве сохранились черновые варианты комментированных переводов и других исторических документов, таких как «Исторические сведения об урянхайских (тувинских) правителях» и «Анонимной летописи». Переводы этих сочинений хранятся в личном архиве П. Б. Балданжапова [ЦВРК. ЛАФ. 29. Д. 116, 118, 119].

Им были написаны статьи «Тувинские летописи», «Тува под гнетом маньчжурских захватчиков», «Рукопись Ульдзуйвачира как исторический памятник» [ЦВРК. ЛАФ. 29. Д. 116, 118, 119, 120]. До этого в исторической науке не было сведений о наличии тувинских летописей-хроник, хотя возможность их существования не отрицалась. Они были введены в научный оборот В. А. Василенко, высоко оценившей работы П. Б. Балданжапова как вклад в открытие и ввод в научный оборот новых, ранее неизвестных, ценных источников по истории Урянхайского края [Василенко 2013]. Ею был проведен историографический анализ рукописи «Тува под гнетом маньчжурских захватчиков», приведена сравнительная характеристика мнения автора рукописи с мнениями других отечественных исследователей об актуальных проблемах изучения истории Тувы: «урянхайском пограничном вопросе», периоде установления политического господства маньчжуров, дан анализ точки зрения П. Б. Балданжапова на вопросы административной и переселенческой политики Цинского Китая в Туве, а также выборочно опубликована сама рукопись статьи [Василенко 2012; Василенко 2013].

П. Б. Балданжапову принадлежит более 40 научных работ, в том числе фундаментальные исследования монгольских исторических сочинений и работ по традиционной монгольской филологии — таких как «Алтан тобчи» Мэргэн Гэгэна, «Эрдэни-ийн эрикэ» Галдана, «Джирукену толта-ийн тайилбури» и «Келену чимег». В связи с болезнью незавершенной осталась работа по переводу на русский язык уникальной монгольской летописи, историко-правового памятника XIII–XVI вв. — «Чаган тэукэ». Она была подготовлена к печати и издана в 2001 г. Ц. П. Ванчиковой [Балданжапов, Ванчикова 2001]. Переводы и исследования этих исторических, историко-филологических, историко-правовых сочинений знакомят монголистов и научный мир с наиболее значительными и важными, ранее не известными в исторических работах фактами и новыми сведениями. Эти переводы и комментарии представляют собой значительный вклад в отечественное монголоведение и изучение истории и истории культуры монгольского мира.

Пурбо Балданович Балданжапов отдал много сил и душевной энергии для организации нового научного направления и создания Отдела источниковедения индо-тибетской медицины, ставшего в дальнейшем основой для современного Отдела биологически активных веществ Института общей и экспериментальной

биологии Сибирского отделения РАН. Им были заложены основы изучения и исследования источников восточной (тибето-монголо-бурятской) медицины. Под его руководством и при его участии авторским коллективом из востоковедов, медиков и практических знатоков тибетской медицины — старейших бурятских лам был выполнен перевод ряда тибето-монгольских медицинских сочинений и «Атласа тибетской медицины», который планировался к публикации в Москве, но не был издан из-за тяжелой болезни П. Б. Балданжапова, случившейся в 1974 г.

П. Б. Балданжапов — инициатор идеи строительства Хранилища восточных рукописей и ксилографов БИОН, ныне Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Он заслуженно пользовался признанием среди ученого мира монголистов как России, так и за рубежом.

Заключение

П. Б. Балданжапов является одним из достойных продолжателей традиций классического монголоведения и последователем тех ученых-энциклопедистов, которые умели с большой страстью отдаваться любимому делу, вкладывая в него всю свою душу, энергию, здоровье. Благодаря этой способности П. Б. Балданжапов стал зачинателем нескольких научных направлений в востоковедении, которые сейчас успешно развиваются. Дальнейшему развитию этих направлений будут способствовать многочисленные книги и записи, уникальные рукописи и ксилографы на восточных языках самого разного характера, его уникальный личный архив, которые хранятся в нашем институте.

Источники

ЦВРК. ЛАФ. 29 — *Центр восточных рукописей и ксилографов* Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН. ЛАФ. 29. Д. 11, 95, 96, 97, 116, 118, 119, 123, 120, 124.

Sources

Center of Oriental Manuscripts and Xylographs; Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS). Personal archival collection 29. Files 11, 95, 96, 97, 116, 118, 119, 123, 120, 124. (In Bur. and Russ.)

Литература

Балданжапов 1960 — *Балданжапов П. Б.* Заметки о топонимике Забайкалья // *Этнографический сборник*. Вып. 1. Улан-Удэ: [б. и.], 1960. С. 89–95.

Балданжапов 1961 — *Балданжапов П. Б.* Агын ульгэрнууд (= Агинские улигеры) / запись, подг. к публ., вст. ст. и обработка П. Б. Балданжапова. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1961. 127 с. (на бурят. яз.)

Балданжапов 1999 — *Балданжапов П. Б.* Агын буряадай аман зохеолой дээжэнууд. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1999. 186 с.

Балданжапов, Ванчикова 2001 — *ᠰᠠᠶᠠᠨ teᠭᠦke* — «Белая история» — монгольский историко-правовой памятник XIII–XVI вв. / сост. критического текста, перевод «Белой истории» П. Б. Балданжапова; исследование, редактирование перевода, составление комментариев, подготовка к публикации, перевод и комментарий к шастрам «Хана-чакравартина» и «Орунга» Ц. П. Ванчиковой. Улан-Удэ: изд-во, БНЦ РАН, 2001. 200 с.

- Василенко 2012 — *Василенко В. А.* Неопубликованная рукопись Пурбо Балданжапова «Тува под гнетом маньчжурских захватчиков» // Новые исследования Тувы. 2012. № 2. С. 86–108.
- Василенко 2013 — *Василенко В. А.* Оценка П. Б. Балданжаповым политики цинского Китая в Туве в период с XVII по XIX вв. (по материалам рукописи «Тува под гнетом маньчжурских захватчиков») // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Грамота. Тамбов, 2013. № 4 (30): в 3-х ч. Ч. II. С. 34–38.

References

- Baldanzhapov P. B. Notes on Transbaikalia's Toponymy. In: *Ethnographic Collection*. Vol. 1. Ulan-Ude, 1960. Pp. 89-95. (In Russ.)
- Baldanzhapov P. B. Selected Folklore of Aga Buryats. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 1999. 186 p. (In Bur. and Russ.)
- Baldanzhapov P. B. *Uligers of Aga Buryats*. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1961. 127 p. (In Bur. and Russ.)
- Čayan Teüke — 'The White History': A 13th–16th Century Monument of Mongolian History and Law. P. Baldanzhapov (comp., transl.); Ts. Vanchikova (study, ed., etc.). Ulan-Ude, 2001. 200 p. (In Russ.)
- Vasilenko V. A. P. B. Baldanzhapov's assessment of Qing China policy in Tuva from the XVIIth till the XIXth centuries (by material of the manuscript 'Tuva under the Yoke of the Manchu Invaders'). *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2013. No. 4–2 (30). Pp. 34–38. (In Russ.)
- Vasilenko V. A. Purbo Baldanzhapov's unpublished manuscript 'Tuva under the Yoke of the Manchu Invaders'. *The New Research of Tuva*. 2012. No. 2. Pp. 86–108. (In Russ.)

УДК / UDC 93/94

DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-623-631

К истории возрождения буддизма в Бурятии и Монголии в 1960–1970 гг. по материалам из личного архива П. Б. Балданжапова

Цымжит Пурбуевна Ванчикова¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
доктор исторических наук, главный научный сотрудник
 0000-0002-1381-6186. E-mail: vanchikova.ts@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2021

© Ванчикова Ц. П., 2021

Аннотация. *Цель* статьи — представить новые сведения о начальном этапе процесса восстановления и возрождения буддийских традиций после периода репрессий и атеистических запретов. В ней показана роль представителей буддийского духовенства в лице хамбо-лам СССР и МНР Ж.-Д. Гомбоева, С. Гомбожава и П. Б. Балданжапова в установлении международных отношений между странами, в создании и открытии Буддийского института в Улан-Баторе при монастыре Гандантегченлин в 1970 г. *Источниковой базой* для написания статьи послужили архивные материалы, хранящиеся в личном архиве П. Б. Балданжапова, такие как личная переписка, копии и черновики писем-обращений в правительственные и прочие административные организации, программы приемов делегаций, отчеты и сообщения, черновики статей, фотографии. При написании статьи были использованы следующие *методы исследований*: историко-ретроспективный, показавший причину упадка буддийских традиций к началу 60-х гг. прошлого столетия, сравнительный метод, позволяющий оценить вклад буддийских деятелей в исторической перспективе, также контент-анализ, использованный при работе с архивными документами. *Результаты.* Установлено, что с конца 1950-х гг. произошел очередной этап изменения в политике советского правительства по отношению ко всем конфессиям, буддийской в том числе, основной причиной чему были политические интересы государства, заинтересованного в улучшении своего политического имиджа в мире, в расширении международных отношений СССР с государствами Юго-Восточной Азии, позволившие Центральному духовному управлению буддистов СССР наладить связи с зарубежными буддийскими организациями и видными религиозными общественными деятелями других стран. С середины 1960-х гг. благодаря совместным усилиям бурятских и монгольских буддийских деятелей была начата кампания по получению разрешения на создание буддийского учебного заведения в Улан-Баторе, с открытием которого в 1970 г. была решена главная угроза для существования буддийской церкви среди монгольских народов — исчезновения системы обучения и подготовки молодых лам и прерывания буддийских традиций. **Ключевые слова:** история буддизма, 1960–1970-е гг., Бурятия, Монголия, восстановление буддийского образования, буддийский университет, Гандантегченлин, Ж.-Д. Гомбоев, Гомбожав, П. Б. Балданжапов

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания — проект «Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней Азии» (номер госрегистрации: 121031000263-3).
Для цитирования: Ванчикова Ц. П. Об истории возрождения буддизма в Бурятии и Монголии в 1960–1970 гг. по архивным документам из личного архива П. Б. Балданжапова // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 4. С. 623–631. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-623-631

Towards a History of Buddhist Renaissance in Buryatia and Mongolia, 1960s–1970s: A Case Study of Purbo B. Baldanzhapov's Personal Archives

*Tsymzhit P. Vanchikova*¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (8A, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Chief Research Associate

 0000-0002-1381-6186. E-mail: vanchikova.ts@gmail.com

© KalmSC RAS, 2021

© Vanchikova Ts. P., 2021

Abstract. The *purpose* of the article is to provide new information about the initial stage of the process of restoration and revival of Buddhist traditions after the period of repression and atheistic prohibitions. It shows the role of representatives of the Buddhist clergy in the person of the Khambo lamas of the USSR and the MPR Zh.-D. Gomboev, S. Gombozhav and P. B. Baldanzhapov in establishing international relations between the countries, in the creation and opening of the Buddhist Institute in Ulaanbaatar at the Gandantekchenlin Monastery in 1970. The article is written mainly on the source base of archival materials stored in the private personal archive of P. B. Baldanzhapov kept in the funds of the Center of Oriental Manuscripts and Xylographs of the IMBT SB RAS, such as personal correspondence, copies and drafts of letters of appeals to government and other administrative organizations, plans and programs of visits and receptions of foreign delegations, reports and messages, drafts of articles, photographs. While writing the article, such research *methods* were used as historical retrospective, which showed the reason for the decline of Buddhist traditions by the early 60s of the last century, a comparative method that allowed assessing the contribution of Buddhist figures in historical perspective, as well as content analysis used for working with archival documents. *Results.* It has been stated that since the late 50-ies the policy of the Soviet government towards all confessions, including Buddhist, has changed. The main reason for which were political interests of the state aimed at improving its political image in the world, in expanding international relations of the USSR with the states of Southeast Asia, which allowed the Central Religious Board of the Buddhists of the USSR to establish ties with foreign Buddhist organizations and prominent religious public figures of other countries. Since the mid-60-70-ies, due to the joint efforts of Buryat and Mongolian Buddhist figures, actions were initiated for obtaining permission to open a Buddhist educational institution in Ulan-Bator, with the opening of which in 1970 the main threat to the existence of the Buddhist church among the Mongolian peoples was solved t.e. the disappearance of the system of education and training of young lamas.

Keywords: history of Buddhism, 1960s–1970s, Buryatia, Mongolia, revival of Buddhist education, Buddhist University, Gandantekchenlin

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment, project no. 121031000263-3 ‘Writing Traditions of Baikal Peoples in the Context of Historical and Cultural Heritage of Russia and Inner Asia’.

For citation: Vanchikova Ts. P. Towards a History of Buddhist Renaissance in Buryatia and Mongolia, 1960s–1970s: A Case Study of Purbo B. Baldanzhapov’s Personal Archives. *Mongolian Studies (Elista)*. 2021; 13(4): 623–631. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-623-631

Введение

В статье рассмотрена малоизвестная страница истории восстановления системы традиционного буддийского образования в 1960–1970-х гг. и роль Пурбо Балдановича Балданжапова (1921–1991) в возрождении буддизма и буддийского наследия в Бурятии и Монголии на основе документов, хранящихся в его личном архиве, переданном в дар Бурятскому институту общественных наук (ныне Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, далее — ИМБТ СО РАН) в 1975 г. [[Личный архив; Бураева 1996; Бураева, Аюшеева 2011](#)].

П. Б. Балданжапов родился в 1921 г. в Читинской области, в Агинском Бурятском национальном округе в селе Цаган-оль, находящемся неподалеку от знаменитых бурятских дацанов — Агинского и Цугольского, чем, возможно, и объясняется его интерес к буддизму и сбору материалов и документов по данной тематике.

После окончания Иркутского государственного университета П. Б. Балданжапов работал в школах Агинского Бурятского автономного округа, в 1953 г. поступил в аспирантуру Института востоковедения Академии наук СССР (г. Москва), которую успешно окончил и защитил в 1956 г. диссертацию по летописи «История, именуемая „Эрдэнийн Эрихэ“» монгольского летописца Галдана [[Галдан 2012](#)]. После окончания аспирантуры он работал проректором Кызыльского и деканом исторического факультета Читинского педагогических институтов. Начиная с 1959 г. вплоть до тяжелой болезни в апреле 1974 г. работал в Бурятском институте общественных наук [подробно см.: [Бураева, Аюшеева 2015; Гомбоева 2009](#)].

Материалы и методы

Источниковой базой для написания статьи послужили архивные материалы, хранящиеся в личном архиве П. Б. Балданжапова, такие как личная переписка, копии и черновики писем-обращений в правительственные и прочие административные организации, программы приемов делегаций, отчеты и сообщения, черновики статей, фотографии. При написании статьи были использованы следующие *методы исследований*: историко-ретроспективный, показавший причину упадка буддийских традиций к началу 60-х гг. прошлого столетия, сравнительный метод, позволяющий оценить вклад буддийских деятелей в исторической перспективе, также контент-анализ, использованный при работе с архивными документами.

Возрождение буддизма в Бурятии и Монголии в 1960–1970-е гг.: решение вопроса об открытии буддийского института

Научный и творческий диапазон интересов П. Б. Балданжапова был разнообразным, от сбора сведений об археологических памятниках округа и топоним-

мах до поисков улигершинов и записей фольклорных материалов. Помимо своих профессиональных интересов в монголоведении, исследовании монгольских исторических летописей и сочинений по восточной медицине [Жабон 1996], он много времени посвятил возрождению буддизма и изучению наследия буддийской культуры в СССР, так как отчетливо понимал, что наряду с национально-религиозной составляющей будет возрастать роль академических форм актуализации буддийского наследия.

Он был дружен со многими бурятскими ламами, помогал и опекал их после возвращения из ссылок. В личном архиве П. Б. Балданжапова сохранилось немало документов, свидетельствующих о его беспокойстве за судьбу бывших лам, восстановлении дацанов и народных традиций и обычаев. Он пригласил на работу в созданный им в 1970 г. отдел источниковедения индо-тибетской медицины самых известных специалистов по медицине — эмчи-лам, с которыми успел до своей болезни в 1974 г. перевести на русский язык «Атлас индо-тибетской медицины». Об этом свидетельствуют многочисленные рукописные и машинописные варианты переводов, хранящиеся в архиве [Личный архив. Д. 39, 129, 131–143, 145–154, 157–167]. Это были Жимба-Жамсо Цыбенев, Дашинима Бадмаев, Бато-Мунко Дашиев, Лодой Ямпиров, Гымпил Гомбожапов и др.

С назначением в 1963 г. хамбо-ламой Жамбал-Доржи Гомбоева П. Б. Балданжапов был его неофициальным консультантом и помощником. В эти годы буддийским духовенством СССР, объединенным в Центральное духовное управление буддистов СССР (далее — ЦДУБ), была начата работа по установлению международного сотрудничества, налаживанию связей с зарубежными буддийскими организациями и видными религиозными общественными деятелями других стран. Хотя эта деятельность осуществлялась под строгим контролем вышестоящих органов власти, заинтересованных в улучшении своего политического имиджа, в расширении международных отношений СССР с государствами Юго-Восточной Азии, которые разрешили ЦДУБ, как и другим конфессиям, выйти на международный уровень. Именно благодаря этому ЦДУБ СССР стало получать определенную финансовую помощь в строительстве и реконструкции дацанов (Иволгинского и Агинского), возможность устранения информационной изоляции от стран буддийского мира.

В 1956 г. делегация буддистов СССР впервые принимала участие в работе Всемирной конференции буддистов в г. Катманду (Непал), посвященной 2 500-летию Будды, а ЦДУБ СССР стало участником и членом с 1956 г. «Всемирного братства буддистов» (далее — ВББ), с 1970 г. Азиатского буддийского комитета мира (далее — АБКМ) [Личный архив. Д. 273, 274, 302–314, 317 и др.].

В 1960–1970-е гг. были установлены дружеские контакты с буддийскими организациями Монголии, Индии, Шри-Ланки, Непала и Японии. Избрание вице-президентом международной буддийской организации ВББ хамбо-ламы Ж.-Д. Гомбоева свидетельствовало о высоком авторитете СССР и ЦДУБ среди международных религиозных организаций и стран.

С улучшением религиозной ситуации в стране международная деятельность ЦДУБ стала одним из инструментов улучшения и установления международных дипломатических отношений СССР с буддийскими странами. ЦДУБ получил возможность более тесного общения с духовными лидерами и единоверцами

из других стран, особенно с буддийскими деятелями МНР, которые начались с обмена делегациями с 1965 г., с первой официальной поездки бурятской буддийской делегации в МНР, проходившей с 12 по 28 октября 1965 г. Делегацию возглавлял хамбо-лама Ж.-Д. Гомбоев, в составе делегации был и П. Б. Балданжапов. Визит проходил на правительственном уровне; помимо встреч с наиболее крупными религиозными деятелями, проведения совместного богослужения-хурала в монастыре Гандантегченлин, были встречи с заместителем председателя Совета Министров МНР Пунцокнорбу, с представителями научной общественности, известными монгольскими учеными-востоковедами, общественными деятелями, с послом СССР в МНР Л. Н. Соловьевым и многими другими [Личный архив. Д. 315].

В 1966 г. со 2 по 23 апреля состоялся ответный официальный визит делегации буддистов Монголии в СССР, который начался с посещения Бурятии и завершился подписанием 22 апреля в Москве Коммюнике об объединении совместных усилий в поддержке Вьетнама и вьетнамских буддистов [Личный архив. Д. 275]. Результатами этих встреч было создание базы для открытия в 1970 г. в Улан-Баторе Буддийского института при монастыре Гандантегченлин и Буддийского азиатского комитета за мир. Насколько можно предполагать, этим визитам и мероприятиям должна была предшествовать большая подготовительная работа и, скорее всего, одним из наиболее активных участников, осуществлявшим ее, был П. Б. Балданжапов, который неоднократно посещал Монголию в 1965–1968 гг. по линии межакадемических обменов между Академиями наук СССР и МНР [Ванчикова 2019: 110–122]. Тогда же он и познакомился с ламами Гандантегченлина и хамбо-ламой С. Гомбожавом, которые оказывали ему большую помощь в работе. Одной из основных целей встреч между советскими (бурятскими) и монгольскими ламами, помимо установления прочных связей и сотрудничества, было решение вопросов в связи с обеспокоенностью отсутствием буддийских учебных заведений и категорическим запретом частного обучения хуварак, тем, что средний возраст лам был к тому времени в пределах 70–80 лет, что ставило на грань вымирания монашеское сословие и будущее существование буддизма в СССР и МНР [Личный архив. Д. 275]. Вопрос об организации школы и подготовке хуварак оставался одним из главных и обсуждаемых во время всех встреч. Хотелось бы обратить внимание на письмо, написанное хамбо-ламой Ж.-Д. Гомбоевым П. Б. Балданжапову и С. Д. Дылыкову в 1967 г. В этом письме Ж.-Д. Гомбоев (1897–1983) выражает обеспокоенность в будущем бурятского буддизма, что нет смены старшему поколению бурятских лам, к которому он сам принадлежит, и просит их помочь в решении вопроса о подготовке молодых лам [Личный архив. Д. 278]. Это письмо отражает глубокую озабоченность главы буддийской церкви СССР хамбо-ламы Ж.-Д. Гомбоева сложившейся ситуацией, и оно послужило еще одним поводом для П. Б. Балданжапова ускорить начатые мероприятия. Была проведена большая подготовительная работа, написаны неоднократные обращения от имени буддистов СССР в правительство о необходимости открытия учебного заведения для подготовки лам, которые были поддержаны благодаря настойчивости хамбо-лам Ж.-Д. Гомбоева и С. Гомбожава [Личный архив. Д. 275, 315, 318]. После обращения пандита хамбо-ламы Ж.-Д. Гомбоева в Совет

Министров СССР с ходатайством об открытии духовной школы в Монголии для подготовки кадров священнослужителей для ЦДУБ СССР и ДУБ МНР в июне 1969 г. хамбо-ламы С. Гомбожав и Ж.-Д. Гомбоев были вызваны в Москву для обсуждения и решения вопроса об организации буддийской школы в Монголии с председателем Совета по религиозным культам Совета Министров СССР В. А. Куроедовым [Гандантэгчинлин хийд... 1995: 39]. Учитывая расширение международных отношений буддийской церкви СССР и МНР, заслуги перед государством бурятского духовенства, внесшего значительный вклад в установление дипломатических связей государства со странами Азиатского региона, защиту политических интересов, было дано разрешение на открытие совместного буддийского института в Монголии. Так благодаря совместным усилиям хамбо-лам СССР и Монголии, монгольских и советских ученых-востоковедов, правительств СССР и МНР был решен вопрос об организации буддийской школы на территории Монголии разрешен вопрос об обучении и подготовке молодых лам.

Открытие буддийского университета в Монголии

Правительства Монголии и СССР приняли активное участие в создании института. По воспоминаниям хамбо-ламы Ж.-Ж. Эрдынеева, правительство СССР выделило на строительство и в фонд заработной платы преподавательскому составу значительные средства. Монгольские ламы провели большую организационную подготовительную работу по его открытию. Было капитально отремонтировано здание учебного корпуса и общежития, определен преподавательский состав [Ванчикова 2019: 122–123]. Первым ректором буддийского института в Улан-Баторе был назначен лама Дагвадорж, ответственным секретарем духовного центра Монголии, проректором утвержден преподаватель Государственного университета Монголии, известный ученый Нямсурэн. Для строительства будущего нового учебного корпуса, общежития и столовой был разработан и утвержден проект, и в 1971 г. начато строительство [Гандантэгчинлин хийд... 1995: 39].

Всего на первый курс было набрано 30 студентов-шабинаров, из них 9 из Бурятии. 27 сентября 1970 г. в Улан-Баторе при монастыре Гандантегченлин состоялось торжественное открытие буддийского института — высшего духовного учебного заведения для подготовки лам-священнослужителей для монастырей Монголии и Бурятии с 6-летним сроком обучения. На открытии присутствовали и бурятские ламы — хамбо-лама Ж.-Д. Гомбоев и дид-хамбо Ж. Эрдынеев. Для всех студентов к открытию была подготовлена культовая одежда, все они были обеспечены религиозной литературой. Бурятским студентам-хуваракам определили стипендию в размере 500 тугриков, выделено уютное 2-этажное общежитие на территории Гандана. Программа высшей духовной школы была определена на 6 лет. В нее входило изучение основных буддийских сутр и обрядовых сочинений, буддийской философии, теологии, логики, этики, основ астрологии, медицины, иконографии и живописи, а также проблем современной буддологии, современного международного положения и ряда светских дисциплин — таких как история буддизма в Индии, Тибете, Монголии, история Монголии, Монгольская народно-революционная партия (МНРП), марксистско-ленинская философия, тибетский, старописьменный мон-

гольский и английский языки. По окончании института выпускники получали диплом высшего религиозного заведения.

Несколько поколений бурятских лам являются выпускниками этого института. Многие из них учились по направлению ЦДУБ СССР, получая стипендию в размере 200 рублей. Из 14 выпусков буддийского института с 1970 по 1995 гг. в 13-ти обучались хувараки из Бурятии [[Гандантэгчинлин хийд... 1995: 31–39](#); [Монголын сүм 2009: 180–185](#)].

Выпускниками института являются такие известные бурятские ламы, как Д. Аюшеев, Ч.-Д. Дугаров, Э. Д. Цыбикжапов, Ч. Дугаржапов, Ц. Дондокбаев, Д. Мархаев, Д. Содномдоржиев, Ж. Шагдаров, Д. Х. Самаев, Ч. Будаев и другие. Все современные старшие ламы Монголии также являются выпускниками этого института.

Выводы

Все подготовительные работы по возрождению буддийских традиций проходили в сложных условиях жесткой атеистической обстановки того времени, когда дацаны использовались в политических целях, в основном для демонстрации существования принципов «свободы совести», как в СССР, так и в МНР. Как уже говорилось, в начальный период восстановления буддийских традиций и буддийского учения ламы с трудом соглашались вести религиозную деятельность, опасаясь репрессивных мер со стороны властей, а верующие предпочитали отправлять религиозные обряды на дому. Гонения и репрессии на религию оставили глубокий след в сознании и верующего населения, многие боялись посещать дацаны. Под особым контролем властей находились интеллигенция, госслужащие и молодежь. Ламам категорически запрещалось иметь учеников. Благодаря усилиям лам, пережившим репрессии и гонения, удалось постепенно вернуть потерянные или конфискованные святыни, собрать книги для создаваемых библиотек, частично восстановить традиционные хуралы. Несмотря на усиливающееся влияние атеистической пропаганды в 1960–1970-е гг., была решена главная угроза для существования буддийской церкви среди монгольских народов — отсутствие института обучения и подготовки молодых лам — с разрешения открыть в Улан-Баторе при монастыре Гандантегченлин буддийского института в 1970 г. [подробно см.: [История буддизма 2011](#)].

Учреждение буддийского института в Монголии имело огромное значение, поскольку положило начало процессу восстановления и последующего возрождения традиций монастырского образования в Монголии и Бурятии. Институт (ныне Университет им. Ундур-гэгэна Занабазара) со своей главной задачей — подготовкой квалифицированных буддийских священнослужителей для дацанов Монголии и Бурятии — успешно справился.

Таким образом, благодаря совместным усилиям руководства буддийской церкви Бурятии и Монголии было начато восстановление системы монастырского образования и начат процесс постепенного возрождения буддийских традиций в России (в Бурятии) и Монголии.

Перед немногочисленным духовенством старшего поколения стояла нелегкая задача: выжить и собрать раздробленные монашеские общины, восстановить дацаны, возродить религиозную деятельность и, таким образом, сохранить

буддизм как религиозно-этическое вероучение в местах его традиционного распространения. Несмотря на крайне жесткий административно-партийный контроль и надзор соответствующих органов, сложности и трудности в финансовом, материальном и моральном отношении, руководство буддийской церкви СССР и МНР и представители рядового духовенства восстановили единство и историческую целостность буддийских монашеских общин и буддийскую церковь, что способствовало дальнейшему их расцвету и возрождению в период демократических преобразований, начавшихся с конца 1980-х гг.

Источники

Личный архив — Личный архив П. Б. Балданжапова // ЦВРК ИМБТ СО РАН. ЛАФ. № БА 29.

Sources

Center of Oriental Manuscripts and Xylographs; Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS). Personal archival collection 29 (BA). (In Bur. and Russ.)

Литература

- Бураева, Аюшеева 2011 — *Бураева С. В., Аюшеева М. В.* Коллекции мемориального кабинета П. Б. Балданжапова // Культурное наследие и глобализация. Опыт, проблемы, перспективы сохранения культурных ценностей в современном мире: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Сыктывкар, 21–23 сент. 2011 г.). Сыктывкар: Коми пединститут, 2011. С. 25–27.
- Бураева 1996 — *Бураева С. В.* Новая коллекция в фондах ОППВ БИОН // Гуманитарные исследования молодых ученых Бурятии. Улан-Удэ: БИОН, 1996. С. 148–159.
- Бураева, Аюшеева 2015 — *Бураева С. В., Аюшеева М. В.* Посвящение Монголии: творческая биография П. Б. Балданжапова // Жамсрангийн Цэвээний нэрэмжит «Монголын нэрт соён гэгээрүүлэгчид» 2015 олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурал. Улаанбаатар: Адмон принт, 2015. С. 36–39.
- Ванчикова 2019 — *Ванчикова Ц. П.* Буддизм в Монголии: история, духовенство, монастыри / отв. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2019. 292 с.: ил.
- Галдан 2012 — *Галдан.* История монголов, именуемая «Эрдэнийн эрихэ». Исследование и комментированный перевод на русский язык П. Б. Балданжапова, Ц. П. Ванчиковой / введение, подготовка к публикации, редактирование перевода, дополнения к комментариям, перевод глав 45–47 Ц. П. Ванчиковой. Monumenta Historica Instituti Historiae Academiae Scientiarum Mongoli. Tomus IX. Fasc. 1. Улан-Батор; Улан-Удэ: ADMON, 2012. 442 с.
- Гандантэгчинлин хийд 1995 — Гандантэгчинлин хийд, шашны дээд сургуулийн хураангуй түүх цагаан лавайн дуун эгшиг хэмээх оршивой. Улаанбаатар: Есөн-Эрдэнэ, 1995. 76 с.
- Гомбоева 2009 — *Гомбоева М. И.* П. Б. Балданжапов (1921–1991) // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. 2009. № 3. С. 77–81.
- Жабон 1996 — *Жабон Ю. Ж.* Тибетская коллекция библиотеки П. Б. Балданжапова (1921–1991) // Культура Центральной Азии: письменные источники. Вып. 8. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. С. 29–34.
- История буддизма 2011 — История буддизма в СССР и Российской Федерации в 1985–1999 гг. / под ред. Н. Г. Очировой. Элиста: Мин-во образования, культуры и науки РК, 2011. 392 с.

Монголын сүм 2009 — Монголын сүм хийдийн түүхэн товчоон / отв. ред. С. Цэдэн-
дамба. Улаанбаатар: Адмон принт, 2009. 888 с.

References

- A Concise History of Gandantegchinlen Monastery and Religious Academy Named ‘Song of the White Seashell’. Ulaanbaatar: Eson Erdene, 1995. 76 p. (In Mong.)
- Buraeva S. V. Department of Oriental Manuscripts, Buryat Institute of Social Sciences: Exploring one new collection. In: Humanities Research Endeavors of Buryatia’s Youth. Ulan-Ude, 1996. Pp. 148–159. (In Russ.)
- Buraeva S. V., Ayusheeva M. V. A dedication to Mongolia: The scientific Biography of Purbo B. Baldanzhapov. In: Prominent Enlighteners of Mongolia — 2015: Ts. Jamtsarano. Conference proceedings. Ulaanbaatar: Admon Print, 2015. Pp. 36–39. (In Russ.)
- Buraeva S. V., Ayusheeva M. V. Collections of the Baldanzhapov Memorial Room. In: Cultural Heritage and Globalization. Experiences, Problems, Prospects of Maintaining Cultural Values in the Contemporary World. Conference proceedings (September 21–23, 2011). Syktyvkar: Komi State Pedagogical Institute, 2011. Pp. 25–27. (In Russ.)
- Galdan. A History of Mongols Titled ‘Erdeni-yin Erike’. P. Baldanzhapov, Ts. Vanchikova (res., transl.), etc. Ser. ‘Monumenta Historica Instituti Historiae Academiae Scientiarum Mongoli’. Vol. IX. Part 1. Ulaanbaatar; Ulan-Ude: Admon Print, 2012. 442 p. (In Russ.)
- Gomboeva M. I. Purbo B. Baldanzhapov, 1921–1991. *Uchenye zapiski ZabGU. Filologiya, istoriya, vostokovedenie*. 2009. Pp. 77–81. (In Russ.)
- Ochirova N. G. et al. (eds.) History of Buddhism in the USSR and Russian Federation, 1985–1999. Elista: Kalmykia Ministry of Education, Culture and Science, 2011. 392 p. (In Russ.)
- Tsedendamba S. (ed.) A Brief History of Mongolian Monasteries. Ulaanbaatar: Admon Print, 2009. 888 p. (In Mong.)
- Vanchikova Ts. P. Buddhism in Mongolia: History, Clergy, Monasteries. B. Bazarov (ed.). Irkutsk: Ottisk, 2019. 292 p. (In Russ.)
- Zhabon Yu. Zh. Center of Oriental Manuscripts and Xylographs (IMBTS SB RAS): The Tibetan collection of P. Baldanzhapov (1921–1991) revisited. In: Culture of Central Asia. Written Sources. Collected papers. Vol. 8. Ulan-Ude: Buryat State Academy of Agriculture, 2014. Pp. 29–34. (In Russ.)

УДК / UDC 94+930+069

DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-632-641

Научное наследие П. Б. Балданжапова: документы и материалы по истории Музея восточных культур

Светлана Валерьевна Бураева¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0003-4184-3066. E-mail: ladys@inbox.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Бураева С. В., 2021

Аннотация. Цель публикации — ввод в научный оборот неизвестных ранее документальных источников, связанных с организацией Музея восточных культур в Бурятском институте общественных наук СО АН СССР. *Материалы и методы.* Осуществлен фронтальный поиск в личном архивном фонде Пурбо Балдановича Балданжапова, хранящемся в Центре восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Проведена классификация и систематизация выявленного массива делопроизводственных материалов, выявлены разновидности документов, определен их тематический и хронологический спектр. *Результаты.* Определено, что в фонде № 29 отложились докладные записки, справочные материалы, личные письма П. Б. Балданжапова в адрес руководства Бурятской АССР о насущной необходимости расширения связей СССР со странами Востока, буддийскими организациями и отдельными деятелями, о создании в этой связи специализированной структуры — Музея восточных культур. В статье также проанализирован блок распорядительной делопроизводственной документации, содержащий приказы по Бурятскому институту общественных наук о создании Музея, Положение о Музее, штатное расписание, отчеты о работе. *Выводы.* В результате исследования выявлен уникальный документальный массив, с одной стороны, раскрывающий историю одного из этапов становления востоковедных исследований в Забайкалье, с другой — малоизвестную страницу истории музейного дела в регионе. Подчеркнуто, что эти материалы отражают механизмы, формы и способы организации научной и музейной деятельности во второй половине 1960-х гг. — в период реформ и реорганизаций в советской науке. Выявленные источники станут базой для дальнейших исследований историков, востоковедов, музееведов и т. д.

Ключевые слова: источниковедение, история востоковедения, буддизм, история музейного дела, музей, Забайкалье, П. Б. Балданжапов

Благодарность. Работа выполнена в рамках государственного задания — проект «Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней Азии» (номер госрегистрации: 121031000263-3).

Для цитирования: Бураева С. В. Научное наследие П. Б. Балданжапова: документы и материалы по истории Музея восточных культур // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 4. С. 632–641. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-632-641

Scientific Heritage of Purbo B. Baldanzhapov: Documents and Materials on the History of Oriental Cultures Museum

Svetlana V. Buraeva¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS
(6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0003-4184-3066. E-mail: ladys@inbox.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Buraeva S. V., 2021

Abstract. *Goals.* The purpose of the publication is to introduce into scientific circulation previously unknown documentary sources connected with the organization of the Museum of Oriental Cultures at the Buryat Institute of Social Sciences of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. *Materials and Methods.* A frontal search was carried out in the personal archive fund of Purbo B. Baldanzhapov, kept at the Center of Oriental Manuscripts and Xylographs of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, SB RAS. The classification and systematization of the identified array of office-work materials was carried out, the types of documents have been identified, their thematic and chronological spectrum was determined. *Results.* It was determined that the F29 collection contained Purbo Baldanzhapov's memoranda, reference materials, personal letters to the leaders of the Buryat ASSR about the urgent need to expand the USSR's ties with the countries of the East, Buddhist organizations and individual figures, about the necessity of formation of a specialized department — the Museum of Oriental Cultures. The article also analyzes the block of administrative office documentation, containing orders of the Buryat Institute of Social Sciences on the formation of the Museum, the Regulations on the Museum, staffing, work reports. *Conclusions.* As a result of the study, a unique documentary array has been revealed showing, on the one hand the history of one of the stages of the formation of oriental studies in Transbaikalia, on the other — a little-known page in the history of museum affairs in the region. It is emphasized that these materials reflect the mechanisms, forms and methods of organizing scientific and museum activities in the second half of the 1960s. — the period of reforms and reorganizations in Soviet science. The identified sources will become the basis for further research by historians, orientalists, museologists, etc.

Keywords: source study, history of oriental studies, Buddhism, history of museum affairs, museum, Transbaikalia, P. B. Baldanzhapov

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment, project no. 121031000263-3 'Writing Traditions of Baikal Peoples in the Context of Historical and Cultural Heritage of Russia and Inner Asia'.

For citation: Buraeva S. V. Scientific Heritage of Purbo B. Baldanzhapov: Documents and Materials on the History of Oriental Cultures Museum. *Mongolian Studies (Elista)*. 2021; 13(4): 632–641. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-632-641

Введение

Научное наследие — комплекс коллекций, аккумулирующих архивные, библиотечные, музейные ресурсы. Особую роль играет личность ученого — фондообразователя; его наследие — в равной степени и результат исследований прошлых лет, и источник для новых исследований. В освоение научного наследия входят сохранение коллекций, их введение в научный оборот, публикация и популяризация.

Российскими монголоведами проделана в этой области огромная работа. Проблемы, связанные с освоением научного наследия востоковедов, неоднократно обсуждались на различных научных форумах. Так, результаты изучения темы рассматривались на международной научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения Н. Ф. Катанова (г. Абакан, 2002 г.), на 10-м всероссийском съезде востоковедов «Россия и Восток: взаимодействие стран и народов» (г. Уфа, 2015 г.), на международной научной конференции «Военное востоковедение. К 150-летию А. Е. Снесарева» (Санкт-Петербург, 2015 г.) и многих других. На широком историографическом фоне и в тесной связи с историей отечественного востоковедения аналитически рассматривалось научное наследие видных востоковедов конца XIX – начала XX в. (Н. И. Веселовского, В. В. Бартольда, В. Р. Розена и др.) [Лунин 1979]; влиянию научного наследия Н. Ф. Катанова на современное востоковедение посвящена работа С. Н. Ултургашева [Ултургашев 2003]; монгольские коллекции П. В. Осокина в Музее Бурятского научного центра СО РАН рассмотрела А. Е. Мурзинцева [Мурзинцева 2009]; биографии и научному наследию О. М. Ковалевского посвящен недавний коллективный труд коллег из Санкт-Петербурга и Улан-Удэ [Биография 2020] и т. д.

В академических учреждениях Бурятии также проводится работа по выявлению различных институционализированных форм сохранения научного наследия. В Центре восточных рукописей и ксилографов (далее — ЦВРК) Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (далее — ИМБТ СО РАН) аккумулированы личные архивные фонды и мемориальные библиотеки; последние выявлены также и в Центральной научной библиотеке Бурятского научного центра СО РАН (БНЦ СО РАН). В Институте общей и экспериментальной биологии СО РАН хранится гербарий, в ИМБТ СО РАН и Музее Бурятского научного центра СО РАН — археологические коллекции. В фондах Музея БНЦ СО РАН постоянно пополняются геологические, биологические и палеонтологические коллекции.

Актуализация научного наследия носит различные формы — коммемориальные издания, музейные и книжные выставки, посвящение научных мероприятий памяти выдающихся ученых [Батурин 2020]. Исследователи научного наследия в академических учреждениях Бурятии аргументированно считают, что «анализ сложившейся практики позволяет говорить об активном интересе научного сообщества к своему наследию. Оно используется для развития социальных связей и проявления собственной идентичности, а также в качестве источниковой базы новых исследований» [Мурзинцева и др. 2021: 37].

Материалы и методы

Представляемая работа основана на материалах личного архивного фонда Пурбо Балдановича Балданжапова — зачинателя нескольких направлений востоковедных исследований в Бурятии. Пурбо Балданович трудился в Бурятском институте общественных наук (ныне — Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН) с июля 1959 г. Диапазон интересов ученого был очень широк — источниковедение и историография Монголии, источниковедение индо-тибетской медицины, изучение Ганжура и Данжура, музейное дело и т. д. П. Б. Балданжапов опубликовал более 40 научных работ. В структуре Центра восточных рукописей и ксилографов с 1995 г. организован мемориальный

кабинет-библиотека П. Б. Балданжапова. В его составе — библиотека, личный архив, фонд микрофотокопий, фонд фонозаписей, рукописи и ксилографы на классическом монгольском и тибетском языках. В личном архиве П. Б. Балданжапова находится 382 ед. хр. Документальные материалы включают в себя личные и биографические документы ученого, материалы по служебной деятельности, материалы по исследовательской и творческой деятельности, фотографии и карты, вырезки из газет и журналов на различные темы о странах центрально-азиатского региона. Для исследователей несомненный интерес представляют материалы, собранные П. Б. Балданжаповым для своих востоковедных исследований (переводы сочинений, статей, выписки материалов из различных архивов и т. д.), а также переписка с зарубежными религиозными деятелями, крупными учеными, материалы по истории буддийской церкви в Бурятии и о выдающихся деятелях буддийского духовенства, о пребывании различных буддистских делегаций в нашей стране, документы конференций Всемирного братства буддистов.

Наименее известны из этого массива документы и материалы по музейному делу Бурятии, в частности — комплекс источников по организации Музея восточных культур. Фронтальный поиск позволил выявить 4 архивных дела, содержащих докладные записки, справочные материалы, личные письма П. Б. Балданжапова в адрес руководства Бурятской АССР о насущной необходимости расширения связей СССР со странами Востока, буддийскими организациями и отдельными деятелями, о создании в этой связи специализированной структуры — Музея восточных культур. Выявлен блок распорядительной делопроизводственной документации, содержащий приказы по Бурятскому институту общественных наук о создании Музея, Положение о Музее, штатное расписание, отчеты о работе. Практически все документы машинописные; исключение — рукописный список литературы. Основная часть документов — копии и проекты с рукописными вставками и пометками П. Б. Балданжапова; однако отложились в фонде и подлинники нескольких приказов и входящих документов с заверительными отметками (подписями и печатями).

Деятельность П. Б. Балданжапова и открытие Музея восточных культур

Различные аспекты научного наследия П. Б. Балданжапова достаточно активно исследовались на протяжении более 20 лет [Бураева 1996; Бураева, Аюшеева 2011; Аюшеева 2014; Бураева, Аюшеева 2015; и др.]. С одной стороны, работы по подготовке истории музейного дела в Бурятии и, в частности, истории академических музеев, выявили существенную лауну — очевидный недостаток сведений о деятельности Музея восточных культур. С другой стороны, в течение нескольких лет ведется подготовка к столетнему юбилею организации ИМБТ СО РАН, что вызвало необходимость уточнения истории Института и рукописного отдела, в частности. Эти обстоятельства потребовали углубленного обращения к архиву П. Б. Балданжапова для уяснения механизмов, форм и способов организации научной и музейной деятельности во второй половине 1960-х гг. — в период реформ и реорганизаций в советской науке. Кроме того, этот период известен во всем мире и как «музейный бум» 1960–1970-х гг. Огромная популярность музеев потребовала решительного обновления традиционных экспозиций и создания новых. Академия наук Советского Союза также приняла

участие в этом процессе. Так, например, в середине 1960-х гг. по инициативе академика А. П. Окладникова в Институте истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР был создан Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока. Главными задачами музея стали демонстрация новейших достижений и находок, сделанных археологами, этнографами, археографами во время многочисленных экспедиций, пропаганда научных знаний об истории, богатстве и разнообразии культур населения региона, их смене, влиянии и взаимообогащении.

Серьезные изменения в этом направлении происходили и в Бурятии, в частности началась разработка идеи открытия Музея восточных культур. Судя по документам, первоначально Музей предлагалось создать на базе Гусиноозерского дацана. В подготовительных материалах для обращения в Правительство (Совет министров) РСФСР от Бурятского обкома КПСС и Совета министров Бурятской АССР подчеркнуто, что Бурятия (и Гусиноозерский дацан) — «место посещения иностранных делегаций (речь идет о делегациях и посллах из Непала, Цейлона, Камбоджи, Бирмы, Японии и Монголии. — С. Б.) и советских туристов» [ЦВРК. ЛАФ. 29. Оп. 1. Д. 296. Л. 1]. П. Б. Балданжапов (наиболее вероятный автор проекта документа, на наш взгляд), во-первых, особо отметил значимость дацана, его архитектурных особенностей. Описывая проект экспозиции в самом дацане, Пурбо Балданович обращает внимание и на археологические памятники неподалеку (Тапхар, Нижнеиволгинское гуннское городище), подчеркивая, что в Бурятии есть памятники для открытого экспонирования. Во-вторых, в документе также отмечалось, что в регионе есть и научная составляющая — отдел Зарубежного Востока в БИОН, квалифицированные специалисты-востоковеды, которые будут оказывать Музею постоянную помощь в деле научной организации работы, а материалы Музея станут основой для исследований. В-третьих, приведен аргумент о том, что «в азиатской части СССР нет ни одного музея восточных культур». «Открытие музея явится ярким примером ленинской национальной политики, внимательного и уважительного отношения к культурным ценностям восточных народов... Кроме того, данный акт открытия станет известным в научных, общественных и религиозных кругах стран Юго-Восточной Азии и Японии и будет играть положительную роль в укреплении дружественных связей СССР» [ЦВРК. ЛАФ. 29. Оп. 1. Д. 296. Л. 3–4]. Это, на наш взгляд, глубоко продуманный геополитический инструмент! В конце документа Пурбо Балданович дополнил первоначальный проект документа рукописной вставкой: «Кроме того, имеются в Бурятии исторические места пребывания декабристов (братья Бестужевы, К. Торсон, В. Кюхельбекер и др.), музей имени акад. Обручева в г. Кяхта с уникальными фондами и другие объекты, которые также могут вызвать живой интерес советских и иностранных туристов в связи с превращением озера Байкал в национальный парк Советского Союза» [ЦВРК. ЛАФ. 29. Оп. 1. Д. 296. Л. 4].

Идея сохранения буддийского культурного наследия и музеефикации дацанов была развита Пурбо Балдановичем и в письме на имя Председателя Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры Вячеслава Ивановича Кочемасова. П. Б. Балданжапов писал: «Мне, как научному работнику-востоковеду, и в связи с поручением Совета по делам

религиозных культов при Совете Министров СССР часто приходится посещать с иностранными делегациями памятники буддизма в СССР. Из ста с лишним культовых сооружений сохранилось только три (Цугольский дацан, Гусино-озерский дацан и буддистский храм в Ленинграде). Все храмы в запущенном состоянии. Необходимо объявить их памятниками официально и обязать относиться соответственно. Это важно для дела расширения связей с буддистскими странами Востока» [ЦВРК. ЛАФ. 29. Оп. 1. Д. 296. Л. 5–8].

П. Б. Балданжапов активно продвигал идею создания Музея. В Объяснительной записке к проекту Плана организации Музея восточных культур в Бурятской АССР он подчеркивал: «Бурятский народ является одним из народов Востока, проложивших путь к коммунизму. Его опыт может служить для народов Азии и Африки. Бурятия — центр буддизма. Сюда приезжают из многих стран, интересуются буддийской культурой, ходом реставрации дацанов и т. д. Следовательно, необходимо организовать Музей восточных культур. Это ... место встречи и сотрудничества с представителями народов Востока, ... развернутая политико-просветительская работа в Республике, ... база изучения буддийской культуры...» [ЦВРК. ЛАФ. 29. Оп. 1. Д. 296. Л. 11–14].

Однако на уровне Республики дело так и не сдвинулось. В это время вышло Постановление Президиума АН СССР об образовании Музейного совета АН СССР (от 21 июля 1967 г.), где подробно рассматривался вопрос о роли музеев в АН СССР. К Постановлению прилагалось Положение о Музейном совете и состав Бюро Совета [ЦВРК. ЛАФ. 29. Оп. 1. Д. 296. Л. 51]. Здесь же было присоединено типовое Положение о музейном совете [ЦВРК. ЛАФ. 29. Оп. 1. Д. 296. Л. 52–54]. В материалах фонда П. Б. Балданжапова отложился и документальный массив, содержащий проекты Положения о Музее АН СССР и Типового положения о Музее в научном учреждении [ЦВРК. ЛАФ. 29. Оп. 1. Д. 296. Л. 65–82].

Полученные из Москвы документы позволили Пурбо Балдановичу видоизменить свою идею и сформировать материалы к проекту по организации Музея восточных культур уже на базе научно-исследовательской организации. Сюда вошли план организации музея, структура, основные направления исследований, штатное расписание на 26 человек, персональный список предполагаемых сотрудников [ЦВРК. ЛАФ. 29. Оп. 1. Д. 296. Л. 11–14, 20–23]. Было предложено включить работы организуемого подразделения в План НИР Бурятского института общественных наук на 1967 г., согласно которому Музей восточных культур должен проводить научное описание рукописей на монгольском языке, а также отбор и подготовку к печати выдающихся письменных памятников.

Серьезная подготовительная работа принесла свои плоды. 16 ноября 1967 г. Приказом по Бурятскому институту общественных наук отдел зарубежного Востока был преобразован в 2 сектора и Музей восточных культур. Основными задачами Музея были определены: а) сбор, научное описание и каталогизация письменных и вещественных памятников духовной культуры народов Востока; б) публикация каталогов и наиболее ценных и редких рукописных памятников совместно с секторами Бурятского института общественных наук (БИОН) и профилирующими отечественными и зарубежными учреждениями; в) научный отбор экспонатов, подготовка и монтаж экспозиций; г) организация встреч с

отдельными учеными и делегациями зарубежных стран. В состав Музея вошли заведующий (П. Б. Балданжапов), 3 младших научных сотрудника (Б. Д. Дандарон, Г. Э. Ринчинов, Д. Ямпиров) и 2 старших лаборанта (Б. Д. Даксанова, Т. Ц. Туденова). Заведующим секторами и музеем в срок до 1 января было поручено «представить в дирекцию в окончательном виде предложения по улучшению работы секторов в свете решения ЦК КПСС „О развитии общественных наук и повышении их роли в коммунистическом строительстве“» [ЦВРК. ЛАФ. 29. Оп. 1. Д. 296. Л. 42–43]. Выполняя распоряжение руководства, Пурбо Балданович представил «Положение о Музее восточных культур» [ЦВРК. ЛАФ. 29. Оп. 1. Д. 296. Л. 44–48]. Реорганизация продолжалась и в следующем, 1968 г. 15 февраля 1968 г. вышел Приказ по Бурятскому филиалу СО АН СССР «О начале передачи рукописного фонда в связи с реорганизацией рукописного отдела в Музей». Интересно, что в архиве отложился и проект решения о реорганизации, что позволяет проанализировать механизмы принятия решений [ЦВРК. ЛАФ. 29. Оп. 1. Д. 296. Л. 15–16, 40].

Музей активно включился в работу БИОН СО АН СССР. В первый же год создания Музея были организованы полевые исследования, направленные на выявление и сбор тибетских медицинских текстов, знакомство с ламами и сбор данных о буддийских обрядах и ритуалах. Сохранились экспедиционные материалы Музея. Отчет экспедиции о буддийском празднике — хурале «Майдари» 28–29 июля 1968 г. содержит подробное описание Хурала (на 10 страниц) с комментариями; хурал Майдари «засняли на пленку» как документальный материал. П. Б. Балданжапов отмечал: «К этим кадрам мы подходим не с точки зрения любителей старины, а для анализа сущности и форм обрядов буддийской религии, его происхождения и современного состояния» [ЦВРК. ЛАФ. 29. Оп. 1. Д. 33. Л. 1–10]. Также подробно и высокопрофессионально была составлена Объяснительная записка о программе экспедиции Музея восточных культур в Тувинскую АССР. Заметим, что в 1969–1970-х гг. в экспедиции по Туве были собраны первые гербарии для экспозиции Музея [ЦВРК. ЛАФ. 29. Оп. 1. Д. 296. Л. 55–57].

П. Б. Балданжапов активно работал над усилением состава источниковой базы Музея — пытался добиться передачи книг на санскрите, монгольском и тибетском языках, живописных танка и предметов индо-тибетской медицины из музеев Читинской и Иркутской области. Об этом говорит ответ (к сожалению — отрицательный) от 27 февраля 1969 г. из Министерства культуры СССР, в котором начальник управления музеев А. Ермолаев сообщал, что «...эти материалы находятся в научной обработке или экспонируются» [ЦВРК. ЛАФ. 29. Оп. 1. Д. 296. Л. 19]. Материалы архива позволяют понять — этой «истории» почти 10 лет. Бурятский комплексный научно-исследовательский институт еще в 1959 г. предлагал передать институту рукописи и ксилографы от Иркутского и Читинского краеведческого музеев, и также получил отказ — от начальника главка культпросветучреждений РСФСР М. Соловьева [ЦВРК. ЛАФ. 29. Оп. 1. Д. 296. Л. 17].

Очевидно, что Пурбо Балданович рассчитывал на расширение деятельности Музея, придание его работе большей фундаментальности и соответствия музейным правилам хранения и представления экспонатов. О далеко идущих

планах говорит сохранившаяся в архиве «Заявка на проектирование здания музея восточных культур». Согласно документу, площадь музея должна составить около 4 600 м² и включать экспозиции, рабочие кабинеты, хранилища, лабораторию, мастерскую, лекционный зал, читальный зал [ЦВРК. ЛАФ. 29. Оп. 1. Д. 296. Л. 58–61].

Однако Музей вновь ожидали изменения. В ноябре 1968 г. состоялось выездное заседание Президиума СО АН СССР. В Приложении к постановлению Президиума были сформулированы мероприятия о дальнейшем значительном расширении востоковедных исследований в БИОН СО АН СССР. В документе отмечалось: «Признать необходимость расширить научные исследования богатейшего фонда рукописей и ксилографов, наследия индо-тибетской медицины в Музее восточных культур института, создав в его составе сектор рукописей и ксилографов; сектор источников и лекарственного сырья; экспериментальную лабораторию индо-тибетской медицины...» [ЦВРК. ЛАФ. 29. Оп. 1. Д. 42. Л. 20]. В 1970 г. было получено утверждение темы «Изучение лечебных и фармакологических свойств лекарственных средств, применяемых в индо-тибетской медицине». Распоряжением № 28-420 516 от 26 июня 1970 г. в соответствии с выполнением задания Советского комитета ЮНЕСКО о подготовке к изданию «Атласа индо-тибетской медицины» была организована экспедиция Музея восточных культур для проведения исследовательских работ в библиотеках и ботанических садах г. Москвы и г. Ленинграда (под руководством П. Б. Балданжапова) и экспедиция под руководством Э. Г. Базарона — в Баргузинский, Закаменский, Тункинский, Окинский, Кижингинский районы Бурятской АССР, а также Петровск-Забайкальский, Шилкинский, Агинский районы Читинской области. Таким образом, основное направление исследований изменилось. В проекте решения Президиума Бурятского филиала СО АН СССР от 16 июля 1970 г. по вопросу о работе Музея восточных культур было предложено одобрить и поддержать работу Музея; а также, учитывая большую значимость работ, реорганизовать Музей в отдел истории научных знаний Востока в составе БИОН СО АН СССР, включая сектор искусствоведения, сектор источниковедения и лекарствоведения индо-тибетской медицины, фармакологическую лабораторию, химическую лабораторию, группу Музея [ЦВРК. ЛАФ. 29. Оп. 1. Д. 296. Л. 15]. Впоследствии Музей как подразделение был расформирован; значительная часть экспонатов в настоящий момент находится в составе коллекций ЦВРК.

Таким образом, можно констатировать, что процесс организации Музея восточных культур в Бурятской АССР находился в русле общемировых, союзных и общесибирских процессов. По мнению историков, до середины 1960-х гг. попытки реформировать музейную деятельность в стране не затронули основ её функционирования. В последующий период, как справедливо отмечает О. Н. Шелегина, «...сибирские музеи развивались в соответствии с социокультурной динамикой этого периода и тенденциями в отечественном музейном деле, характеризовавшимися усилением внимания к социальной роли музеев, этнографической проблематике, а также активизацией издательской деятельности, связей с краеведческим движением. Повсеместная партийно-государственная поддержка способствовала, а в ряде случаев инициировала интенсивное развитие общественных музеев. Первые региональные академические музеи возникли в нашей стране во второй половине XX в. в научных центрах АН СССР...» [Шелегина 2011: 106].

Выводы

В результате изучения архивного фонда показан уникальный документальный массив, раскрывающий, с одной стороны, историю важного этапа становления востоковедных исследований в Забайкалье, с другой — малоизвестную страницу истории музейного дела в регионе. Рассмотренные материалы отражают механизмы, формы и способы организации научной и музейной деятельности во второй половине 1960-х гг., с одной стороны — времени общемирового «музейного бума», с другой — периода реформ и реорганизаций в советской науке. Выявленный документальный комплекс, несомненно, дополняет общую историю Бурятского института общественных наук СО АН СССР (в настоящее время — ИМБТ СО РАН) и Центра восточных рукописей и ксилографов, в частности.

Исследования П. Б. Балданжапова явились значительным вкладом в монголоведение: он познакомил ученый мир со многими монгольскими памятниками, раскрыл их историко-политическое и историко-культурное значение. П. Б. Балданжапов стал зачинателем нескольких научных направлений в региональном востоковедении, которые сейчас успешно развиваются. Он заслуженно пользовался признанием среди ученого мира монголистов как в России, так и за рубежом. Представленные источники из личного архивного фонда Пурбо Балдановича Балданжапова открывают новые стороны в его биографии и, несомненно, станут базой для дальнейших исследований историков, востоковедов и музееведов.

Источники

ЦВРК ИМБТ СО РАН — Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН.

Sources

Center of Oriental Manuscripts and Xylographs; Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS).

Литература

- Аюшеева 2014 — *Аюшеева М. В.* «Дорогой друг, Пурбо!» — переписка П. Б. Балданжапова (по материалам личного архива) // Культура Центральной Азии: письменные источники. 2014. № 8. С. 34–47.
- Батурин 2020 — *Батурин С. А.* Мемориальные выставки в музее БНЦ СО РАН: опыт создания и проведения // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2020. № 4. С. 133–139. DOI: 10.31554/2222-9175-2020-40-133-139
- Биография 2020 — Биография и научное наследие востоковеда О. М. Ковалевского (по материалам архивов и рукописных фондов) / отв. и науч. ред. Р. М. Валеев, И. В. Кульганек. СПб.; Казань: Петербургское Востоковедение, 2020. 440 с.: ил.
- Бураева 1996 — *Бураева С. В.* Новая коллекция в фондах ОППВ БИОН // Гуманитарные исследования молодых ученых Бурятии. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1996. С. 148–159.
- Бураева, Аюшеева 2011 — *Бураева С. В., Аюшеева М. В.* Коллекции мемориального кабинета П. Б. Балданжапова // Культурное наследие и глобализация. Опыт, проблемы, перспективы сохранения культурных ценностей в современном мире: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Сыктывкар, 21–23 сент. 2011 г.). Сыктывкар: Коми пединститут, 2011. С. 25–27.

- Бураева, Аюшеева 2015 — *Бураева С. В., Аюшеева М. В.* Посвящение Монголии: творческая биография П. Б. Балданжапова // *Жамсрангийн Цэвээний нэрэмжит хурал: Монголын нэрт соён гэгээрүүлэгчид* 2015. Улаанбаатар: Адмон принт, 2015. С. 36–39.
- Лунин 1979 — *Лунин Б. В.* Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения. Историографический очерк. Ташкент: Фан, 1979. 184 с.
- Мурзинцева 2009 — *Мурзинцева А. Е.* Монгольские исследовательские коллекции П. В. Осокина в Музее Бурятского научного центра СО РАН // *История. Язык. Культура: сб. мат-лов науч.-практ. конф.* Улан-Батор: Удам Соёл, 2009. С. 266–270.
- Мурзинцева и др. 2021 — *Мурзинцева А. Е., Кушнарева Л. Л., Эрдынеева С. Э.* Научное наследие в академических учреждениях Бурятии: формы сохранения и актуализации // *Исторический курьер*. 2021. № 2 (16). С. 36–47. DOI: 10.31518/2618-9100-2021-2-3
- Ултургашев 2003 — *Ултургашев С. Н.* Научное наследие Н. Ф. Катанова и современное востоковедение // *Научное наследие Н. Ф. Катанова и современное востоковедение: Мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 140-летию со дня рождения Н. Ф. Катанова.* Абакан: Изд-во Хакасск. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2003. С. 5–15.
- Шелегина 2011 — *Шелегина О. Н.* Музейная сеть сибирского региона: процессы формирования и адаптации // *Вестник Томского государственного университета*. 2011. № 344. С. 103–110.

References

- Ayusheeva M. V. 'Dear friend, Purbo!' — P. B. Baldanzhapov's correspondence (A case study of personal archives). In: *Culture of Central Asia. Written Sources. Collected papers.* Vol. 8. 2014. Pp. 34–47. (In Russ.)
- Baturin S. A. Memorial exhibitions at the museum of BSC SB RAS: Experience of creation and carrying out. *Bulletin of the Buryat Scientific Center of SB RAS*. 2020. No. 4. Pp. 133–139. (In Russ.) DOI: 10.31554/2222-9175-2020-40-133-139
- Buraeva S. V. Department of Oriental Manuscripts, Buryat Institute of Social Sciences: Exploring one new collection. In: *Humanities Research Endeavors of Buryatia's Youth.* Ulan-Ude, 1996. Pp. 148–159. (In Russ.)
- Buraeva S. V., Ayusheeva M. V. A dedication to Mongolia: The scientific Biography of Purbo B. Baldanzhapov. In: *Prominent Enlighteners of Mongolia — 2015: Ts. Jamtsarano. Conference proceedings.* Ulaanbaatar: Admon Print, 2015. Pp. 36–39. (In Russ.)
- Buraeva S. V., Ayusheeva M. V. Collections of the Baldanzhapov Memorial Room. In: *Cultural Heritage and Globalization. Experiences, Problems, Prospects of Maintaining Cultural Values in the Contemporary World. Conference proceedings (September 21–23, 2011).* Syktyvkar: Komi State Pedagogical Institute, 2011. Pp. 25–27. (In Russ.)
- Lunin B. V. Central Asia in Scientific Heritage of Russian Orientalists: A Historiographic Essay. Tashkent: Fan, 1979. 184 p. (In Russ.)
- Murzintseva A. E. Museum of Buryat Scientific Center (SB RAS): Mongolian research collections of P. V. Osokin reviewed. In: *History, Language, Culture. Conference proceedings.* Ulaanbaatar: Udam Soel, 2009. Pp. 266–270. (In Russ.)
- Murzintseva A. E., Kushnareva L. L., Erdyneeva S. E. Scientific heritage in academic institutions of Buryatia: Forms of preservation and actualization. *Historical Courier*. 2021. No. 2 (16). Pp. 36–47. (In Russ.) DOI: 10.31518/2618-9100-2021-2-3
- Shelegina O. N. Museum network of Siberia: Processes of collection development and adaptation. *Tomsk State University Journal*. 2011. No. 344. Pp. 103–110. (In Russ.)
- Ulturgashev S. N. Scientific heritage of N. F. Katanov and contemporary Oriental studies. In: *Scientific Heritage of N. F. Katanov and Contemporary Oriental Studies. Jubilee conference proceedings.* Abakan: Katanov Khakass State University, 2003. Pp. 5–15. (In Russ.)
- Valeev R. M. et al. Biography and Scientific Heritage of Orientalist Józef S. Kowalewski: A Case Study of Archives and Manuscript Collections. R. Valeev, I. Kulganek (eds.). St. Petersburg, Kazan: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2020. 440 p. (In Russ.)

УДК 930(929)

DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-642-660

«Атлас тибетской медицины» и вклад П. Б. Балданжапова в его изучение и сохранение

Сэсэгма Гэндэновна Жамбалова¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-2672-8126. E-mail: zhambalovas@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Жамбалова С. Г., 2021

Аннотация. *Введение.* В статье, предметом которой выступает история изучения «Атласа тибетской медицины» в Бурятском институте общественных наук, впервые с новых позиций рассматриваются следующие *задачи*: рассмотреть историю бурятской копии данного памятника и провести атрибуцию; исследовать масштаб и факторы личного вклада востоковеда П. Б. Балданжапова в изучение и сохранение памятника; выявить особенности культурного взаимодействия в трансграничном буддийском регионе России и Тибета. *Материалы и методы.* Статья написана на архивных, литературных, полевых и электронных источниках. В ней используются современные методы исторической науки, предмет и объект исследования рассматриваются сквозь призму концепта «интеллектуальная биография». Интеллигентность понимается как психологическое свойство человека, как качество личности, которое формируется на основе ее моральной направленности. *Результаты.* «Атлас тибетской медицины» — свод иллюстраций к трактату «Вайдурья-онбо», комментария к «Чжуд-ши». Превосходная копия с конца XIX – начала XX в. была собственностью бурятских дацанов, а с 1936 г. хранится в Национальном музее Республики Бурятия. Изучение забытого памятника начато по инициативе П. Б. Балданжапова, в 1968 г. создавшего научный отдел в Бурятском институте общественных наук, в котором по его рекомендации наряду с учеными работали ранее репрессированные бурятские ламы, знатоки тибетского языка, философии и медицины. Изучение и сохранение памятника имело для него нравственное, этическое значение, было обусловлено особым психологическим состоянием интеллигента, личности, сформированной буддийской средой, адептами буддизма. Будучи ученым-востоковедом, работавшим в академическом институте, он располагал ресурсами и возможностями, которые позволили исполнить предназначенную судьбой миссию по возвращению в мир памятников буддийской культуры в атеистическом государстве. *Выводы.* Приведенные достоверные материалы свидетельствуют, в первую очередь, о том, что в буддийском трансграничном регионе России и Тибета активно протекали процессы культурного взаимодействия, в результате которых в Бурятию попали «Атлас тибетской медицины» и другие ценные памятники. В статье доказана уникальность памятника и выявлен значительный масштаб и объективные факторы большого личного вклада известного востоковеда П. Б. Балданжапова в его изучение и сохранение.

Ключевые слова: интеллектуальная биография, П. Б. Балданжапов, востоковед, интеллигент, инициатор, изучение, сохранение, «Атлас тибетской медицины», средневековый памятник Тибета, буддийская святыня России, буддийские священнослужители

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания — проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)» (номер госрегистрации: 121031000243-5).

Для цитирования: Жамбалова С. Г. «Атлас тибетской медицины» и вклад П. Б. Балданжапова в его изучение и сохранение // Монголоведение. 2021. Т. 13. №. 4. С. 642–660. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-642-660

The Atlas of Tibetan Medicine and Purbo B. Baldanzhapov's Contribution to Its Study and Preservation

*Sesegma G. Zhambalova*¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS
(6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-2672-8126. E-mail: zhambalovas@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Zhambalova S. G., 2021

Abstract. Introduction. The article deals with The Atlas of Tibetan Medicine and examines a history of its studies at the Buryat Institute of Social Sciences from new perspectives. Goals. To facilitate this, the work aims to 1) examine a history of the Buryat copy and attempt its attribution, 2) investigate the Orientalist P. B. Baldanzhapov's personal contribution to the exploration and preservation of the monument, and 3) identify specific features of cultural interaction in the cross-border Buddhist region of Russia and Tibet. *Materials and methods.* The article analyzes archival and literary documents, field records, and electronic sources. It uses modern methods of historical science, including the concept of 'intellectual biography'. Therein, intelligence is understood as a psychological aspect, a quality of personality that takes its complete shape on the basis of moral principles. *Results.* The Atlas of Tibetan Medicine is a corpus of illustrations to Vaidurya sNgon-po (Tib. 'Blue Beryl'), a commentary to rGyud-bZhi ('Four Tantras'). Its excellent copy dated to the late 19th and early 20th centuries was once owned by Buryat datsans (monasteries), and since 1936 has been stored at the National Museum of Buryatia. The study of the forgotten monument was initiated by Baldanzhapov in 1968 when he organized a scientific department at the Buryat Institute of Social Sciences, and the research team included both secular and clerical scholars, i. e. previously repressed Buryat Buddhist monks with expertise in Tibetan, philosophy, and medicine. Notably, the work on the study and preservation of the monument had a moral, ethical significance to Baldanzhapov psychologically motivated as an intellectual shaped by the Buddhist milieu and Buddhist teachers. Being an Orientalist scholar at an academic institution, he had the resources and opportunities to fulfill his mission and — in an atheist state — return monuments of Buddhist culture to the world. *Conclusions.* The authentic materials analyzed attest to that the active processes of cultural interaction in the Buddhist cross-border region of Russia and Tibet resulted in that The Atlas of Tibetan Medicine and other valuable monuments were delivered to Buryatia. The paper also stresses a uniqueness of the monument and shows the invaluable personal contribution of the prominent Orientalist Baldanzhapov to its study and preservation.

Keywords: intellectual biography, P. B. Baldanzhapov, orientalist, intellectual, initiator, study, preservation, Atlas of Tibetan Medicine, medieval monument of Tibet, Buddhist sacred treasures of Russia, Buddhist lamas

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment, project no. 121031000243-5 ‘Russia and Inner Asia: Dynamics of Geopolitical, Socioeconomic, and Cross-Cultural Interaction, 17th–21st Centuries’.

For citation: Zhambalova S. G. The Atlas of Tibetan Medicine and Purbo B. Baldanzhapov’s Contribution to Its Study and Preservation. *Mongolian Studies (Elista)*. 2021; 13(4): 642–660. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-642-660

Введение

Уникальным культурным наследием Тибета является «Атлас тибетской медицины» (далее — АТМ), с одной стороны, имеющий непосредственное отношение к тибетской медицине, а с другой стороны, в настоящее время являющийся самостоятельным выдающимся памятником культуры, одна из редких наиболее известных в мире копий которого хранится в Республике Бурятия Российской Федерации. Наличие в России тибетского памятника «Атлас тибетской медицины», его изучение и сохранение как выдающегося памятника человечества свидетельствует о взаимодействии и взаимопроникновении культур в трансграничном пространстве, что является актуальной проблемой современной науки.

Актуальность статьи также обусловлена востребованностью в современном мире буддийской культуры и тибетской медицины. Д. В. Аюшеева выявила две тенденции в развитии тибетской медицины: практическое применение ее отдельных методов и целостный подход к тибетской традиции врачевания как части тибетского буддизма. Она пишет, что, соприкасаясь с тибетской медициной, многие люди открывают для себя тибетскую культуру и буддийское мировоззрение [[Аюшеева 2014a](#)]. Тибетская медицина, основная система знаний по поддержанию здоровья у буддистов России, как и многие другие элементы буддийской культуры, усиливала интерес образованного общества к загадочному Востоку [[Суворов 2014: 216–217](#)].

Актуализирует статью то, что тибетское традиционное искусство, включающее в себя широкий круг памятников, недостаточно изучено из-за необратимых историко-политических перемен в жизни Тибета и в связи с эзотерическим характером искусства [[Курасов 2014: 1](#)]. В конце XX в. в связи с выставкой копии «Атласа тибетской медицины» за рубежом в российском обществе произошел всплеск интереса к его судьбе, со временем постепенно ослабевший, поэтому актуально с новых позиций рассмотреть данную тему.

Цель статьи — исследование истории изучения «Атласа тибетской медицины» в Бурятском институте общественных наук (далее — БИОН) Бурятского филиала СО АН СССР (далее — БФ СО АН СССР). Ее реализация предусматривает решение трех задач: продемонстрировать уникальность исследуемого памятника; выявить масштаб и факторы личного вклада П. Б. Балданжапова в его изучение и сохранение; выявить нюансы культурного взаимодействия в трансграничном буддийском регионе России и Тибета.

«Атласу тибетской медицины» посвящены исследования, выполненные на высоком профессиональном уровне советско-российскими востоковедами-тибетологами В. С. Дылыковой-Парфионович [[Дылыкова-Парфионович 1994](#)],

Н. Д. Болсохоевой [Болсохоева 1994], Д. Б. Дашиевым [Дашиев 1994], К. М. Герасимовой [Герасимова 1994], искусствоведом Т. В. Сергеевой [Сергеева 1994] и др. Творческому пути известного востоковеда и источниковеда П. Б. Балданжапова (1921–1991) посвящено немало статей, поскольку он был организатором ряда научных направлений (монгольское источниковедение и историография Монголии, источниковедение индо-тибето-монгольской медицины, изучение «Ганжура» и «Данжура» и др.). Его деятельность во всех этих сферах отражена в статьях Ш. Б. Чимитдоржиева [Чимитдоржиев 2001], Ц. П. Ванчиковой [Ванчикова 2000], В. А. Василенко [Василенко 2012; Василенко 2013], М. И. Гомбоевой [Гомбоева 2009], Ю. Ж. Жабон [Жабон 1996], М. В. Аюшеевой [Аюшеева 2014б], С. В. Бураевой и М. В. Аюшеевой [Бураева, Аюшеева 2011] и др. Его работа по организации изучения «Атласа тибетской медицины» рассмотрена в основном в публикациях, посвященных данному памятнику [Жамбалова 1997; Жуковская 2013]. Как видно из этого неполного перечня работ об ученом, статей, посвященных разноплановой востоковедной деятельности, достаточно. Однако в настоящее время нет публикации, специально посвященной вкладу П. Б. Балданжапова в изучение и сохранение «Атласа тибетской медицины».

Материалы и методы

Фрагменты статьи, посвященные «Атласу тибетской медицины», написаны с использованием исторических методов исследования на литературных, полевых и электронных источниках. Интеллектуальная биография П. Б. Балданжапова в рамках новых биографических исследований рассматривается на архивных документах из Центра восточных рукописей и ксилографов (далее — ЦВРК) Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (далее — ИМБТ СО РАН), литературных, публицистических источниках и полевых материалах. Полевые материалы были записаны у информантов в 1996–1997 гг. и в 2021 г., они не архивированы и поэтому не имеют выходных данных. Часть из них опубликована [Жамбалова 1997]. В используемом в данной статье концепте «интеллектуальная биография» раскрывается механизм возникновения новых идей, разработка теорий, концепций, методов, анализируется мотивация научной деятельности ученого [Попова 2017: 47]. Интеллигентность в статье понимается не столько как определение принадлежности к определенному социальному слою, а как психологическое свойство человека, как качество личности, которое формируется на основе ее моральной направленности.

История появления «Атласа тибетской медицины» в Бурятии

Известно, что российская буддология формировалась в целях изучения религии и культуры коренных народов страны, практикующих буддизм, а также для исследования истории и культуры трансграничных государств — Китая, Тибета и Монголии. В рамках этих исследований немалое место отводилось изучению культурного взаимодействия буддийских народов России и Тибета, осуществляемого буддийскими монахами под эгидой буддийских монастырей. Памятники буддийской культуры и искусства России, в том числе в Бурятии, нередко попадавшие из вышеуказанных стран, становились достоверной источниковой базой активного развития российской/советской востоковедной науки.

Д. Б. Бадлаева отмечала, что в 1930-е гг. научные и музейные работники, энтузиасты своего дела, собирали по всей Бурятии и Забайкалью культовые

православные и буддийские предметы в краеведческий музей. Несмотря на трудности, на машинах, лошадях, а порой и на себе они вывозили из-под обломков церквей и монастырей все, что могли, и складировали в здании Одигитриевского собора на втором и третьем этажах и в его сараях и бараках. Предметы хранились в сундуках, ящиках, поставленных друг на друга, в неприиспособленных шкафах. На первом этаже был открыт Антирелигиозный музей [Бадлаева 1993: 9–10].

Антирелигиозный музей в 1941 г. был объединен с Центральным Бурят-Монгольским музеем, переименованным в 1946 г. в Бурятский республиканский краеведческий музей БМАССР. Позднее от него отпочковался Музей Бурятии им. М. Н. Хангалова, где в настоящее время наряду с огромной коллекцией других буддийских предметов хранится «Атлас тибетской медицины». Несмотря на то, что он является копией, в Бурятии, да и в России он воспринимается как ценнейший уникальный памятник буддийской средневековой культуры Тибета. Раритет дал новый импульс развитию российского востоковедения и тибетской медицины на новом уровне.

«Атлас тибетской медицины» — это свод иллюстраций к трактату Вайдурья-онбо («Голубой берилл»), комментария к основному медицинскому труду «Чжуд-ши» («Четыре тантры») XII в. Одна из копий уникального памятника, достояние бурятских дацанов, с 1936 г. хранится в Музее истории Бурятии им. М. Н. Хангалова, ныне входящего в состав Национального музея Республики Бурятия. Как и другие многочисленные ценные памятники буддийского искусства Бурятии, как завезенные из сопредельных буддийских стран, так и выполненные бурятскими ламами-художниками, в музей он попал в результате атеистической кампании и закрытия буддийских дацанов в республике. Копия написана на 76 листах форматом 65x88 см на тонком льняном полотне фабричного производства, свидетельствующем о позднем времени его создания — в конце XIX – начале XX в. Он написан в традициях средневековой тибетской станковой живописи — *танка*, создаваемых в соответствии с узаконенными буддизмом правилами, по регламентированной технике живописи [Сергеева 1994: 44]. «Икона» на полотне, *танка* — наиболее характерный, популярный и специфический жанр живописи Тибета. Выполнялась клеевыми красками на хлопчатобумажной ткани, предварительно загрунтованной смесью из мела и животного клея. По происхождению *танка* восходят к индийским ритуальным изображениям на ткани, по форме тяготеют к квадрату, двойному квадрату, прямоугольнику; зарисованная поверхность называется «зеркало» (тиб. *мелонг*) [Курасов 2012: 12].

Оригинальный комплект свода иллюстраций создавался под руководством выдающегося ученого-энциклопедиста и главы исполнительной власти Тибета деси Сангье Гьятцо (1653–1705) на протяжении многих лет с 1687 по 1705 гг. общими усилиями тибетских медиков и профессиональных художников. Подлинник хранился в коллекции Тибетского государственного медицинского колледжа Чагпори, который был разрушен в годы культурной революции в КНР (на его месте построена телебашня) [Болсохоева 2006: 180–181]. Есть информация из открытых источников 2019 г. о том, что подлинник находится в Лхасе, в резиденции Далай-ламы в Тибете. Он недоступен для европейцев и никогда

не покидал пределов страны¹. Как отмечал С. В. Курасов: «сохранившиеся памятники, вследствие политики китайских властей в отношении въезда в Тибет и перемещения по стране, малодоступны исследователям-искусствоведам...» [Курасов 2014: 1]. Из-за невозможности показа оригинала и научного изучения ценность копии, хранящейся в России, достаточно высока.

Н. Л. Жуковская отмечала, что очень немногие знают о том, что оригинал «Атласа тибетской медицины» цел и не погиб во время китайских погромов в Тибете в 1960–1970 гг. Она пишет: «Я знаю лишь одного человека в России, который не только видел, но и держал в руках листы тибетского оригинала АТМ, находясь в 1991 г. в Лхасе в научной командировке по приглашению директора тибетского Центра медицины и астрологии, — это Н. Д. Болсохоева» [Жуковская 2013: 96].

Как отмечала Н. Д. Болхосоева, проведенный ею сравнительный анализ копии с оригиналом показал ее полную идентичность содержанию комплекта, созданного при жизни автора трактата «Вайдурья-онбо». Исключение составляют листы 6 и 7, после которых нумерация идентичных листов по содержанию не совпадает. Исследование позволило ей прийти к выводу, что свод иллюстраций, хранящийся в фондах музея в Улан-Удэ, «является копией, довольно полно отражающей содержание оригинала, комплектация которого была осуществлена в конце XVII века» [Болхосоева 1994: 30].

«Атлас тибетской медицины» из коллекции Музея истории Бурятии является уникальным памятником мирового значения. 22 апреля 2003 г. решением Буддийской традиционной Сангхи России он утвержден в качестве буддийской святыни России². О высокой ценности средневекового памятника писала К. М. Герасимова: «Свод иллюстраций к трактату „Голубой берилл“ можно назвать энциклопедией жизни Тибета. <...> Перед нами не только памятник средневековой культуры тибетского общества, но также универсальный источник сведений о Тибете <...> Эта тематическая универсальность объясняется <...> спецификой тибетской медицины, которая была наукой о жизни, воспринимавшей человека во всех природных и социальных связях, а также особенностями языка средневековой научной иллюстрации, соотношением текста медицинского трактата и его образного выражения в иллюстрациях» [Герасимова 1994: 41].

Рассматриваемая копия бесценного памятника представляет собой, как уже отмечалось, комплект из 76 уникальных листов, где воспроизведено около 10 тыс. рисунков: на каждом листе находится от 3 до 100 иллюстраций. Каждый рисунок подписан на тибетском языке. В результате целенаправленных действий бурятских буддийских священнослужителей, лам в конце XIX – начале XX в. он попал в Россию в бурятский Цугольский дацан Забайкалья, а затем при участии Агвана Доржиева был передан в Ацагатский дацан Бурятии [Бадлаева 1993: 10]. Долгое время существовала единственная версия его попадания на северную окраину буддийской ойкумены. Считалось, что ее привез в Цугольский дацан бурятский эмчи-лама Ширав Сунуев (1860–1930 гг.), более 10 лет изучавший

¹ Степанова З. «История одного предмета»: Атлас тибетской медицины [электронный ресурс] // URL: <https://arigus.tv/news/item/126611/> (дата обращения: 07.10.2021).

² Бальжурова А. О создании и истории Атласа тибетской медицины [электронный ресурс] // URL: <https://gordburiatia.ru/religiya/435-o-sozdanii-i-istorii-atlasa-tibetskoy-mediciny.html> (дата обращения: 07.10.2021).

медицину в тибетском монастыре в Восточном Тибете. Об этом вспоминали в 1970-е гг. его ученики, семидесятилетние ламы Нима Базаров, Даши Цыбигмитов и Балдан Дашиев. Они рассказывали, что в Тибете Ширав Сунуев заказал за деньги копии с оригинала «Атласа тибетской медицины». Он привез их в Бурятию и подарил Цугольскому дацану, где находился медицинский факультет. Картины хранились там до 1926 г. [Балданжапов 1982: 15]. Нет оснований не доверять этой достоверной информации из первоисточника. Существует также версия о том, что копия была подарена ему в Тибете [ЦВРК. Ф. БА. № 29. Оп. 1. Д. 194. Л. 17].

В конце XX в. распространилась другая версия, согласно которой главная роль в приобретении памятника принадлежит Агвану Доржиеву. Ахалар-лама Данзан-Хайбзун Самаев (1954–2005), деятель тибетского буддизма в России, в свое время предоставил информацию о том, что цаннид-хамбо лхарамба Агван Доржиев во время своего пребывания в Тибете «... с большим трудом и дорогой ценой приобрел в Лхасе ценнейший памятник тибетской медицины и переправил его с надежными людьми в Бурятию» [Жамбалова 1997: 6]. При этом он делал ссылку на письмо профессора С. Д. Дылыкова от 25 сентября 1992 г. [Жамбалова 1997: 6]. По всей видимости, этим надежным человеком был Ширав Сунуев, доставивший памятник в Цугольский дацан. Жизнь бурятских лам, обучавшихся в Тибете, была суровой, что усугублялось сложной международной обстановкой. Вряд ли рядовой эмчи-лама Ширав Сунуев смог заказать и выкупить качественную копию уникального свода иллюстраций. В 2006 г. версия о том, что Агван Доржиев является заказчиком, поддержана Н. Д. Болсохоевой. Она пишет, что трудоемкая работа по копированию «Атласа тибетской медицины», по всей видимости, выполнялась по его инициативе и под его руководством, что копии сводов создавались кропотливым трудом профессиональных коллективов в течение нескольких лет [Болсохоева 2006: 180]. Впоследствии версия поддержана Н. Л. Жуковской [Жуковская 2013].

Сразу по прибытии в Забайкалье ценная копия хранилась в Цугольском дацане, где находился первый и престижный медицинский факультет Бурятии, открытый в 1869 г. Он работал по «Внутреннему уставу Цугольского манба дацана», составленному на тибетском языке в 1862 г. по образцу Устава медицинской школы Лаврана (Тибет). Позже другие медицинские факультеты Забайкалья следовали программе обучения Цугольской школы. В нее входило заучивание наизусть канона «Чжуд-Ши», слушание наставлений и объяснений учителя по этому тексту. После усвоения теоретического материала приступали к практическим занятиям, основными из которых являлись диагностика, поиск лекарственного сырья и изготовление лекарств [Аюшеева 2007: 11–12].

В 1926 г. настоятель Цугольского дацана лама Норбоев по просьбе цаннид-хамбо лхарамбы Агвана Доржиева передал комплект в Ацагатский дацан, где также функционировал медицинский факультет [Балданжапов 1982: 15]. Эта передача, вероятно, была обусловлена историческими событиями — ужесточением государственной политики СССР в отношении религии и церкви. Атеистическая борьба с буддийскими священнослужителями, в том числе с практикующими тибетскую медицину, была одним из основных направлений внутренней политики советской власти в Бурятии того времени. А тибетская медицина являлась сильнейшим оружием в руках лам: из-за нехватки меди-

цинских работников власти по объективным причинам сразу не могли запретить их практику, зато обложили большим налогом и всячески притесняли. Л. В. Аюшеева пишет: «Новые политические условия привели к масштабным процессам адаптации — реформе института тибетской медицины. Буддийское духовенство предприняло попытку сохранения тибетской медицины путем полного вывода ее из конфессии. В 1926 г. был создан Центральный комитет медиков, который подчинялся республиканскому Наркомздраву (НКЗ). Резиденция его разместилась при Ацагатском медицинском монастыре, который перестал обслуживать религиозные нужды и был официально зарегистрирован как медицинская школа» [Аюшеева 2007: 14]. В 1931 г. ЦИК Бурят-Монгольской АССР (далее — БМАССР) сообщает: «...никакого отклонения в борьбе с тибетской медициной и нарушения приложенной по этому вопросу директивы центральных органов власти не было. Этому свидетельствует существующая по настоящее время школа тибетской медицины и недавно построенная больница при Ацагатском дацане в Хоринском аймаке, руководимая тибетскими медиками. Тибетская медицина в Бурреспублике существует совершенно свободно и никаких репрессивных мер по борьбе с ней не ведется. Метод борьбы с тибетской медициной — это противопоставление научной медицине путем открытия новых больниц и врачебных пунктов» [Номогоева 2009: 285]. Несмотря на громадные усилия Агвана Доржиева и других лам, сохранить школу и лечебницу при Ацагатском дацане не удалось. Она была закрыта. В апреле 1936 г. выходит постановление ЦИК и СНК БМАССР «О воспреещении лечения населения методом тибетской медицины» [Номогоева 2009: 286].

Несмотря на это обстоятельство, Ацагатский дацан относительно долгое время был более надежным местом хранения «Атласа тибетской медицины». Это, безусловно, было основной причиной передачи свода иллюстраций из одного бурятского дацана в другой. Политическая ситуация в России после Октябрьской революции, вероятно, подтолкнула Агвана Доржиева к тому, чтобы запросить «Атлас тибетской медицины» из Цугольского дацана и передать в Ацагатский, так как он искал пути сохранения этого редчайшего памятника. Хотя в 1930-е гг. он жил при буддийском храме в Санкт-Петербурге, связь его с Ацагатским дацаном была очень тесной, а авторитет — высоким [Жамбалова 1997: 7]. В 1934 г. Агван Доржиев в докладной во ВЦИК СССР сообщает о том, что идет «варварское уничтожение литературных памятников, которые без разбора сжигаются, бросаются в воду, употребляются в качестве папиросной бумаги и т. п.» [Номогоева 2009: 286]. Он также отмечал, что вместе с дацанской литературой уничтожаются типографские доски для печатания ксилографических изданий, ценные медикаменты индо-тибетского, монгольского происхождения» [Номогоева 2009: 286].

В это сложное время «Атлас тибетской медицины» сохранился благодаря деятельности людей, знавших его настоящую ценность. Ответственный инструктор Союза воинствующих безбожников Ж. Ж. Жабон уговорил ламу, имя которого не известно, тайно сохранившего памятник в эти тяжелые годы, сдать его на хранение в музей. Он попал туда в 1936 г. в хорошей сохранности. Благодаря усилиям Ж. Ж. Жабона попали в музей и сохранились, помимо «Атласа тибетской медицины», такие уникальные памятники, как комплекты Ганджура и Данджура из Ацагатского дацана, скульптуры Зандан Жуу и Чой-

жал, пятиметровая аппликация Будды Шакьямуни из Эгитуйского дацана, огромная скульптура Майдари из Анинского дацана и многое другое. В начале 1990-х гг. переданы из музея в Эгитуйский дацан скульптура Зандан Жуу, а в Иволгинский — скульптура Майдари [Жамбалова 1997: 21]. Также огромная заслуга в сохранении православных и буддийских культовых ценностей принадлежит А. И. Герасимовой, директору Антирелигиозного музея, Г. Д. Нацову, В. Н. Кочетову, Б. Э. Эрдынееву и многим другим, имена которых не сохранились [Бадлаева 1993: 9].

П. Б. Балданжапов и история изучения «Атласа тибетской медицины»

«Атлас тибетской медицины» попал на северную окраину буддийской ойкумены благодаря усилиям бурятских буддийских священнослужителей, обучавшихся в тибетских монастырях и постоянно практиковавших приобретение уникальных культовых памятников для дацанов нередко за счет средств, целенаправленно собранных у мирян.

В конце XIX – начале XX вв. свод иллюстраций находился последовательно в двух дацанах с медицинскими факультетами — Цугольском и Ацагатском. П. Б. Балданжапов родился и жил рядом с Цугольским дацаном, поэтому с детских лет знал о его уникальности. До поступления в школу в течение одного года он прожил с дядей, родным братом отца — эмчи-ламой Цугольского дацана Нимой Базаровым. Впоследствии дядю как буддийского священнослужителя репрессировали. После тюрьмы и ссылки он был лишен права легального проживания в родном поселении в Агинском округе, поэтому тайком ютился на удаленной ферме, по ночам навещая родственников. Когда в 1946 г. он, уже пожилой человек, серьезно заболел, сестра обязана была увезти его, уже не принимавшего пищу, к месту приписки в с. Романовка Еравнинского района. Там она вынужденно оставила его одного умирать. Это значительное расстояние из Могойтуя Агинского округа они проделали верхом, так как ему опасно было ехать общественным транспортом. Эмчи-лама Нима Базаров многое рассказывал племяннику о религии, об истории дацана, в том числе о своде иллюстраций. Его рассказы П. Б. Балданжапов запомнил, он также как очевидец прекрасно помнил многое другое из истории и имущества Цугольского и Агинского дацанов, рядом с которым он жил во время обучения в школе. В 1967 г. во время работы в БФ СО АН СССР он познакомился с Ж. Ж. Жабомом, главным хранителем музея, где хранился раритет. Тогда он загорелся идеей перевести, изучить и подготовить его к изданию, со слов Д. Д. Дарижаповой, «из чувства глубокого почитания лам и светлой их памяти» [Жамбалова 1997: 28–29].

Думается, что трагическая история эмчи-ламы Нимы Базарова, с которым он был кровно и духовно близок, стала событием, окончательно определившим пограничное состояние П. Б. Балданжапова. Еще в молодые годы, будучи советским патриотом, он стал человеком с особым психологическим типом личности, характерным для кризисных периодов истории. М. Ю. Лотман ввел очень важное понятие интеллигентности как психологического свойства человека¹. Несмотря на то, что П. Б. Балданжапов относился к категории советских

¹ Лотман М. Ю. Беседы о русской культуре [электронный ресурс] // URL: <http://torfilm.ru> | 1998 | yu_m_lotman_besedi_o_russkoy_kulture_1998.html; [video.mail.ru | curella](http://video.mail.ru/curella) | 317 | [www.tvkultura.ru | page.html](http://www.tvkultura.ru/page.html) (дата обращения: 29.04.2012)

интеллигентов как социального слоя, он был интеллигентом и в новом, более глубинном понимании слова. Современные исследователи, в отличие от советских, под «интеллигенцией» подразумевают общественную группу людей, обладающих критическим способом мышления, высокой степенью рефлексии, способностью к систематизации знаний и опыта. Данная дефиниция, не популярная в советское время, получает новое широкое развитие с конца 1980-х гг. Ю. А. Левада пишет: «Это не только группа образованных людей, но некая общность, видящая смысл своего существования в том, чтобы нести плоды образованности (культуры, просвещения, политического сознания и пр.) в народ и уподобляющая эту задачу священной (по меньшей мере, культурно-исторической) миссии...» [Левада 1989: 128].

Значительная роль П. Б. Балданжапова в изучении «Атласа тибетской медицины» и других памятников восточной и буддийской культуры определяется тем, что он в атеистическом государстве поставил себе цель, которую в тех условиях можно приравнять к культурно-исторической миссии, вырвать из забвения буддийские сокровища, воздать им должное, сделать их достоянием народа и науки. Поэтому стал инициатором, организатором и исполнителем данной научной темы, в то время неактуальной, несвоевременной и непрестижной для карьеры. Как человек, выросший в среде практикующих буддистов-мирян, которых в годы его становления в Забайкалье было достаточно много, он в полной мере осознавал важность научной темы исследования, ее этическое, нравственное значение, четко знал ее цель и задачи.

В бурятском социуме на протяжении всего советского и постсоветского времени всегда были такие люди. В XXI в. выявлено наличие сельской интеллигенции нового формата, не совпадающего с советской типологией. В данную социальную прослойку введен круг людей, ранее не входивших в него: буддисты-миряне, не имеющие стандартного высшего образования, а также специального буддийского. Их мировоззрение складывалось путем межпоколенной трансляции традиций от знающих стариков заинтересованным молодым людям. Эта ситуация характерна для кризисных периодов истории, а трансляция знаний происходит как в устной форме, так и на буддийских книгах старомонгольской письменности. Это люди с особым психологическим типом личности, сложившимся в результате малых пограничных состояний. Такой тип мужчин и женщин распространен по всей Бурятии, но их немного. Их задача — возрождение элементов традиционной культуры, в том числе религиозности как основы выживания этноса в глобальном мире [Жамбалова 2018: 286–287].

П. Б. Балданжапов располагал ресурсами, предоставляющими ему огромные возможности для претворения цели в жизнь. Вся линия его жизни была выстроена так, что он должен был принять на себя эту ношу. Ц. П. Ванчикова о своем отце рассказала, что в автобиографии он писал, что родился в 1921 г. в Цаган-Ольском сомоне Агинского аймака Читинской области. Считалось, что отец умер до его рождения. Мама умерла после тяжелой болезни в то время, когда в 1941 г. он заканчивал обучение в Агинской средней школе. Как помнит дочь по рассказам мамы и тети Пильжит, его старшей сестры, бывшей старше его на 20 лет, отцом П. Б. Балданжапова был известный нештатный лама-тантрист Цугольского дацана Балданжаб, эмигрировавший с ламами в Шэнэхэн.

По всей видимости, по этой причине для официальных властей существовала версия об умершем отце. В то время сокрытие определенных биографических данных нередко практиковалось по всей стране.

Ц. П. Ванчикова в 2021 г. рассказала: «После смерти матери его воспитывала и помогала ему по жизни старшая сестра Пильжит. Скорее всего, он жил в семье сестры, а во время учебы, возможно, в общежитии. И, конечно, с детства он рос в буддистской среде, рядом с Цугольским и Агинским дацанами, в Аге, где все пропитано буддистским духом и традициями. Его дядя был известным эмчи-ламой Цугольского дацана. В семье хранится его фото. Он был репрессирован, после этого он не имел права возвращаться на родину. Он тайком встречался с папой и бывал у нас и тогда, когда папа был в Чите. А потом пропал без вести. Был реабилитирован. У мамы была небольшая статья про него. Папа, думаю, начал учиться старомонгольской письменности еще в детстве, так как тогда еще использовалась классическая монгольская письменность, которая официально была заменена сначала на латинский, а позже на кириллический» [ПМА: Ванчикова Ц. П., 2021 г.].

Заслуживает особого внимания послужной список П. Б. Балданжапова. С сентября 1941 по ноябрь 1942 г. он работал учителем истории в Зугалайской семилетней школе Агинского округа. В ноябре 1942 г. был призван в ряды Советской армии, в апреле 1943 г. был уволен из армии по состоянию здоровья. С 1943 по 1946 гг. работал преподавателем, завучем и директором Зугалайской школы. В 1949 г. с отличием закончил исторический факультет Иркутского государственного университета. После работал директором Агинской средней школы № 1, с августа 1951 г. был заведующим Агинским окружным отделом народного образования. В сентябре 1953 г. поступил в аспирантуру Института востоковедения АН СССР по специальности «История Монголии» и в 1956 г. защитил диссертацию по теме «Монгольская летопись „Эрдэни-ийнэрикэ“ как исторический источник». Его научным руководителем был выдающийся ученый-монголовед и буддийский деятель С. Д. Дылыков (1912–1999). С июля 1956 г. работал проректором Кызыльского педагогического института. В 1957 г. был принят по конкурсу на должность декана историко-филологического факультета Читинского педагогического института. Начиная с июля 1959 г. вся его жизнь была связана с БИОН [Гомбоева 2009: 78]. В 1974 г. в 53 года он ушел на пенсию в связи с болезнью.

Творческая деятельность П. Б. Балданжапова осуществлялась на социокультурном фоне, не очень благоприятном для глубокого изучения религиозной тематики, тем более в периферийном регионе. Однако его самосознание, унаследованные культурные традиции, обычаи, представления, личный интерес и целеполагание позволили в наиболее возможной степени из-за отпущенного ему короткого времени научной деятельности осуществить поставленные им цель и задачи. Все решенные им научные проблемы были его личным выбором и инициативой, они были поддержаны в БИОН. Он вполне использовал полный спектр возможностей, которыми располагал, благодаря семейному окружению, воспитанию, образованию, среде. Не случайно создание коллектива по изучению индо-тибетской медицины, в том числе «Атласа тибетской медицины», состоялось в конце так называемых «шестидесятых», периода, границы которого

трактуются более широко: в него часто включают начало семидесятых, а также иногда конец пятидесятых. 1960-е гг. — время радикальных, новых открытий и тенденций, которые продолжили развиваться до конца 1990-х гг. П. Б. Балданжапов в полной мере использовал это время.

В 1969 г. в Москве в Государственном музее искусств народов Востока состоялась выставка «Традиционное искусство Бурятии XVIII–XX вв.», где впервые были показаны музейные предметы из Бурятского республиканского краеведческого музея им. М. Н. Хангалова (впоследствии — Музей истории Бурятии). Кроме этнографических предметов, были представлены изъятые в 1930-е гг. из бурятских дацанов предметы буддийского искусства: живопись (танка), аппликация, скульптура, в том числе уникальные работы Санжи-Цыбик Цыбикова (1877–1935 гг.), маски мистерии Цам, декоративная резьба по дереву. Были изданы набор открыток и каталог, составителями которого были Д. Б. Бадлаева и К. М. Герасимова [*Искусство Бурятии XVIII–XIX веков 1970*]. Безусловно, подготовка выставки заняла определенное время и была начата за несколько лет до его открытия. С середины 1960-х гг. буддийское искусство в Бурятии, можно утверждать, становится легальным. «Атлас тибетской медицины» тогда не экспонировали. Но с тех пор начинается активное его изучение с целью перевода и издания. Это был целый ряд мероприятий. Друг за другом с разрывом в несколько лет в БИОН организуются научные группы и редколлегии.

В СССР тибетскую медицину начали изучать в 1930-е гг. Ацагатская медицинская школа при Ацагатском дацане стала основной базой научных экспедиций Ботанического института АН СССР, Ленинградского Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ), которые изучали лекарственное сырье тибетской медицины (1931–1934 гг.). Однако сотрудничество школы с учеными ускорило процесс ее ликвидации, так как это мешало борьбе с «ламством» в республике [*Аюшеева 2007: 14*].

В 1935 г. в Ленинграде была организована группа, в которой работали академик Ф. И. Щербатский, В. И. Алексеев, Н. Н. Бадмаев, А. М. Востриков, А. Ф. Гаммерман и др. Ими были проведены экспедиции в Забайкалье и Монголию. В результате этой большой работы под эгидой Бурятского комплексного научно-исследовательского института опубликован словарь тибето-латино-русских названий лекарственного сырья, применяемого в тибетской медицине. Это были только первые шаги. Н. Л. Жуковская отмечает: «В те годы тибетская медицина и все, кто был причастен к ее изучению, переводу источников, сбору лекарственных трав с трудом доказывали свое право на место под солнцем. <...> До положительных перемен было еще очень далеко» [*Жуковская 2013: 94*].

Ц. П. Ванчикова и О. С. Ринчинова пишут, что академическое изучение наследия индо-тибетской медицины было начато в 1966 г., когда на базе Бурятского комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР (БКНИИ) был создан Бурятский филиал (БФ) СО АН СССР с двумя институтами: Бурятский институт общественных наук (БИОН) и Бурятский институт естественных наук (БИЕН). Тогда же по инициативе П. Б. Балданжапова были начаты работы по созданию Отдела источниковедения индо-тибетской медицины: написаны обоснования актуальности и перспективности нового направления, многочисленные представления и докладные в вышестоящие организации, проводились

подбор кадров, согласование планово-финансовых расходов. В результате в 1968 г. в БИОН на основании постановления Правительства СССР начал работу этот отдел во главе с заведующим, кандидатом исторических наук П. Б. Балданжаповым. Вместе с ним работали врачи Б. Б. Батуев, Э. Г. Базарон, К. В. Ракшаин, ботаник Т. А. Асеева, востоковед Б.-Д. Б. Бадараев и др. За короткое время ими был осуществлен ряд переводов, в том числе «Атласа тибетской медицины» [Ванчикова, Ринчинова 2016: 233].

По настоятельной просьбе П. Б. Балданжапова в группе работали бывшие эмчи-ламы, отбывшие к тому времени тюремные сроки и ссылки. Неоднократно он пишет в официальные органы о том, что сложная работа над «Атласом тибетской медицины» требует знатоков тибетского языка, философии и медицины, и просит разрешения на участие в этой работе дид-хамбо ламы Жимба-Жамсо Эрдынеева, гэлун-ламы Жимба-Жамсо Цыбенова и других. При этом он ссылается на существующий мировой опыт привлечения духовных лиц Тибета к подобной работе, например, в Америке [ЦВРК. Ф. БА. № 29. Оп. 1. Д. 104. Л. 17–18].

В группе П. Б. Балданжапова с 1968 г. над «Атласом тибетской медицины» и другими медицинскими письменными источниками работали штатными младшими научными сотрудниками БФ СО АН СССР следующие ламы: Даши-Нима Бадмаев, Гымпыл Гомбожапов, Бидия Дандарон, Бато-Мунко Дашиев, Донир Дашиев, Зундэ Жапов, Готоп Ринчинов, Жимба-Жамсо Цыбенов, Даша Цыбикжапов, Лодой Ямпиров. По устной информации Д. Д. Дарижаповой, супруги П. Б. Балданжапова, часто приезжали и бесплатно помогали, консультировали лучшие знатоки тибетского языка и тибетских источников Жундуй-лама, бывший в то время чабаном в колхозе, хамбо-лама ЦДУБ СССР Жимба-Жамсо Эрдынеев и другие. Важно отметить, что ламы принимали участие в исследовании других буддийских памятников. В подготовке работы «Памятники эстетической мысли Востока. Тибетский канон пропорций» К. М. Герасимова опиралась на знания бурятских лам, работавших в БИОН: перевод трактатов с тибетского языка потребовал расшифровки специфической терминологии, относящейся к анатомии, антропометрии, иконометрии, геометрии, композиции и эстетическим категориям [Ободоева 2015: 110]. Безусловно, они консультировали и принимали непосредственное участие в реализации многих научных тем института.

В эту группу устроился водителем известный ныне эмчи-лама Чимит-Доржи Дугаров. Сюда его привела тяга к тибетской медицине, которую он, со слов Д. Д. Дарижаповой, к тому времени знал хорошо. Азы профессии он освоил в течение двух лет в с. Мухор-Кундуй Читинской области, будучи послушником эмчи-ламы Цырен-Базара Гармаева. Впоследствии по характеристике П. Б. Балданжапова, который получил за это партийное взыскание, он поступил в Буддийскую академию в г. Улан-Баторе. Так благодаря энтузиазму отдельных людей осуществлялась преемственность поколений. Д. Д. Дарижапова рассказала, что ламам на первых порах негде было жить, лама Ж.-Ж. Цыбенов в течение года проживал в их семье. Впоследствии многие ламы получили квартиры в ведомственных домах БФ СО АН СССР. Многие из них после ухода на пенсию по болезни П. Б. Балданжапова (1974 г.) недолго пробыли на этой работе. Когда началось возрождение буддизма, некоторые уехали в родные места возрождать дацаны [Жамбалова 1997: 27].

Группа П. Б. Балданжапова работала с листами «Атласа тибетской медицины», хранившимися в фондохранилище музея, в помещении своего учреждения. Для этого необходимые листы утром доставляли в отдел БФ СО АН СССР, а вечером увозили. Хранитель музея Д. Б. Бадлаева рассказывала, что в течение двух лет ей приходилось возить листы «туда-сюда». Бурятские ученые, в целях сохранности памятника, исследовали листы через кальку. В дальнейшем из этих же соображений они стали работать с фотокопиями листов. Всего в этот период местные фотографы снимали его два раза. Параллельно с этим сотрудник БФ СО АН СССР А. И. Железнов сделал художественные копии с четырех листов, сейчас они хранятся в музее. В 1970 г. группа ученых во главе с П. Б. Балданжаповым в сопровождении главного хранителя музея Ж. Ж. Жабона свозила свод иллюстраций в Москву в Академию медицинских наук для показа специалистам [Бадлаева 1993: 10].

П. Б. Балданжапов и его коллеги главной целью начальной стадии работы ставили изучение и издание «Атласа тибетской медицины». В этом их поддерживали республиканские руководители. Ученые понимали сложность работы и готовы были согласиться на издание памятника по частям в несколько этапов. Однако подготовленная в 1971 г. к печати рукопись комментированного перевода с вступительной статьей П. Б. Балданжапова не увидела свет, как писало впоследствии руководство БИОН, «по обстоятельствам, не зависящим от исполнителей» [Жамбалова 1997: 29].

Однако в атеистическом государстве не было достаточных условий для работы над «Атласом тибетской медицины» и было немало препятствий. Н. Л. Жуковская пишет: «К 1971 г. группа П. Б. Балданжапова завершила первую стадию своей работы, представив комментированный перевод АТМ. Однако далее дело не пошло. Слишком сильна была еще инерция идеологического неприятия нетрадиционных для России медицинских систем Востока: мешала глубинная связь тибетской медицины с буддизмом. Легализовать первую, не воздав должное второму, было невозможно» [Жуковская 2013: 94].

Важно отметить, что в связи с выходом П. Б. Балданжапова на пенсию по болезни в работе над памятником, как пишет Н. Л. Жуковская, «наступил вынужденный перерыв» [Жуковская 2013: 94]. Обращает внимание то, что многие ламы после болезни П. Б. Балданжапова недолго пробыли на этой работе. Но за довольно короткое время основную работу по переводу памятника они успели сделать. Это еще одно свидетельство центральной роли ученого П. Б. Балданжапова в изучении памятника. Благодаря его инициативе в Бурятии до настоящего времени изучение тибетской медицины является одним из перспективных научных тем, а «Атлас тибетской медицины» считается одним из главных ценностей, хранящихся в республике.

В 1981 г. Президиум БФ СО РАН принимает решение о подготовке «Атласа тибетской медицины» к изданию. Н. Л. Жуковская отмечает, что оно задумано как публикация не просто иллюстраций к трактату по медицине, а как выдающегося памятника культуры народов Востока [Жуковская 2013: 94]. Издание состоялось спустя многие годы, в 1994 г., в Российской Федерации [Атлас тибетской медицины 1994]. Хотя в этом издании не указано, что в какой-то мере использованы материалы, подготовленные группой

П. Б. Балданжапова, понятно, что их огромная работа заложила важную основу для последующих исследований, внесла огромный вклад в подготовку этого издания. Созданный в 1968 г. по инициативе П. Б. Балданжапова отдел в дальнейшем претерпел ряд структурных и ведомственных реорганизаций и в настоящее время преобразован в отдел биологически активных веществ в Институте общей и экспериментальной биологии СО РАН. Здесь проводится комплексное изучение опыта лам-врачевателей, изучение опыта использования природного сырья в области традиционной тибетской медицины и создание новых эффективных лекарственных средств на их основе [Ванчикова, Ринчинова 2016: 233].

Бесспорно, ученые, тесно работавшие рука об руку с ламами, начавшие изучение и перевод «Атласа тибетской медицины» с «чистого» листа, проделали огромный объем работы и заложили надежный фундамент другим коллективам для последующих исследований памятника. К сожалению, их научный подвиг теперь мало известен.

Уникальный памятник притягивал взоры крупнейших ученых мира. Они приезжали в Бурятию, чтобы увидеть его, поработать с ним и провести разведку о возможности его издания. Согласно докладной П. Б. Балданжапова руководству БИОН, французский исследователь Р. Амайон по ее инициативе два раза встречалась с ним в феврале – марте 1974 г. Предметом разговора, кроме прочих научных проблем, был вопрос издания «Атласа тибетской медицины». Р. Амайон сообщила, что издание «Атласа тибетской медицины» включено в программу ЮНЕСКО, которое выделило 3 тыс. долларов и ведет переговоры с Лейпцигским издательством в ГДР. В случае нехватки этих средств директор лаборатории восточной медицины г-н Вонг готов организовать дополнительные средства по линии различных благотворительных обществ. П. Б. Балданжапов дал на это предложение, как он пишет: «категоричный ответ, что все может решить лишь советский комитет ЮНЕСКО и его представитель в Париже т. Тюрин» [ЦВРК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 39. Л. 3–4]. Есть информация другого содержания. М. В. Аюшеева пишет, что этот крупный проект так и остался нереализованным из-за болезни П. Б. Балданжапова. В связи с изданием свода иллюстраций планировалась конференция по 720 программе ЮНЕСКО в Улан-Удэ летом 1975 г. [Аюшеева 2014б: 44].

«Атлас тибетской медицины» поступил в музей в скрученных в свиток листах и в таком виде хранился до 1968 г. в бараке или сарае музея, пока к нему не обратились ученые. Как вспоминает Д. Б. Бадлаева, в том году они вместе со служителем музея достали и открыли его листы, произвели механическую чистку щеткой и фланелью с двух сторон и занесли на второй этаж фондохранилища в Одигитриевском соборе, где в то время размещались фонды музея. Листы были все перепутаны, находились в беспорядке, не по номерам. Ламы-консультанты БИОН разложили их по порядку, определили основные листы и выделили дубликаты. Лама Донир Дашиев изготовил папки розового цвета, а в 1970 г. сделал деревянную коробку, в которой памятник возили в Москву. В 1975 г. ламы-иконописцы Ж.-Ж. Цыбенков и Б.-М. Дашиев провели обновление грунтовки, консервацию традиционными тибетскими методами [Жамбалова 1997: 43–44]. Эти мероприятия обеспечили ему сохранность на долгие годы.

Заключение

Приведенные достоверные материалы по истории изучения уникального буддийского средневекового памятника тибетской медицины «Атласа тибетской медицины» в БИОН свидетельствуют в первую очередь о том, что в буддийском трансграничном регионе России и Тибета активно протекали процессы культурного взаимодействия, осуществляемые буддийскими учреждениями и священнослужителями. Благодаря этой деятельности Бурятия располагает уникальными памятниками буддийского искусства и медицины, где одно из первых мест занимает «Атлас тибетской медицины». Изъятый из бурятского дацана, не востребованный в музее долгие годы, памятник признан буддийской святыней России благодаря культурно-исторической миссии П. Б. Балданжапова, инициатора, организатора и исполнителя его изучения и сохранения. Начало изучения памятника в БИОН в 1968 г. было своевременным и позволило оставить за собой приоритет в изучении тибетской медицины и создать известную востоковедную школу.

Информант

ПМА: Ванчикова Ц. П., г. Улан-Удэ Республики Бурятия, опрос 2021 г.

Источники

ЦВРК ИМБТ СО РАН — Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН.

Sources

Center of Oriental Manuscripts and Xylographs; Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS).

Литература

- Атлас тибетской медицины 1994 — *Атлас тибетской медицины*. Свод иллюстраций к тибетскому медицинскому трактату XVII века «Голубой берилл» / под ред. Ю. М. Парфионовича. М.: Галарт, 1994. 592 с.
- Аюшеева 2014а — *Аюшеева Д. В.* Традиционная тибетская медицина в современном западном мире [электронный ресурс] // URL: http://www.rusnauka.com/11_NPE_2014/Philosophia/2_164765.doc.htm (дата обращения: 15.10.2021).
- Аюшеева 2007 — *Аюшеева Л. В.* Роль тибетского врачевания в отечественной медицине (XVII–XX вв.): автореф. дисс. ... канд. мед. наук. М., 2007. 24 с.
- Аюшеева 2014б — *Аюшеева М. В.* «Дорогой друг, Пурбо!» — переписка П. Б. Балданжапова (по материалам личного архива) // *Культура Центральной Азии: письменные источники*. 2014. № 8. С. 34–47.
- Бадлаева 1993 — *Бадлаева Д. Б.* Наша память // *Музей и краеведение: проблемы истории и культуры народов Бурятии*. Улан-Удэ: ТОО «Озон» при БНЦ СО РАН, 1993. С. 9–13.
- Балданжапов 1982 — *Балданжапов П. Б.* К изучению источников индо-тибетской медицины // *Материалы по изучению источников традиционной системы индо-тибетской медицины*. Новосибирск: Наука, 1982. С. 10–17.
- Болсохоева 1994 — *Болсохоева Н. Д.* Деси Сангье Гьяцо (1653–1705) и его медицинские сочинения // *Атлас тибетской медицины. Свод иллюстраций к тибетскому медицинскому трактату XVII века «Голубой берилл»*. М.: Галарт, 1994. С. 26–31.
- Болсохоева 2006 — *Болсохоева Н. Д.* Тибетские медицинские иллюстрации в системе традиционного медицинского образования бурятского этноса // *Сибирский педагогический журнал*. 2006. № 2. С. 178–183.

- Бураева, Аюшеева 2011 — *Бураева С. В., Аюшеева М. В.* Коллекции мемориального кабинета П. Б. Балданжапова // Культурное наследие и глобализация. Опыт, проблемы, перспективы сохранения культурных ценностей в современном мире : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Сыктывкар, 21–23 сент. 2011 г.). Сыктывкар: Коми пединститут, 2011. С. 25–27.
- Ванчикова 2000 — *Ванчикова Ц. П.* П. Б. Балданжапов (1921–1991) // Культура Центральной Азии: письменные источники. 2000. № 4. С. 3–9.
- Ванчикова, Ринчинова 2016 — *Ванчикова Ц. П., Ринчинова О. С.* Проблемы развития тибетской медицины в Бурятии // Улан-Удэ — 350 лет: история, пространство, общество. Иркутск: Отгиск, 2016. С. 232–236.
- Василенко 2012 — *Василенко В. А.* Неопубликованная рукопись Пурбо Балданжапова «Тува под гнетом маньчжурских захватчиков» // Новые исследования Тувы. 2012. № 2. С. 86–108.
- Василенко 2013 — *Василенко В. А.* Оценка П. Б. Балданжаповым политики Цинского Китая в Туве в период с XVII по XIX вв. (по материалам рукописи «Тува под гнетом маньчжурских захватчиков») // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 4–2 (30). С. 34–38.
- Герасимова 1994 — *Герасимова К. М.* Памятник средневековой культуры Тибета // Атлас тибетской медицины. Свод иллюстраций к тибетскому медицинскому трактату XVII века «Голубой берилл». М.: Галарт, 1994. С. 37–43.
- Гомбоева 2009 — *Гомбоева М. И.* П. Б. Балданжапов (1921–1991) // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. 2009. № 3. С. 78–81.
- Дашиев 1994 — *Дашиев Д. Б.* Традиция иллюстрирования медицинских текстов в тибете и публикуемый свод иллюстраций // Атлас тибетской медицины. Свод иллюстраций к тибетскому медицинскому трактату XVII века «Голубой берилл». М.: Галарт, 1994. С. 32–36.
- Дылыкова-Парфионович 1994 — *Дылыкова-Парфионович В. С.* Трактаты «Четверокнижие» и «Голубой берилл» как научная основа публикуемого свода иллюстраций // Атлас тибетской медицины. Свод иллюстраций к тибетскому медицинскому трактату XVII века «Голубой берилл». М.: Галарт, 1994. С. 15–25.
- Жабон 1996 — *Жабон Ю. Ж.* Тибетская коллекция библиотеки П. Б. Балданжапова (1921–1991) // Культура Центральной Азии: письменные источники. 2014. № 8. С. 29–34.
- Жамбалова 1997 — *Жамбалова С. Г.* «Атлас тибетской медицины» — сокровище Бурятии. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1997. 48 с.
- Жамбалова 2018 — *Жамбалова С. Г.* Современная бурятская сельская интеллигенция // Мир Большого Алтая. 2018. Т. 4. № 2. С. 276–288.
- Жуковская 2013 — *Жуковская Н. Л.* Атлас тибетской медицины на перекрестке религии и политики // О буддизме и буддистах. Статьи разных лет. 1969–2011. М.: Ориенталия, 2013. 474 с.
- Искусство Бурятии XVIII–XIX веков 1970 — Искусство Бурятии XVIII–XIX веков. М.: Упр. по печати при Совете Министров Бур АССР, 1970. 40 с.
- Курасов 2012 — *Курасов С. В.* Тибетская живопись в системе традиционного искусства. жанры и школы тибетской живописи // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2012. № 3. С. 3–15.
- Курасов 2014 — *Курасов С. В.* Искусство Тибета (XIX–XX вв.) как единая художественная система: иконология и язык образов: автореф. дисс. д-ра искусствоведения. М., 2014. 41 с.
- Левада 1989 — *Левада Ю. А.* Интеллигенция // 50 / 50: Опыт словаря нового мышления / под ред. М. Ферро, Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1989. С. 128–131.
- Номогоева 2009 — *Номогоева В. В.* Тибетская медицина в Бурятии в контексте социальной модернизации 1920–30-х годов // Бюллетень Восточно-Сибирского науч-

**Материалы IV Международного семинара «Письменное наследие
и актуальные проблемы истории и культуры монгольских народов»,
посвященного 100-летию со дня рождения Пурбо Балдановича Балданжапова**

- ного центра Сибирского отделения Российской академии медицинских наук. 2009. № 3(67). С. 284–286.
- Ободоева 2015 — *Ободоева Б. В.* Буддийское искусство в векторе отечественной историографии // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 14. С. 108–111.
- Попова 2017 — *Попова Т. Н.* В поисках Азимута или новые траектории старого «биографизма» // Профессия — историк. К юбилею Л. П. Репиной. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2017. С. 46–68.
- Сергеева 1994 — *Сергеева Т. В.* Иллюстрации к трактату «Голубой берилл» // Атлас тибетской медицины. Свод иллюстраций к тибетскому медицинскому трактату XVII века «Голубой берилл». М.: Галарт, 1994. С. 44–52.
- Суворов 2014 — *Суворов В. В.* Восточная медицина как фактор увлечения Востоком в российском обществе в конце XIX – начале XX вв. // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2014. Т. 4. № 3. С. 216–217.
- Чимитдоржиев 2001 — *Чимитдоржиев III. Б.* Пурбо Балданжапов // Выдающиеся бурятские деятели. Вып. 4. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. С. 29–30.

Author's Field Data

Informant: Vanchikova Ts.P., Ulan-Ude (Republic of Buryatia, Russia).

References

- Arts of Buryatia, 18th–19th Centuries. Moscow: Buryat ASSR Council of Ministers (Print Media Dept.), 1970. 40 p. (In Russ.)
- Ayusheeva D. V. Traditional Tibetan Medicine in the Contemporary Western World. Available at: http://www.rusnauka.com/11_NPE_2014/Philosophia/2_164765.doc.htm (accessed: October 15, 2021). (In Russ.)
- Ayusheeva L. V. Tibetan Medicine and Its Role in Russia's Medical Practices, 17th–20th Centuries. Cand. Sc. (medicine) thesis abstract. Moscow, 2007. 24 p. (In Russ.)
- Ayusheeva M. V. 'Dear friend, Purbo!' — P. B. Baldanzhapov's correspondence (A case study of personal archives). In: Culture of Central Asia. Written Sources. Collected papers. Vol. 8. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2014. Pp. 34–47. (In Russ.)
- Badlaeva D. B. Our memory. In: Museums and Studies of Local History, Lore, and Nature. Peoples of Buryatia. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 1993. Pp. 9–13. (In Russ.)
- Baldanzhapov P. B. Towards a study of sources in Indo-Tibetan medicine. In: Exploring Sources in the Traditional System of Indo-Tibetan Medicine. Collected materials. Novosibirsk: Nauka, 1982. Pp. 10–17. (In Russ.)
- Bolsokhoeva N. D. Desi Sangye Gyatso (1653–1705) and his medical treatises. In: Parfionovich Yu. M. (ed.) The Atlas of Tibetan Medicine: Collected Illustrations to the 17th-Century Tibetan Medicine Guide Titled 'Blue Beryl'. Moscow: Galart, 1994. Pp. 26–31. (In Russ.)
- Bolsokhoeva N. D. Tibetan illustrations in Buryat traditional medical education. *The Siberian Pedagogical Journal*. 2006. No. 2. Pp. 178–183. (In Russ.)
- Buraeva S. V., Ayusheeva M. V. Collections of the Baldanzhapov Memorial Room. In: Cultural Heritage and Globalization. Experiences, Problems, Prospects of Maintaining Cultural Values in the Contemporary World. Conference proceedings (Syktyvkar, September 21–23, 2011). Syktyvkar: Komi State Pedagogical Institute, 2011. Pp. 25–27. (In Russ.)
- Chimitdorzhiev Sh. B. Purbo Baldanzhapov. In: Prominent Buryat Personalities. Vol. 4. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2001. Pp. 29–30. (In Russ.)
- Dashiev D. B. Publishing the Collected illustrations: The tradition of illustrating medical treatises in Tibet revisited. In: Parfionovich Yu. M. (ed.) The Atlas of Tibetan Medicine: Collected Illustrations to the 17th-Century Tibetan Medicine Guide Titled 'Blue Beryl'. Moscow: Galart, 1994. Pp. 32–36. (In Russ.)

- Dylykova-Parfionovich V. S. Four Books and Blue Beryl: The treatises as a scientific basis for the present compendium of illustrations. In: Parfionovich Yu. M. (ed.) *The Atlas of Tibetan Medicine: Collected Illustrations to the 17th-Century Tibetan Medicine Guide Titled 'Blue Beryl'*. Moscow: Galart, 1994. Pp. 15–25. (In Russ.)
- Gerasimova K. M. Monument of medieval Tibetan culture. In: Parfionovich Yu. M. (ed.) *The Atlas of Tibetan Medicine: Collected Illustrations to the 17th-Century Tibetan Medicine Guide Titled 'Blue Beryl'*. Moscow: Galart, 1994. Pp. 37–43. (In Russ.)
- Gomboeva M. I. Purbo B. Baldanzhapov, 1921–1991. *Uchenye zapiski ZabGU. Filologiya, istoriya, vostokovedenie*. 2009. Pp. 77–81. (In Russ.)
- Kurasov S. V. Arts of Tibet as a Unified Creative System, 19th–20th Centuries: Iconology and Language of Images. Dr. Sc. (art studies) thesis abstract. Moscow, 2014. 41 p. (In Russ.)
- Kurasov S. V. Tibetan painting in the system of traditional arts. Genres and schools. *Decorative Art and Environment. Gerald of the MGHPA*. 2012. No. 3. Pp. 3–15. (In Russ.)
- Levada Yu. A. Intelligentsia. In: Ferro M., Afanasyev Yu. (eds.) *50 / 50: A Dictionary of New Thinking*. Moscow: Progress, 1989. Pp. 128–131. (In Russ.)
- Nomogoeva V. V. The Tibetan medicine in Buryatia in the context of social modernization 1920–30 years. *Bulletin of the East Siberian Scientific Center SB RAMS (Acta Biomedica Scientifica)*. 2009. No. 3(67). Pp. 284–286. (In Russ.)
- Obodoeva B. V. Buddhist art in the vector of the Russian historiography. *Buryat State University Bulletin*. 2015. No. 14. Pp. 108–111. (In Russ.)
- Parfionovich Yu. M. (ed.) *The Atlas of Tibetan Medicine: Collected Illustrations to the 17th-Century Tibetan Medicine Guide Titled 'Blue Beryl'*. Moscow: Galart, 1994. 592 p. (In Russ.)
- Popova T. N. In search of the Azimuth: Or new trajectories of the old 'biographism'. In: *Profession — Historian. Celebrating L. P. Repina's Jubilee*. Moscow: Institute of World History (RAS), 2017. Pp. 46–68. (In Russ.)
- Sergeeva T. V. Illustrations to the treatise titled 'Blue Beryl'. In: Parfionovich Yu. M. (ed.) *The Atlas of Tibetan Medicine: Collected Illustrations to the 17th-Century Tibetan Medicine Guide Titled 'Blue Beryl'*. Moscow: Galart, 1994. Pp. 44–52. (In Russ.)
- Suvorov V. V. Oriental medicine as a factor to have sparked the interest of Russian society towards the East, late 19th – early 20th century. *Bulletin of Medical Internet Conferences*. 2014. Vol. 4. No. 3. Pp. 216–217. (In Russ.)
- Vanchikova Ts. P. Purbo B. Baldanzhapov (1921–1991). In: *Culture of Central Asia. Written Sources. Collected papers*. Vol. 4. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2000. Pp. 3–9. (In Russ.)
- Vanchikova Ts. P., Rinchinova O. S. Tibetan medicine in Buryatia: Issues of development. In: *Celebrating the 350th Anniversary of Ulan-Ude. History, Environment, Community*. Irkutsk: Ottisk, 2016. Pp. 232–236. (In Russ.)
- Vasilenko V. A. P. B. Baldanzhapov's assessment of Qing China policy in Tuva from the XVIIth till the XIXth centuries (by material of the manuscript 'Tuva under the Yoke of the Manchu Invaders'). *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2013. No. 4–2 (30). Pp. 34–38. (In Russ.)
- Vasilenko V. A. Purbo Baldanzhapov's unpublished manuscript 'Tuva under the Yoke of the Manchu Invaders'. *The New Research of Tuva*. 2012. No. 2. Pp. 86–108. (In Russ.)
- Zhabon Yu. Zh. Center of Oriental Manuscripts and Xylographs (IMBTS SB RAS): The Tibetan collection of P. Baldanzhapov (1921–1991) revisited. In: *Culture of Central Asia. Written Sources. Collected papers*. Vol. 8. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2014. Pp. 29–34. (In Russ.)
- Zhambalova S. G. Contemporary rural Buryat intelligence. *World of the Great Altai*. 2018. Vol. 4. No. 2. Pp. 276–288. (In Russ.)
- Zhambalova S. G. *The Atlas of Tibetan Medicine — Treasure of Buryatia*. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1997. 48 p. (In Russ.)
- Zhukovskaya N. L. The Atlas of Tibetan Medicine: At the crossroads of religion and policy. In: *About Buddhism and Buddhists. Articles of Different Years, 1969–2011*. Moscow: Orientalia, 2013. 474 p. (In Russ.)

УДК / UDC 930(929)

DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-661-671

Экспедиционная деятельность П. Б. Балданжапова

Марина Васильевна Аюшеева¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0003-3760-9867. E-mail: ayagma@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Аюшеева М. В., 2021

Аннотация. *Введение.* В статье рассмотрен один из аспектов творческого наследия Пурбо Балдановича Балданжапова (1921–1991), видного исследователя истории и культуры монголоязычных народов. Актуальность настоящей статьи продиктована значимостью материалов экспедиционной деятельности П. Б. Балданжапова, необходимостью ввода в научный оборот собранных им сведений по истории и культуре бурят, монголов и тувинцев. *Цель и задачи исследования* заключаются в оценке научного наследия П. Б. Балданжапова, ввода в научный оборот экспедиционных материалов и характеристики его роли в развитии бурятской науки. В исследовании применялись *методы* источниковедения для характеристики и анализа полевых материалов, биографический для оценки роли П. Б. Балданжапова в изучении истории и культуры монголоязычных народов. *Материалом* для изучения послужили его полевые материалы, отчеты, экспедиционные дневники и записные книжки, хранящиеся в личном архиве ученого (фонд № 29) в Центре восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН. *Результаты.* В ходе своей многогранной научной деятельности П. Б. Балданжапов уделил много внимания сбору и выявлению письменных памятников, особенно монгольских летописных сочинений и сочинений по индо-тибетской медицине. Кроме этого, во время историко-этнографических экспедиций им проводился сбор сведений о шаманских обрядах, родовому составу, фольклору и этнографии. Собранные им материалы по духовной культуре бурят, монголов, по трансформации монгольского общества и развитию школьного образования в Монголии существенно дополняют и конкретизируют историю и культуру изучаемых народов. *Выводы.* П. Б. Балданжапов реализовал ряд крупных проектов по изучению письменных источников, духовной культуры бурят и монголов, индо-тибетской медицине. Экспедиционные материалы, большей частью представленные в черновых записях, трудны для расшифровки, но представляют определенную ценность для исследователей. Следует подчеркнуть, что собранная им коллекция архивных материалов, монгольских и тибетских рукописей и ксилографов, микрофильмов по тематическому насыщению является уникальной в собрании Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Ключевые слова: письменные памятники, экспедиционные материалы, дневники,

шаманизм, фольклор, Монголия, Бурятия, Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Благодарность. Статья выполнена в рамках государственного задания — проект «Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней Азии» (номер госрегистрации: 121031000263-3).

Для цитирования: Аюшеева М. В. Экспедиционная деятельность П. Б. Балданжапова // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 4. С. 661–671. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-661-671

Fieldwork Endeavors of Purbo B. Baldanzhapov

Marina V. Ayusheeva¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS
(6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0003-3760-9867. E-mail: ayagma@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Ayusheeva M. V., 2021

Abstract. The article examines one of the aspects of the creative heritage of Purbo Baldanovich Baldanzhapov (1921–1991), the eminent scholar of history and culture of Mongolian-speaking peoples. The study is of relevance, granted the importance of his field work and materials collected in the expeditions, including the data on the history and culture of Buryats, Mongolians, and Tuvans that need to be published. The article *aims* to give an estimate of Baldanzhapov's scholarly work and of his role for the development of science in Buryatia and to introduce his field materials to make them available for scientific study. For the purpose, *methods* of source studies were used for the description and analysis of the field materials under study and the biographical method was employed in the estimation of the scholar's contribution to the study of the history and culture of the Mongolian-speaking peoples. *Materials* used for the research were his field reports, reports, expedition diaries, and notebooks kept in the scholar's personal archive (f. no. 29) at the Center for Oriental Manuscripts and Xylographs of the Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. *Results.* While he was involved in numerous scholarly activities, Baldanzhapov focused on the collection and identification of written monuments, especially Mongolian chronicles and works on Indo-Tibetan medicine. As a member of historical- ethnographic expeditions, he collected data on shamanistic rituals, Buryat clans and families, folklore, and ethnography. His data on the spiritual culture of the Buryats and Mongolians, the transformation of Mongolian society and the development of school education in Mongolia substantially supplement and concretize the history and culture of the peoples under study. *Conclusions.* Baldanzhapov managed to implement several large projects for the study of written sources, the spiritual culture of the Buryats and Mongolians, and Indo-Tibetan medicine. The draft records of most field materials are not easy to work with, but they are sure to be of relevance for the researchers in the field. Notably, in terms of their thematic coverage, the archival materials, Mongolian and Tibetan manuscripts and xylographs, microfilms, which the scholar managed to collect, are unique in the collection of the Center of Oriental Manuscripts and Xylographs of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS).

Keywords: written sources, field materials, diaries, shamanism, folklore, Mongolia, Buryatia, Center of Oriental Manuscripts and Xylographs, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of the RAS

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment, project no. 121031000263-3 ‘Writing Traditions of Baikal Peoples in the Context of Historical and Cultural Heritage of Russia and Inner Asia’.

For citation: Ayusheeva M. V. Fieldwork Endeavors of Purbo B. Baldanzhapov. *Mongolian Studies (Elista)*. 2021; 13(4): 661–671. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-661-671

Введение

В Центре восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН) особое место занимает личный архив Пурбо Балдановича Балданжапова (1921–1991), состоящий из нескольких коллекций: БМ — монгольские рукописи и ксилографы, БТ — тибетские рукописи и ксилографы, БА — личный архив ученого (в общей нумерации личных фондов — ЛАФ. № 29), ББ — востоковедная библиотека, Бм/ф — коллекция микрофильмов, а также фонозаписи, фотографии и газетные вырезки. Данное наследие было передано в дар Бурятскому институту общественных наук СО РАН (в настоящее время — ИМБТ СО РАН) вдовой Пурбо Балдановича — Дулмой Дарижаповной Дарижаповой с условием хранения как неразрывного фонда. В 1995 г. в здании Хранилища восточных рукописей и ксилографов был организован мемориальный кабинет-музей П. Б. Балданжапова, в котором был частично восстановлен рабочий кабинет ученого: родные передали мебельные шкафы, рабочий стол, пишущую машинку со старописьменным монгольским шрифтом и другие личные вещи.

Следует подчеркнуть, что собранная им коллекция архивных материалов, монгольских и тибетских рукописей и ксилографов, микрофильмов по тематическому насыщению является уникальной в собрании ЦВРК ИМБТ СО РАН. И она привлекала внимание исследователей: обзор тибетского фонда был выполнен в работе Ю. Ж. Жабон [Жабон 2014], фонозаписи и фольклорные материалы исследовались в работах Л. Д. Дашиевой [Дашиева 2014], Д. В. Дашибаловой [Дашибалова 2014]. Д. В. Дашибаловой был выполнен перевод на русский язык улигера, записанного П. Б. Балданжаповым [Дашибалова 2014: 76–102]. Общая характеристика личного фонда содержится в статье С. В. Бураевой и М. В. Аюшеевой [Бураева, Аюшеева 2011]. Изучению неопубликованной рукописи П. Балданжапова «Тува под гнетом маньчжурских захватчиков» посвящены две статьи В. А. Василенко [Василенко 2012; Василенко 2013]. Большая часть материалов, собранных фондообразователем во время командировок и экспедиций, отложилась в рукописном виде и практически не была введена в научный оборот.

Творческая биография

П. Б. Балданжапов работал в Институте общественных наук с 1959 г., занимал должности младшего научного сотрудника, старшего научного сотрудника, заведующего музеем Восточных культур, заведующего сектором источниковедения индо-тибетской медицины. За эти годы им разрабатывались, главным образом, следующие крупные темы: «Источниковедение и историография МНР», «Источниковедение индо-тибетской медицины», «Изучение Ганджура и Данджура, выборочная публикация и перевод сочинений из них» [Гомбоева 2009: 77]. Все темы, так или иначе, переплетаются в его экспедиционных записях,

поскольку направлены на изучение богатого духовного и письменного наследия монгольских народов. В ходе своей многогранной научной деятельности П. Б. Балданжапов уделит много внимания сбору и выявлению письменных памятников, особенно монгольских летописных, грамматических сочинений и сочинений по индо-тибетской медицине, что соответствовало выполняемым им темам госзаданий. Проблема «Истории культуры» поднятая в рамках задач Госкомитета Совета Министров СССР по науке и технике, отразилась в статьях, посвященных изучению развития современной культуры монгольского народа.

Экспедиционные исследования

Сбор полевых материалов и начало научно-исследовательской работы относится к раннему этапу его трудовой деятельности. Еще до поступления в Иркутский государственный университет Пурбо Балданович занимался сбором фольклорного и этнографического материала в Агинском округе.

В личном фонде отложилась переписка с А. П. Окладниковым за 1950 г. по организации археологической экспедиции на территории Агинского Бурятского округа. В последующем интерес к древней истории родного края был продолжен. В личном фонде имеется неопубликованная рукопись «Материалы по археологии Агинского национального округа» [ЦВРК ИМБТ СО РАН. ЛАФ. 29. Оп. 1. Д. 213]. Сохранился примерный план научно-исследовательской и агитационно-массовой экспедиции, составленный им 12 мая 1958 г. План состоял из трех крупных блоков: А) собирать материал по истории (данный пункт расписан более подробно и включал четыре подпункта: 1) запись фольклора — песни, сказки, загадки, легенды и предания; 2) материалы о колхозах, сомонах, районах и округе (какие роды проживали раньше, административное устройство, знаменательные события, известные личности, родство по отцу и матери); 3) обряды и обычаи прошлого (свадебные, сурхарбан, спортивные, суеверия); 4) топонимика; Б) запись на магнитофон (песен, сказок, легенд, соло, «хони абхуулха — тээглэхэ» и др.). Последний блок «В» заключал в себе и фотографирование. Помимо этого, был разработан особый план с маршрутом экспедиции. Во время данной экспедиции от улигершина Галсан-Жамсо Тыхеева были записаны на магнитофонную ленту улигеры «Алтан Шаахай Мунгэн Шаахай хоёр» («Алтан Шахай и Мунгэн Шахай»), «Уншэн сагаан ботогон» («Сиротинка белый верблюжонок») и др.

Во время историко-этнологической экспедиции отдела зарубежного Востока в Тункинский район Бурятии в мае – июне 1962 г. П. Б. Балданжаповым были собраны многочисленные фольклорные материалы. Записано краткое содержание ряда улигеров, тункинской версии Гэсэра. На магнитофон записаны улигеры «Угытэй хубуун» («Парень бедняк»), «Хаан Харангуй» («Хан Харангуй»), тексты *мориной соло* («восхваление коня») и др. После сбора полевого материала при содействии райкома партии была организована научно-практическая конференция, в которой участвовали члены парткома, секретари парторганизаций, лекторы и другие активисты. Проводилась выставка «Наука и религия» с показом фотоматериала по священным местам Тунки. Были зачитаны антирелигиозные и пропагандистские доклады. П. Б. Балданжапов сделал доклад «Советское законодательство о культах». При райкоме партии также была организована беседа с ламами и шаманами, на которой Пурбо Балданович повторил свой

доклад и побеседовал с участниками в неформальной обстановке. Несмотря на то, что данная беседа была организована при райисполкоме «для разоблачения реакционной и незаконной деятельности служителей культа» [ЦВРК ИМБТ СО РАН. ОАФ 2007/г. Л. 22], П. Б. Балданжапов интересовался современным бытованием религиозных обрядов, их исполнением, содержанием и значением. Предполагалось, что в беседе будут принимать участие 6 лам и 17 шаманов, однако присутствовало 8 шаманов и 2 лам. После того как П. Б. Балданжапов прочитал им лекцию об их вредной деятельности и законах, принятых в советском государстве о культах, состоялась беседа, во время которой задавались такие вопросы, как: «Есть ли закон, запрещающий религию?», «Правильно ли забивать последнюю корову, чтобы съездить в Иволгинский дацан?», «Какие есть меры для прекращения того, чтобы население не молилось шаманам?». Из беседы явствует, что слушатели согласны с вредным влиянием религии, но все же продолжают проводить определенные ритуалы, как *сэржэм* и другие, по просьбе сельчан. О влиянии шаманских представлений и шаманов на сознание и культуру тункинских бурят свидетельствует история, рассказанная П. Б. Балданжапову прокурором Тункинского района, о том, что несколько лет назад в Галбае построили новую коровью ферму, но так как шаманы сказали, что та местность плохая, то ферму перенесли на другое место, на что было истрачено 100 тыс. рублей (старыми) [ЦВРК ИМБТ СО РАН. ОАФ 2007. Л. 56–61].

Среди полевых материалов Тункинской экспедиции много разрозненных записей о Шаргай-нойоне, или Ринчин-хане в ламаизированном культе, топонимике района, *обоо*, проводимых обрядах, охотничьих обрядах, о хонгодорах. Как следует из материалов, при достаточно высоком распространении религиозности молодежь не знает смысла и значения обрядов, а на религиозные мероприятия, как *обоо*, ходят как на традиционные, национальные мероприятия. Проводимые обряды по описанию стали просты. Некоторые информанты не помнят призываний, имен, атрибутов. Пурбо Балданович после приведенной информации делает пометки — «рассказано путано, сбивчиво».

Интересные легенды о происхождении хозяев гор были записаны от Хархоева Чойдона Цыденовича, 55 лет. Так, Дэмбээ-лхарамба из Закаменского Санатинского дацана рассказывал, что Шаргай-нойон и Буха-нойон были шаманами в далекой стране, возле Индии. От данного информанта был записан обряд тахилга Шаргай-нойона. При почитании хозяев местными жителями соблюдались определенные запреты: на поклонение не привозили сырое мясо, женщины не поднимались на возвышенность, возле святых мест не рубили деревья.

П. Б. Балданжаповым был записан текст охотничьих обрядов. Например, когда идут охотиться в незнакомую местность, читают: *Хилгани эзэн хамба ламахай / Мэдээ угы мэлтэрхэйб / Ухаа угы ултархайб / Хуртэгты! / Хаани албан хатуу / Алба хуули заяагты! / Хаани албан хатуу / Хаага мангад бэрхэ / Хоол эдээ заяагты!* ‘Хозяин Хилганы — хамбо ламахай / Случайно (подношение) перелил через край, / Неожиданно переварил, / Отведайте! / Ханская служба трудная / Пожалуйте нам строгий закон! / Ханская служба трудная / Казаки и русские умелые / Пожалуйте пропитание!’¹. В ламаизированном тексте поклонения остались старые формулы, присутствуют упоминания о тяжелой

¹ Здесь и далее перевод автора.

службе царю и о умелых казаках. Считалось, что если не делать подношений в лесу, то возможны различные напасти, можно заплутать в лесу, встретиться с опасностью и пр.

Хомхоев Чойжон сообщил, при каких случаях раньше обращались к шаманам: при падеже скота, при болезни детей, плохих снах, для обретения покровительства хозяев-духов местностей. Последний обряд по истечении определенного времени повторялся, и снова обращались с просьбой о заботе и попечении, а при достижении опекаемым/молящимся определенного возраста во время обряда проговаривалось о том, что далее не надо оберегать, поскольку уже достиг нужных лет [ЦВРК ИМБТ СО РАН. ОАФ 2007. Л. 11].

Экспедиционный материал представлен рукописными и машинописными записями на бурятском языке. Имеются сведения о топонимике, даны объяснения названий местностей: Мон уула — гора Мон, названа так по имени шамана. Собирались данные о культовых местах, помимо широко известных *обоо* и мест поклонений Буха-нойону и Шаргай-нойону, были записаны названия местных *обоо*, часть из которых сейчас уже не посещается, забыта или уничтожена. Так, например, в прежнее время в Торах в местности Зуһалан было *обоо*, называемое Обоошо добуун, которое ныне распаханно [ЦВРК ИМБТ СО РАН. ОАФ 2007. Л. 14]. При описании культовых мест перечислены предметы, имеющиеся там, — изображения буддийских божеств, ленточки, бумханы, цаца и прочее.

В материалах экспедиции негативно описаны места возле целебных источников, которые подвергаются стихийному паломничеству. Так, на одном из источников ванны были организованы в бочках из-под горячего, в которых подогревалась вода, кругом было грязно и сыро. В Харьбатуе от информатора Мэлзэнова было записано, что в Туве, дальше за Окой, есть Жуйганский аршан, на который раньше ездили лечиться много тункинских бурят и где есть специальное место поклонения.

Во время Баргузинской экспедиции проходил семинар агитаторов, на котором присутствовало 22 человека. Здесь П. Б. Балданжапов также читал свой доклад «Советское законодательство о культах», на семинаре были рассмотрены задачи организации атеистической пропаганды. Баргузинско-курумканские материалы содержат отрывочные сведения по истории хамниганов и бурят, легенды о культовых местах и их описание, сведения об аршанах — целебных источниках. Также в беседах с информантами затрагивались вопросы родо-племенного состава, например, зафиксировано, что хамниганские рода частично отошли от бурятских родов: сангасир — от сонголов, галжагир — от галзутов.

В 1963 г. состоялась двухнедельная историко-этнографическая экспедиция в Селенгинский аймак Монголии по приглашению Селенгинского аймачного комитета Монгольской народно-революционной партии в рамках месячника монголо-советской дружбы, в рамках которой изучалась «проблема преодоления религиозных пережитков у монгольских аратов в сравнительном плане», а также современное состояние культуры и быт аратов [ЦВРК ИМБТ СО РАН. ОАФ 2007/г. Л. 2]. В состав экспедиции входили следующие научные сотрудники: Б. Д. Цибилов, К. М. Герасимова, П. Б. Балданжапов, П. И. Хадалов, Г. И. Заятуев, Л. П. Ямпиров и Р. Е. Пубаев. Экспедиция проходила по следующему маршруту: город Сухэбатор — госхоз Цагаан Толгой — сель-

хозобъединение Баруун Бурэн – госхоз Орхон – монастырь Амарбаясгалант хийд – Сухэбатор – город Зун-Хараа – сельхозобъединение Цэцэрлик – госхоз Зуун Бурэн – Сухэбатор.

Во время экспедиции проходили встречи с представителями администраций: секретарями аймачного комитета МНРП (особую поддержку оказал первый секретарь Селенгинского айкома МНРП тов. Банзарагч и секретарь айкома Шагдарсурэн), с директорами госхозов, учителями.

В орхонском госхозе были записаны исторические сведения, собраны сведения о выведенной орхонской породе овец, отличающейся высокими характеристиками по шерсти и весу, практически в два раза по сравнению с обычной овцой. В госхозе было 3 отделения, 30 тысяч овец, поголовье коров — 2 500, лошадей 1 000. При госхозе имелись подсобные хозяйства — пилорама, кирпичный и известковый заводы, также имелись 2 клуба, электростанция, врачебный пункт, детсад, ясли, восьмилетняя школа.

Пурбо Балданович собирал материал для своей работы по системе образования МНР. В госхозе Цагаан-толгой он посетил Цаган-толгойскую школу. Им были записаны сведения по истории школы, которая была открыта в 1928 г. при одном учителе, а во время экспедиции работало уже 4 учителя, в школе обучалось 87 учеников. Также была обследована Барун-бурэнская семилетняя школа. По записям П. Б. Балданжапова, эта школа была основана в 1925 г. в двух войлочных юртах при 15 учениках. Далее приведено расписание дня учеников.

Участники экспедиции осмотрели одиннадцатилетнюю школу в г. Зун-Хараа, основанную в 1960 г. При этой школе было организовано профориентированное образование: с 8 класса ученики изучали машиноведение и домоводство, с 9-го готовились механизаторы сельского хозяйства.

Членами экспедиции было отмечено, что в связи с коллективизацией и освоением аратского населения стало развиваться земледелие. Вероятно, в связи с этим П. Б. Балданжапов в своем отчете подробно остановился на рассмотрении работы пришкольного опытного участка, где имеется зимняя теплица и высажены овощи, злаки, плодовые деревья — яблони, ягодные кустарники: смородина, малина, также высажены осина, кедр, лиственница и пр. Под руководством учителя Гомбожава школьники учились агротехнике. Ежегодно план высадки овощных и злаковых культур менялся и утверждался дирекцией школы. Для работы на пришкольном участке ученики подразделялись на бригады с определенным графиком и расписанием, при этом функционировала просветительская бригада, которая выпускала настенную газету о достижениях пришкольного участка. Для получения хорошего и большого урожая применялись удобрения, которые готовил учитель Гомбожав. Пурбо Балданович также описал процесс подготовки семян и прочие тонкости ведения пришкольного участка [ЦВРК ИМБТ СО РАН. ОАФ. № 1997а. Л. 1–36].

П. Б. Балданжаповым разрабатывалась тема «Народное образование в МНР» (входила в тему по разработке проблемы «Закономерности развития социализма и перехода к коммунизму») и готовилась монографическая работа по данной проблематике. Им были подготовлены две главы «Зарождение и развитие народного образования в МНР (1921–1947 гг.)» и «Система народного образования в МНР». В данных главах автор дал историческую справку о развитии народного

образования, обобщил опыт передовых учителей, описал экономическую и культурную отсталость дореволюционной Монголии и роль МНРП в построении системы народного образования. Предполагалось, что работа «Народное образование в МНР» будет объемом в 15 авторских листов. В данной работе планировалась провести теоретическое осмысление закономерностей развития народного образования в условиях народно-демократического строя. Подчеркивалось, что данная книга будет иметь и практическое значение для других «освободившихся стран, как наглядный пример организации дела народного просвещения в условиях отсталости страны» [ЦВРК ИМБТ СО РАН. ЛАФ. 29. Оп. 1. Д. 36. Л. 35].

Среди материалов экспедиций в Монгольскую Народную Республику широко представлены сведения о системе школьного образования, фотографии школ, учеников в классах, а также достижений культуры (исполнители национальных танцев, актеры, певцы, музыканты) и трудовые будни работников-аратов. Во время данной экспедиции также были записаны интересные устные легенды и предания. В его дневниковых записях перемежаются разные сведения о численности учеников и расписания уроков с данными о религиозности населения, наименования редких книг, находящихся в аймачных библиотеках.

Разрабатывая тему историографии Монголии, П. Б. Балданжапов старался охватить как можно большую источниковую базу для исследования, помимо широко известных летописей и хроник, он разыскал редкие списки исторических сочинений. За годы работы им были охвачены не только крупные книгохранилища и востоковедные коллекции в России и Монголии, но и много аймачных библиотек, частных собраний. В конце 1967 – начале 1968 гг. состоялась поездка в Монголию, в ходе которой были проработаны аймачные библиотеки. В Орхонской аймачной библиотеке им были сняты копии с редких рукописей по истории буддизма в Тибете, Монголии и распространении его в Ордосе.

По возможности П. Б. Балданжаповым осуществлялся заказ на копирование, приобретение, снятие списка или микрофильмирование письменных памятников. В 60-е гг. прошлого столетия социалистическая культура довлела в массовом общественном сознании и старые формы культурной памяти утрачивали свою ценность и нужность. Нередко возникал риск утраты старинных рукописей, буддийских атрибутов. Деятельность П. Б. Балданжапова была направлена на сохранение культурного наследия монголов и бурят, в своих поездках он не только собирал по крупицам информацию о редких памятниках письменности и сами документы, предметы музейного значения, но и предпринимал меры к обеспечению их дальнейшего надлежащего хранения и бережного отношения.

В 1965 г. состоялась историко-этнографическая экспедиция по Читинской области в составе П. Б. Балданжапова и Б. Д. Бадараева. В обосновании данной поездки указывались оторванность и изолированность бурятского населения изучаемого ареала, недостаток отражения родоплеменного состава и этнического происхождения в современной исторической литературе, планировалось собрать сведения о религиозных пережитках в быту, также имелась информация о наличии значительного количества литературы, представляющей научный интерес. За время экспедиции были отработаны три населенных пункта — Бурсомон, Тадхалта Верхнешергольджинского сельсовета и Долонкор (Семиозерное) Харгацинского сельского совета.

Участниками экспедиции отмечалась скудность материалов по религиозному состоянию, в дальнейших поездках предполагалось также обратить основное внимание на современный быт и родоплеменной состав. Тем не менее, как выяснили участники экспедиции, в религиозном отношении шергольджинские буряты являлись буддистами-ламаитами без явно выраженных остатков шаманизма. Хотя в прежнее время они поклонялись следующим *обоо*: 1) Даша-дондок Обоо-хан, 2) Улдзытэ-ундэр Обоо-хан, 3) Бата-сагаан Обоо-хонгор, Баян-Хонгор уула, Аршаанта Улзы Хутагые оршогуулагша уула. На этих *обоо* поклонения проводили ламы, и с их исчезновением прекратилась практика поклонения. Легенды и предания об этих *обоо* не были обнаружены.

Были записаны легенды о переселении шергольджинских бурят. Во время поездки в Бурсомон членами экспедиции была осмотрена тибетоязычная коллекция, которую местные жители хранили в специально построенном помещении-дугане. Согласно сведениям, полученным от сторожа дугана старика Бадмаева Санжи, данные тексты были привезены из Тибета доромбо Балган Тугдэном. Это был местный лама, получивший образование в Тибете в монастыре Брайбун и привезший нартанский Ганджур, Юм и другую литературу. Экспедиция проработала в Бурсомоне 5 дней. Был проведен разбор имеющейся литературы, даны оценка и рекомендации по хранению.

Как руководитель Музея восточных культур Института общественных наук БФ СО АН СССР П. Б. Балданжапов организовал несколько научных экспедиций и командировок по сбору и атрибуции лекарственного сырья, сбору буддийской литературы, а также изучению буддийского наследия в комплексе. В июле 1968 г. экспедиция Музея восточных культур присутствовала на церемонии круговращения Майдари и сняла ее на киноленту. Отчет о проделанной работе содержит подробное описание данного хурала, порядок действий и их значение [ЦВРК ИМБТ СО РАН. ЛАФ. 29. Оп. 1. Д. 33. Л. 1–10].

В августе 1968 г. состоялась экспедиция в Танну-Тува. Собирались сведения о письменной и книжной культуре, лекарственных растениях. Трижды по черновым материалам встречаются записи о спрятанных в горах книгах, как, например, «книги Эрзинского дацана были вывезены на гору в районе колхоза Мурун» [ЦВРК ИМБТ СО РАН. ЛАФ. 29. Оп. 1. Д. 26. Л. 1], и многое другое.

Выводы

П. Б. Балданжапов за годы своей деятельности работал над несколькими крупными проектами, которые безусловно отнимали колоссальные трудо-временные ресурсы. Чем можно объяснить и малоразработанность его экспедиционных записей: кратких, емких, информативных. Следует подчеркнуть, что собранные им материалы фактически остались не введенными в научный оборот.

Экспедиционные материалы, большей частью представленные в черновых записях, трудны для расшифровки, но представляют определенную ценность для исследователей. Возросшая в обществе потребность к осмыслению своих исторических корней, традиционной культуре, возрождению многих обрядовых действий требует тщательного и взвешенного научного подхода к изучению рекультивации многих процессов, имеющих место в общественно-культурной и религиозной жизни бурятского общества. Ввиду

вышеизложенного архивные материалы из фонда П. Б. Балданжапова могут способствовать выяснению значения, исторического бытования некоторых обрядов и культовых практик.

Источники

ЦВРК ИМБТ СО РАН — Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН.

Sources

Center of Oriental Manuscripts and Xylographs; Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS).

Литература

- Бураева, Аюшеева 2011 — *Бураева С. В., Аюшеева М. В.* Коллекции мемориального кабинета П. Б. Балданжапова // Культурное наследие и глобализация. Опыт, проблемы, перспективы сохранения культурных ценностей в современном мире: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Сыктывкар, 21–23 сент. 2011 г.). Сыктывкар: Коми пединститут, 2011. С. 25–27.
- Василенко 2012 — *Василенко В. А.* Неопубликованная рукопись Пурбо Балданжапова «Тува под гнетом маньчжурских захватчиков» // Новые исследования Тувы. 2012. № 2. С. 86–108.
- Василенко 2013 — *Василенко В. А.* Оценка П. Б. Балданжаповым политики Цинского Китая в Туве в период с XVII по XIX вв. (по материалам рукописи «Тува под гнетом маньчжурских захватчиков») // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 4–2 (30). С. 34–38.
- Дашибалова 2014 — *Дашибалова Д. В.* Улигер «Уншэн сагаан ботогон» в записи П. Б. Балданжапова // Культура Центральной Азии: письменные источники. 2014. № 8. С. 76–102.
- Дашиева 2014 — *Дашиева Л. Д.* Материалы П. Б. Балданжапова как источник изучения песенной традиции хори-бурят // Культура Центральной Азии: письменные источники. Культура Центральной Азии: письменные источники. 2014. № 8. С. 65–76.
- Гомбоева 2009 — *Гомбоева М. И.* П. Б. Балданжапов (1921–1991) // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Филология, история, востоковедение. 2009. С. 77–81.
- Жабон 2014 — *Жабон Ю. Ж.* О тибетской коллекции П. Б. Балданжапова (1921–1991) (из фондов ЦВРК ИМБТ СО РАН) // Культура Центральной Азии: письменные источники. Культура Центральной Азии: письменные источники. 2014. № 8. С. 29–34.

References

- Buraeva S. V., Ayusheeva M. V. Collections of the Baldanzhapov Memorial Room. In: Cultural Heritage and Globalization. Experiences, Problems, Prospects of Maintaining Cultural Values in the Contemporary World. Conference proceedings (Syktyvkar, September 21–23, 2011). Syktyvkar: Komi State Pedagogical Institute, 2011. Pp. 25–27. (In Russ.)
- Dashibalova D. V. Unshen Sagaan Botogon: The version recorded by Purbo Baldanzhapov. In: Culture of Central Asia. Written Sources. Collected papers. 2014. No. 8. Pp. 76–102. (In Russ.)
- Dashieva L. D. Exploring the Khorii Buryat song tradition: Materials collected by P. Baldanzhapov. In: Culture of Central Asia. Written Sources. Collected papers. 2014. No. 8. Pp. 65–76. (In Russ.)
- Gomboeva M. I. Purbo B. Baldanzhapov, 1921–1991. *Uchenye zapiski ZabGU. Filologiya, istoriya, vostokovedenie*. 2009. Pp. 77–81. (In Russ.)

**Материалы IV Международного семинара «Письменное наследие
и актуальные проблемы истории и культуры монгольских народов»,
посвященного 100-летию со дня рождения Пурбо Балдановича Балданжапова**

- Vasilenko V. A. P. B. Baldanzhapov's assessment of Qing China policy in Tuva from the XVIIth till the XIXth centuries (by material of the manuscript 'Tuva under the Yoke of the Manchu Invaders'). *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2013. No. 4–2 (30). Pp. 34–38. (In Russ.)
- Vasilenko V. A. Purbo Baldanzhapov's unpublished manuscript 'Tuva under the Yoke of the Manchu Invaders'. *The New Research of Tuva*. 2012. No. 2. Pp. 86–108. (In Russ.)
- Zhabon Yu. Zh. Center of Oriental Manuscripts and Xylographs (IMBTS SB RAS): The Tibetan collection of P. Baldanzhapov (1921–1991) revisited. In: *Culture of Central Asia. Written Sources. Collected papers*. 2014. No. 8. Pp. 29–34. (In Russ.)

УДК / UDC 930(929)

DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-672-684

**Зөвлөлт, оросын монголч эрдэмтэн П. Балданжаповын
монголын түүхийн сурвалж судлалд оруулсан хувь нэмэр
(= О вкладе советского, российского ученого
П. Б. Балданжапова в изучение монгольских
исторических источников)**

Цолмон Содном¹, Баярсайхан Даваасамбуу²

¹ Университет «Улан-Батор» (ул. Лувсанцэвээнэ, 5 квартал, 15 микрорайон, округ Баянзурх, 13343 Улан-Батор, Монголиа)

Ph. D. (доктор исторических наук), профессор, проректор

 0000-0002-8903-018X. E-mail: tsolmon.sodnom@yahoo.com

² Университет «Улан-Батор» (ул. Лувсанцэвээнэ, 5 квартал, 15 микрорайон, округ Баянзурх, 13343 Улан-Батор, Монголиа)

Ph. D. (доктор исторических наук), профессор

 0000-0002-8898-6489. E-mail: bayraahistory@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2021

© Цолмон С., Баярсайхан Д., 2021

Аннотация. *Введение.* В 1958 г. Монгольской Академией наук была начата серия «Monumenta Historica», которая является основной базой более чем пятидесятилетних исследований современной исторической науки в Монголии. На создание этой серии оказало влияние несколько факторов. Во-первых, ведущие монгольские и зарубежные ученые провели огромную работу в Монголии и за рубежом и смогли собрать большой объем материала по монгольским источникам. Во-вторых, монгольско-советским коллективом ученых была издана «История Монголии», которая способствовала изучению методов исследования исторических источников. В-третьих, российскими и советскими учеными на тот период времени было опубликовано большое количество источников и научных работ, в числе которых следует назвать труды А. М. Позднева, Ц. Ж. Жамцарано, Л. С. Пучковского, Н. П. Шастиной, С. Д. Дылыкова и других, внесших большой вклад в развитие источниковедческой науки; и отдельно отметим исследователя П. Б. Балданжапова. *Цель* исследования заключается в оценке вклада П. Б. Балданжапова в изучение монгольских исторических источников. Основными *методами* исследования послужили биографический, историко-проблемный и историко-описательный. *Материалом* для исследования были избраны основные источниковедческие работы П. Б. Балданжапова и обширный круг опубликованных источников по монгольской истории. *Результаты.* П. Б. Балданжапов исследовал основные источники по истории Монголии, такие как «Эрдэнийн Эрихэ» («Драгоценные четки») Галдана, «Цагаан түүх» («Белая история»), «Алтан Тобчи» («Золотое сказание») Мэр-

гэн-гэгэна и др. Он превосходно владел монгольским письмом, прекрасно понимал содержание исходного памятника, в совершенстве владел источниковедческим анализом. П. Б. Балданжапов неоднократно посещал Монголию, им были скопированы многие источники, в том числе «Цагаан түүх» («Белая история») из собрания библиотеки монастыря Гандантегченлин. *Выводы.* Тесная связь между П. Б. Балданжаповым и первым главным редактором серии «Monumenta Historica» Ш. Нацагдоржем еще со времен обучения в аспирантуре дает основание предполагать, что знание методологии исследований П. Б. Балданжапова и опубликованных им работ оказало большое влияние на методологию публикации всей серии «Monumenta Historica». Исследования монгольских источников, выполненные П. Б. Балданжаповым, не утратили своей научной значимости, они способствовали более глубокому изучению монгольской истории и письменной традиции и продолжают являться методологическим руководством для молодых монголоведов.

Ключевые слова: Пурбо Балданжапов, «Алтан тобчи», Галдан, история Монголии, исторические источники

Для цитирования: Цолмон С., Баярсайхан Д. Зөвлөлт, оросын монголч эрдэмтэн П. Балданжаповын монголын түүхийн сурвалж судлалд оруулсан хувь нэмэр (= О вкладе советского, российского ученого П. Б. Балданжапова в изучение монгольских исторических источников) // Монголоведение. 2021. Т. 13. №. 4. С. 672–684. (На монг.). DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-672-684

Purbo Baldanzhapov: The Soviet and Russian Scientist's Impact into the Research of Mongolian Historical Sources

Tsolmon Sodnom¹, Bayarsayikhan Davaasambuu²

¹ Ulaanbaatar State University (5/15, Luvsantseveen St., Bayanzürkh District, 13343 Ulaanbaatar, Mongolia)

Ph. D. (History), Professor, Vice Rector

 0000-0002-8903-018X. E-mail: tsolmon.sodnom@yahoo.com

² Ulaanbaatar State University (5/15, Luvsantseveen St., Bayanzürkh District, 13343 Ulaanbaatar, Mongolia)

Ph. D. (History), Professor

 0000-0002-8898-6489. E-mail: bayraahistory@gmail.com

© KalmSC RAS, 2021

© Tsolmon S., Bayarsaikhan D., 2021

Abstract. Introduction. In 1958, the Mongolian Academy of Sciences launched the “Monumenta Historica” series, which was to become the main venue of modern historical science in Mongolia for over fifty years of research in the field. Several factors were influential for the series reputation: *i)* leading Mongolian scholars, as well as scholars outside of Mongolia, worked hard in the country and abroad to collect a large amount of material on Mongolian sources; *ii)* the Mongolian-Soviet team of scholars published “History of Mongolia”, which contributed to the study of research methods of historical sources; and *iii)* a large number of sources and scholarly works were published by Russian and Soviet scholars at the time, including such authors as A. M. Pozdnev, Ts. Zh. Zhamtsarano, L. S. Puchkovsky, N. P. Shastina, S. D. Dylykov, etc. whose contribution to the development of the source studies was invaluable. Among these scholars, we would like to single out Purbo B. Baldanzhapov.

The present article aims to describe Baldanzhapov's contribution to the study of Mongolian historical sources. *Materials and methods.* The main *research methods* employed for the study were biographical, historical-problematic, and historical-descriptive. Baldanzhapov's major publications in the field and a wide range of published sources on Mongolian history were the materials selected for the undertaken research. *Results.* The scholar's studies were focused on the main sources on the history of Mongolia, such as Galdan's "Erdeniin Erikhe" (Precious Rosary), "Tsagaan tukhe" (White History), "Altan Tobchi" (Golden History) by Mergen-gegen, etc. He had an excellent command of Mongolian script, perfectly understood the content of the original monuments, and was a master of the source analysis. Baldanzhapov made several visits to Mongolia and during his stays copied many sources, including "Tsagaan tukhe" from the collection in the library of the Gandantegchenlin monastery. *Conclusions.* Granted a close friendly relationship between Baldanzhapov and the first editor-in-chief of the "Monumenta Historica", Sh. Natsagdorj, who knew each other since their postgraduate days in Moscow, it may be assumed that the latter's knowledge of his friend's research methodology, as well as of Baldanzhapov's published works had an overall influence on the methodology of publications in the series. Baldanzhapov's studies of Mongolian sources have not lost their relevance, his elaborate contributions to Mongolian history and written tradition studies have served as a methodological guide for young Mongolian scholars.

Keywords: Purbo Baldanzhapov, 'Altan tobchi', Galdan, history of Mongolia, historical sources

For citation: Tsolmon S., Bayarsaikhan D. Purbo Baldanzhapov: The Soviet and Russian Scientist's Impact into the Research of Mongolian Historical Sources. *Mongolian Studies (Elista)*. 2021; 13(4): 672–684. (In Mong.). DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-672-684

Оршил

Монголчууд түүхээ бичих, хуулбарлан олшруулж тараах нь эрт үеэс эхтэй боловч үндсэн эх сурвалжуудыг эрэн хайх, шинжлэх ухааны үүднээс судлан, хэвлэн нийтлэх, орчуулах нь 1921 онд Монгол улсад Судар бичгийн хүрээлэн анх байгуулагдсан цагаас эхлэн үе шаттай хийж эхэлсэн бөгөөд энэ жил Судар бичгийн хүрээлэн байгуулагдсны 100 жилийн ой тохиож буй юм.

Судар бичгийн хүрээлэнгийн эрдэмтэн судлаачид анх байгуулагдсан цагаас эхлэн монгол нутгаас ховор хуучин түүхийн ном судар хайж олох, солилцоо хийх, Монголын түүхийн гадаад хэл дээрх сурвалжуудыг орчуулах, энэ чиглэлээр гадаадын улс орнуудын эрдэмтэн мэргэдтэй харилцаа холбоо тогтоох, тэдэнд судлан шинжлэх боломжийг олгож, хамтын судалгааг хийхийг эрмэлзэж эхэлсэн билээ. Энэхүү ажилд Орос, Зөвлөлтийн эрдэмтдийн хамтын ажиллагаа, оролцоо чухал үр дүнтэй байсан билээ.

Түүхийн судалгааны ажлын гол материаллаг бааз болох нэгэнт цугларсан сурвалж бичгүүдийг, судлах, нийтлүүлэх ажлыг 1950-иад оны сүүлч, 60-аад оны эхнээс эхэлжээ.

Мөн энэхүү ажилд Орос, Зөвлөлтийн эрдэмтэд тухайлбал А. М. Позднеев [Позднеев 1883], Ц. Ж. Жамцарано [Жамцарано 1936], Л. С. Пучковский [Пучковский 1953], Н. П. Шастина [Шастина 1957], С. Д. Дылыков [Дылыков 1981], П. Б. Балданжапов [Балданжапов 1959: 163–170; Балданжапов 1970; Балданжапов, Ванчикова 2001; Балданжапов, Ванчикова 2012] нарын зэрэг эрдэмтэд эх бичиг, сурвалж судлалын талаар ном бүтээлүүд хэвлэж, эрдмийн зэрэг хамгаалж байсан нь монгол улсад монголын түүх бичлэг, сурвалж судлалын ухаан хөгжихөд чухал нөлөө үзүүлсэн билээ. Бид тэдгээрээс

монголын түүхийн гол томоохон сурвалжуудыг сонгон судалгаа хийж орос хэлнээ орчуулан судалгааны эргэлтэд оруулж, монгол төдийгүй олон улсын монгол судлаачдын анхаарлын төвд хүргэсэн П. Б. Балданжаповын судалгааны тухай энэхүү өгүүлэлдээ өгүүлэх болно.

1952–1954 онд Шинжлэх Ухааны Хүрээлэнгийн эрдэм шинжилгээний ажилтан Ш. Нацагдорж ЗХУ-ын Шинжлэх ухааны академийн Дорно дахины хүрээлэнгийн аспирантурт суралцаж байх тэр үеэс П. Б. Балданжаповтай танилцжээ. Ялангуяа П. Б. Балданжапов монголын түүхийн чухал нэгэн сурвалж болох Галдан туслагчийн «Эрдэнийн эрих» зохиолыг эрдмийн зэрэг хамгаалах сэдэв болгон сонгон авч олон эх, хувилбар, хуулбаруудыг харьцуулан үзэж, эрдэм шинжилгээний тайлбар хийх зэрэг сурвалж судлалын судалгаа хийж байсан нь Ш. Нацагдоржийн анхаарлыг зүй ёсоор татсан юм. Тэд өөрсдийн эрдмийн зэрэг хамгаалах судалгааны ажлын талаар санал солилцож, цаашдын хамтын ажиллагааны талаар ярилцаж зөвлөлдөж байжээ. Мөн Ш. Нацагдорж П. Б. Балданжаповыг хэд хэдэн удаа монголд ирэхэд нь хүрээлэнгийн эрдэмтэн, судлаачдад судалгааных нь ажлын талаар яриулж, санал бодлоо солилцох, Гандантэгчинлэн хийдийн номын сан, УННС-д хадгалагдаж байсан сурвалж бичгүүд, түүхийн зохиолуудтай танилцах боломж олгож байсан нь түүний судалгааг монголын судлаачдад мэдүүлэхэд үр нөлөөгөө үзүүлсэн билээ.

ЗХУ-д эрдэмтний зэрэг хамгаалсан Ш. Нацагдорж буцаж ирсний дараа ахмад эрдэмтдийн цуглуулсан түүхэн сурвалж бичгүүдийг судлах, улмаар хэвлүүлэх ажлын чухлыг түүхч, судлаачидтайгаа зөвлөн ярилцаж эхний ээлжинд түүхийн 10 сурвалж эх хэрэглэгдэхүүнийг сонгон судалгаа хийн, хэвлэхээр тогтжээ. Түүгээр зогсохгүй сурвалж бичгүүдийг тусгайлан хэвлэдэг «Monumenta Historica» хэмээх эрдэм шинжилгээний цуврал сэтгүүлийг 1959 оноос эхлэн буй болгож Ерөнхий редактораар нь Ш. Нацагдоржийг томилжээ.

Тэр үед монгол зөвлөлтийн эрдэмтэд хамтран анх удаа Монгол улсын түүхийг нэгэн ботиор бичиж хэвлүүлсэн үе байсан бөгөөд эх сурвалж материалын үнэ цэн, судалгааны арга зүйн ач холбогдлыг чухалчлах болсон үе байв.

XX зуунаас өмнөх үеийн Монголын түүхийн сурвалжийн судалгаанд өөрийн гэсэн тодорхой ул мөрийг үлдээн, сурвалжийг судлан шинжих, хэвлэн нийтлэх ажилд онцгой үүрэг гүйцэтгэсэн нэгэн бол Оросын эрдэмтэн П. Б. Балданжапов болно. Тэрээр Монголын түүхийн үнэ цэнэтэй сурвалжууд болох Урадын Мэргэн гэгээний «Алтан товч», Галдан туслагчийн «Эрдэнийн эрих», «Цагаан түүх» зохиолуудыг эх бичиг, сурвалж судлалын үүднээс судлан эрдэм шинжилгээний тайлбар сэлтийн хамт орос хэлнээ орчуулсан байдаг. Монголын сурвалж бичиг судлалд оруулсан түүний хувь нэмрийг өгүүлэхийн тулд дээр дурдсан 3 гол судалгааных нь талаар дэлгэрүүлэн авч үзье.

Галдан туслагчийн «Эрдэнийн эрих»-ийн судалгаа

1841 онд халхын Түшээт хан аймгийн туслагч Галдан «Эрдэнийн эрих хэмээх түүх болой» хэмээх нэгэн иж түүхийн зохиол бичсэн нь бидний үед товч болон дэлгэрэнгүй эх, хуулбар, хувилбараар өнөө үед уламжлагдан ирсэн бөгөөд монголын түүхийн сурвалж бичгүүдээс нэлээн сайн судлагдаж олон удаа хэвлэгдсэн сурвалжийн тоонд зүй ёсоор орж байна.

1953–1956 онд ШУА-ийн Дорно дахины хүрээлэнгийн аспирантурт суралцахдаа П. Б. Балданжапов Галдан туслагчийн «Эрдэнийн эрих»-ийг судалгааны сэдэв болгон авчээ [Балданжапов 1956]. Түүний өмнө монголч эрдэмтэн А. М. Позднеев Галдан туслагчийн «Эрдэнийн эрих»-ийн хоёр ч эхийг монгол орноор судалгааны ажлаар явж байхдаа олж авчран түүнийгээ судлан эрдмийн зэрэг хамгаалжээ. Тэрбээр 1636 оноос 1736 хүртэлх 100 жилийн доторхи Ар Монголын түүхийн холбогдолтой хэрэглэгдэхүүнийг орос хэлээр орчуулан дэлгэрэнгүй тайлбар хавсаргаж 1883 онд нийтэлсэн нь А. Позднеевын «Эрдэнийн эрих» гэж нэгэнт алдаршжээ.

П. Б. Балданжапов эрдмийн зэрэг хамгаалах ажлынхаа сэдвийг сонгохдоо «Эрдэнийн эрих»-ийн ОХУ-д хадгалагдаж байгаа нэлээд хэдэн хувилбаруудыг судалгаандаа нэмэн хамруулж, уг сурвалжийг орос хэлнээ гүйцээн орчуулах зорилго тавьжээ.

Тэрбээр ОХУ-ын Санкт-Петербургийн Их сургуулийн Дорно Дахины факультетийн номын сан, ОХУ-ын ШУА-ийн Дорно дахины хүрээлэнгийн номын сан, ОХУ-ын Буриадын монгол, түвэд, буддын судлалын хүрээлэнгийн номын санд хадгалагдаж байсан 7 эхүүдийг харьцуулан судалж тэдгээрийг «Анхны эх», «Дэлгэрэнгүй эх», «Товчилсон эх» хэмээн ангилсан байна. «Анхны эх»-эд Г-316, С-37 эхүүдийг оруулаад Галдан туслагчийн өөрөө бичсэн, А. М. Позднеевын авчирсан эх мөн хэмээн тодорхойлоод Г-316-г гол болгон бусад эхүүдэд байгаа зөрүүг дугаарлан нөхснөөр нэгэн сонгомол эхийг бий болгожээ.

П. Б. Балданжапов олдсон эх, хуулбар, хувилбаруудыг нарийвчлан шинжилж зохиогчийн тухай, зохиогдсон оныг 1849 гэх зөрүүтэй санал байсныг төгсгөлийн үгийг нягталснаар няцааж 1841 болохыг тогтоосон ба түүхэн хүн, газрын нэр, хуучин нэр томьёо болон төвд, санскрит үгийн дэлгэрэнгүй тайлбар хийж 1956 онд эрдмийн зэргээ амжилттай хамгаалжээ. Түүний диссертаци 583 хуудас байсан нь уг сурвалжийг эх бичиг, түүх бичлэг, түүхэн хэл шинжлэл, түүхэн сурвалж болох талаас нь нягт нямбай судалсан нөр их ажил байсныг харуулж байна. Уг диссертацийн эрдэм шинжилгээний ач холбогдол нь зарим эрдэмтэн судлаачдын «Эрднийн эрих» нь бие даасан түүхэн зохиол бус олон сурвалжаас таслан авсан эвлүүлэг төдий хэмээснийг няцааж тэр үеийн түүх бичлэгийн онцлогтой холбон тайлбарлаж «Эрднийн эрих» бол монголын түүх, соёл, түүхэн хэл шинжлэлийн чухал нэгэн сурвалж болохыг өөрийн судалгаагаар тодорхой гаргаж өгсөнд уг судалгааны эрдэм шинжилгээний ач холбогдол оршино.

Тэрээр судалгааныхаа үр дүнгээр 1959 онд «Монгольская летопись “Эрдэнийн эрихэ” и ее значение в монгольской историографии» хэмээх томоохон өгүүлэл бичжээ. [Балданжапов 1959: 163–170]. Тус өгүүлэлдээ «Эрдэнийн эрих» зохиолын эхүүд, судалсан байдал, агуулга, түүх бичлэгийн онцлог, тэр цагт зохиогдсон бусад түүхийн зохиолуудаас ялгарах байдал, зохиогчийн тухай, сурвалжид хэрэглэгдсэн эх хэрэглэгдэхүүн, уг сурвалж хэвлэгдсэн он цаг, зэргийг нь харьцуулан үр дүнг нь тодорхой бичсэн байна. Уг өгүүлэлдээ «Эрднийн эрих» бол «Болор толь», «Болор эрих», «Сувд эрих» зэрэгтэй харьцуулахад Монголын түүхэнд холбогдох чухал эх сурвалж мөн хэмээн үзжээ.

Монгол улсад анх удаа ахмад түүхч Ц. Насанбалжир «Monumenta Historica» цувралын III ботид Галдан туслагчийн «Эрднийн эрих» сурвалжийг 1960 онд хэвлүүлсэн юм [[Насанбалжир 1960](#)].

Ц. Насанбалжир Монгол улсын Үндэсний номын санд хадгалагдаж байсан «Эрдэнийн эрих»-ийн 5 эхээс «Эрдэнийн эрих түүх болой» хэмээх 472 тал хуудастай эхийг үндсэн эхээр сонгон, монгол бичгээр гараар сийрүүлэн бичиж хэвлүүлжээ. Галдан туслагч хошууны тамгын газар, аймгийн чуулган даргын болон засаг ноёны туслагчийн албан тушаал хашиж явсан төрийн албан хаагч байв. Тэрээр «Эрдэнийн эрих» хэмээх түүхэн сурвалжаа бичихдээ Монголын түүхэн сурвалжууд, Их Хүрээний сайд, Улиастайн манж жанжин, Халхын аймаг хошуудын данс харааг ашигласан бөгөөд 1841 онд бичиж дуусгажээ. «Эрдэнийн эрих» нь Халхын нутагт зохиогдсон цөөн сурвалжийн нэг бөгөөд Халхад бурхны шашин дэлгэрсэн түүх болон Халхын улс төрийн түүхийг хамруулан бичжээ. Халхын 6 хошууны ноёдын уг залгамжийг товч өгүүлсэн төдийгүй хөрш зэргэлдээ улсуудын түүхийг мөн хамруулахыг зорьжээ.

А. М. Позднеев, П. Б. Балданжапов нарын «Эрднийн эрих»-ийн судалгааг сайн мэдэх «Monumenta Historica» цувралын ерөнхий редактор Ш. Нацагдорж тус цувралын гуравдугаарт «Эрднийн эрих»-ийг хэвлүүлсэн нь уг сурвалжийн судалгааны цар хүрээг өргөтгөх, гүнзгийрүүлэх зорилготой байсныг харж болно. Өөрөөр хэлбэл Монгол улсад хадгалагдаж байгаа «Эрднийн эрих»-ийн эхүүдийг судалгааны эргэлтэд оруулж олон орны судлаачдын анхааралд хүргэхийг зорьсон гэж болно. Тэр үед ахмад түүхч Ц. Насанбалжир тэр үеийн монгол улсын хэвлэлийн хөгжлөөс шалтгаалж сурвалжийн эхийг зургаар хэвлэх боломжгүй, гараар төмөр дээр сийрүүлэн хуулж бичээд хэвлэсэн нь бас мэр сэр алдаа гарахад хүргэсэн юм. Түүнийг нь дагалт хуудсаар залруулга хийсэн хэмээн ярьж байсан билээ. Ц. Насанбалжир энэхүү эхийг хэвлэхэд, нэгэнт хэвлэгдсэн байсан А. М. Позднеевын эхийг нэлээд ашигласан ба харин арга зүйн хувьд ерөнхий редактор Ш. Нацагдорж П. Б. Балданжапов эрдэмтний судалсан байдлаас хэлж зөвлөж байсан хэмээн дурсан ярьж байсан билээ.

Доктор Ж. Гэрэлбадрах Галдан туслагчийн «Эрднийн эрих»-ээс 1684–1802 оны хоорондох Халхын түүхийн хэсгийг хуулан оруулсан 1888–1889 оны үед зохиогдсон «Энэ нэгэн дэвтэр амуу» [[Гэрэлбадрах 2006](#)], мөн Монгол улсын үндэсний номын санд хадгалагдаж буй «Эрднийн эрих хэмээх түүх болай» [[Гэрэлбадрах 2010](#)] хэмээх эхийг гэрэл зургаар татаж, эрдэм шинжилгээний удиртгал, латин галиг, хөрвүүлэг, тайлбарын хамт хэвлүүлсэн нь уг судалгааг гүнзгийрүүлэхэд чухал болсон юм. Ингэхдээ ч мөн П. Б. Балданжаповын судалгааг нягтлан үзэж түүний ололтой тал, мөн эргэлзсэн болон санал нийлэхгүй зүйлийг тодорхой дурдсан байдаг. Тэрбээр Оросын эрдэмтэн П. Б. Балданжапов Орост хадгалагдаж буй Галданы «Эрднийн эрих»-ийн эхүүдийг харьцуулан нарийн судалгаа хийсэн билээ хэмээжээ [[Гэрэлбадрах 2015: 19](#)].

Мөн 2006, 2015 онд «Монголын түүхэн сурвалж бичгийн цуврал» 30 ботид Ж. Гэрэлбадрах Галданы «Эрднийн эрих»-ийг өргөн олон нийтэд зориулан орчин цагийн монгол хэлнээ буулган зохих тайлбарын хамт хэвлүүлсэн [[Гэрэлбадрах 2006](#); [Гэрэлбадрах 2015](#)].

2012 онд ШУА-ийн Түүхийн хүрээлэнгээс эрхлэн гаргадаг «Monumenta Historica» цувралын IX ботид П. Б. Балданжаповын Санкт-Петербургийн Дорно дахины хүрээлэнгийн гар бичмэлийн хүрээлэнд хадгалагдаж буй «Эрднийн эрих»-ийн анхны бүрэн орос орчуулгыг эрдэм шинжилгээний судалгаа, тайлбар, уг сурвалжийн эхийг гэрэл зургийн хамт хэвлэн нийтэлсэн юм. Энэ хэвлэл нь П. Б. Балданжаповын 1956 онд эрдмийн зэрэг хамгаалсан диссертаци байсан бөгөөд орос орчуулгаа хараахан бүрэн дуусгаж амжаагүй байсны улмаас хэвлэж амжаагүй байсан юм. Түүний охин Ц. П. Ванчикова орчуулгыг дуусган редакторласнаар тийнхүү хэвлэгдэх боломжтой болжээ. П. Б. Балданжаповын сурвалж бичгийн судалгааг олон эрдэмтэд өндрөөр үнэлдэг бөгөөд «Monumenta Historica» цувралын ерөнхий редактор академич С. Чулуун энэ удаагийн хэвлэлийн өмнөх үгтээ: «Уг сурвалж нь хэдийгээр Монгол хэлээр хэд хэдэн удаа нийтлэгдсэн боловч ийм нарийвчилсан судалгаатай, тайлбар сэлтгүйгээр орос хэлнээ анх удаа бүрэн орчуулагдан хэвлэгдсэн бөгөөд энэхүү эх нь одоогоор олоод байгаа бусад эхүүдтэй харьцуулан үзвэл цаг хугацааны хувьд арай эртнийх гэж үзэж болохоор байгаагаараа онцлогтой байсан юм. П. Б. Балданжаповын орчуулга эрдэм шинжилгээний үнэ цэнээ өчүүхэн ч алдаагүй бөгөөд 1883 онд А. М. Позднеевын орчуулж, хэвлүүлсэн «Эрднийн эрих»-ийн 3 бүлгээс өөр 2012 оныг хүртэл «Эрднийн эрих»-ийн орос хэлээр орчуулсан бүрэн орчуулга гараагүй байсан билээ» хэмээн өндрөөр үнэлсэн билээ. [Балданжапов, Ванчикова 2012: 9].

Мэргэн гэгээний «Алтан товч»-ийн судалгаа

Чингис хааны төрсөн дүү Хавт Хасарын шууд угсааны хүн болох, өмнөд монголын Улаанцавын чуулган Урад дунд гүний хошууны Ар хорчин угсааны Мэргэн гэгээн ламын хувилгаан Лувсандамбийжалцан бээр 1765 онд «Их монгол улсын үндсэн алтан товч тууж оршвой» хэмээх нэгэн түүхийн зохиол бичсэн байна.

ОХУ-ын Санкт-Петербургийн Их сургуулийн дорно дахины салбарын номын санд хадгалагдаж буй энэ эхийг 1883 онд А. М. Позднеев тухайн үеийн ар монголын нутгаас олж илрүүлсэн бөгөөд. Энэ эх нь «Yeke monggul ulus-un ündüsün Altan tobči orošibai» гэсэн нэртэй, нийт 54 нүүр, хуудас нь дугааргүй, 42а талыг 8 мөрөөр, 54а талыг 4 мөрөөр бичсэн бөгөөд бусад бүх тал нь 9 мөрөөр хар бэхээр бичсэн байжээ.

П. Б. Балданжапов Мэргэн гэгээний «Алтан товч»-ийг эх бичиг, сурвалж судлалын үүднээс нягт нямбай судлаж «Altan tobči — монгольская летопись XVIII века» [Балданжапов 1970] хэмээх нэгэн сэдэвт зохиолыг бичиж 1970 онд хэвлүүлжээ. Энэхүү ном оршил, үндсэн гурван хэсгээс бүтнэ. П. Б. Балданжапов номынхоо судалгааны хэсэгт сурвалжийг хэн хаанаас олсон, хаана ямар хувилбар хадгалагдаж байгаа, тус сурвалжийг хэн зохиосон болон зохиогдсон он цаг, сурвалжийн нэрийн тухай, уг сурвалжийн бүтэц, хэвлэгдсэн байдлын тухай, «Алтан товч»-ийг бичихэд ашигласан сурвалжуудын тухай өөрийн судалгааны үр дүн, дэвшүүлж буй саналын талаар тодорхой өгүүлжээ.

П. Б. Балданжапов энэхүү сурвалжийн судалгаанд шууд болон шууд бус холбогдох олон орны нэрт түүхч эрдэмтдийн судалгааг нягталж, «Юань-ши», «Судрын чуулган», «Монголын нууц товчоо» болон XVII–XVIII зууны монгол

сударч түүхчдийн бичсэн «Эрдэнийн товч», «Шар тууж», «Асрагч нэртийн тууж», «Болор эрих», «Алтан хүрдэн мянган хигээст бичиг» зэрэг сурвалж төдийгүй, хятад, төвд сурвалжийн мэдээг Мэргэн гэгээний «Алтан товч»-ийн мэдээтэй харьцуулан тайлбар хийж «Алтан товч» нь түүхийн чухал нэгэн сурвалж болохыг тодорхойлсон юм.

Монгол улсын төв номын санд нэг эх байсан хэмээн П. Б. Балданжапов бичсэн байдаг авч тэрхүү эх одоо нэгэнт үгүй болжээ хэмээн манай судлаачид бичсээр ирэв [Бүрнээ 2015: 6]. Харин бид Монгол улсын Төв номын санд «Хаадын түүх Алтан товчоо» хэмээх нэгэн гар бичмэл сурвалжийг олж судалгаандаа хэрэглэсэн бөгөөд тэрхүү сурвалжийг харгуулан үзэхэд Мэргэн гэгээний «Алтан товч» мөн байсан болно. Монгол улсын Төв номын сангийн гар бичмэлийн санд хадгалагдаж буй тус зохиол нь агуулгын хувьд бусад эхүүдтэй тэр дундаа Д. Бүрнээгийн хэвлүүлэхдээ баримталсан эхүүдтэй тохирно. «Алтан товч» зохиол нийт 33 бүлэгтэй бичигдсэн байдаг бөгөөд эдгээр бүлгүүд бүгд бий. Нийт 61 нүүр, хуудас нь дугааргүй, нэг нүүрэнд 10 мөрөөр хар бэхээр бичсэн, тусгайлсан нүүр байхгүй, харин хожим тус номны гарчиг болгож «Хаадын түүх Алтан товчоо» нэртэй гар бичмэл байна. Энэ нэрийг хожим нэмж бичсэн нь мэдэгддэг [Баярсайхан 2021: 125–139].

П. Б. Балданжаповын судалгааны нэг чухал ач холбогдол бол тэрээр энэхүү номдоо Мэргэн гэгээний «Алтан товч»-ийн ОХУ-д хадгалагдаж буй ховор гар бичмэл эхийг гэрэл зургаар хуулбарлан хавсаргасан нь бусад судлаачдад энэхүү эхийг судлах боломж олгожээ. Мөн 1942 онд Чуулалт хаалгад хэвлэсэн «Алтан товч»-ийн эхийн Санкт-Петербургийн гар бичмэл эхээс зөрөөтэй хэсгүүдийг номдоо хавсаргасан нь энэхүү сурвалжийг эх бичгийн үүднээс судлахад чухал хэрэглэгдэхүүн болсон юм.

П. Б. Балданжаповын судалгааны нэг үнэтэй чухал хэсэг бол тус сурвалжийн монгол эхийн орос орчуулга болон 591 үгийн тайлбар юм.

Мэргэн гэгээний «Алтан товч»-ийг орчин цагийн монгол хэлнээ хөрвүүлж, эрдэм шинжилгээний удиртгал бичиж хэвлүүлсэн доктор Д. Бүрнээ: «П. Б. Балданжаповын “Алтан товч”-ийн орос орчуулга нь мэргэн гэгээний найруулгын өнгө аяс, монгол бичгийн хэлний онцлогийг зарим нэгэн газар эндүүрч ташаа буулгасныг эс тооцвол монгол бичгийн ижил бичлэгтэй, салаа утгатай үгсийн утгыг, хам сэдвээс нь ургуулан нарийн нямбай буулгасан» хэмээжээ [Бүрнээ 2015: 8].

П. Б. Балданжапов нь төвд, монгол бичгийг сайн мэдэхийн дээр түүхэн хэл шинжлэлийн судалгаа хийсэн хүний хувьд эх бичгийн харьцуулсан судалгааг нягт нямбай хийхийн дээр уг сурвалжид хийсэн эрдэм шинжилгээний тайлбарууд нь олон талаас нь нягталсан учир хожмын судлаачдын судалгаанд ашиглагдсаар байдаг.

П. Б. Балданжаповын намтарт залуу байхаасаа хээрийн шинжилгээний ажилд оролцон газрын нэр усыг асуун сурвалжилж түүх домогтой нь цуглуулан судлаж байсан нь хожим дээрх сурвалжуудын эрдэм шинжилгээний тайлбар хийхэд түүний судалгаа үнэ цэнэтэй, эрдэм шинжилгээний ач холбогдолоо алдахгүй байхад нөлөөлсөн нэг хүчин зүйл гэж үзэж болно.

Монгол улсад төрийн соёрхолт, шинжлэх ухааны доктор, сурвалж судлаач Ш. Чоймаа санаачлан түүхэн сурвалж бичгүүдийг «Монголын түүхэн сурвалж

бичгүүд» нэрийн дор цувралаар монгол бичгээс крилл үсгээр хөрвүүлэн олон нийтэд зориулан 2006 онд 30 боть, 2015 онд 33 ботиор эрдэм шинжилгээний тайлбартайгаар хэвлүүлсэн билээ. Энэхүү цувралын 2006 онд хэвлэгдсэн 30 боть, 2015 оны 14-р ботид доктор, профессор Д. Бүрнээ оршил бичиж, тайлбар хавсралтын хамт хэвлүүлсэн билээ. Чингэхдээ тайлбарыг хийхдээ төвд, монгол, сурвалж бичгүүд, толь бичгийг ашиглахын зэрэгцээ эрдэмтэн П. Б. Балданжаповын хийсэн тайлбарын тодорхой хэсгийг оруулан авснаа дурдсан байдаг [Бүрнээ 2015: 16].

Монголын ШУА-ийн сурвалжлагч гишүүн, шинжлэх ухааны доктор Х. Пэрлээ 1970-аад оны дундуур Түүхийн хүрээлэнгийн Дундад зууны түүхийн салбарын залуу ажилтан А. Очир, Б. Дорж, Б. Даваасүрэн, С. Цолмон нарт сурвалж бичгийн судлал, эх сурвалжтай ажиллах дадлага олгох сургалтдаа П. Б. Балданжаповын Урадын Мэргэн гэгээний «Алтан товч»-ийг гарын авлага болгон ашиглаж сурвалжийн эх, хуулбар, хувилбарыг харьцуулан ялгаж сурах, сурвалжийн зохиогчийг олж тогтоохдоо өссөн орчин олж авсан боловсрол, түүний ертөнцийг үзэх үзэл, алба хашиж байсан эсэх, тухайн сурвалжийн он цагийг хэрхэн тогтоох, бичигдэх үеийн нийгмийн байдал, тухайн сурвалж нь эх, хуулбар, хувилбар алин болохыг эхүүдийг харьцуулснаар олж тогтоох, олон эхүүд байвал хамгийн бүрэн гэж үзсэн эхийг гол болгон бусад эхүүдээр нөхвөрлөн сонгомол эх буй болгох, тэдгээрийг тогтооход төгсгөлийн үг чухал болох зэргийг зааж сургаж байсан билээ. Тэр үед «Monumenta Historica»-гийн нэлээд хэдэн дугаар хэвлэгдсэн байсан ч П. Б. Балданжаповын Мэргэн гэгээний «Алтан товч»-ийг гарын авлага сургалтын эх материал болгон сонгож авч байсан нь нэгд, уг сурвалжийн судалгаа арга зүйн хувьд илүү ойлгомжтой, эрдэм шинжилгээний боловсруулалт, тайлбар нь сурвалж бичигтэй хэрхэн ажиллах ёстойг бодитойгоор харуулсан, чамбай судалгаа байсан, хоёрт, Зөвлөлтийн эрдэмтдийн судалгаа онол, арга зүгээс суралцахыг эрдэм шинжилгээний ажилтан нарт сануулдаг байснаас гадна орос хэлний мэдлэгээ дээшлүүлэхэд нь тустай, гуравт, монголд хэвлэгдсэн сурвалжуудыг өөрсдөө олоод үзэх боломжтой зэргийг харгалзсан хэрэг. П. Б. Балданжаповын эрдмийн бүтээлээс суралцах нь бид хэдээр хязгаарлагдаагүй түүхийн судалгаа хийж, XVII–XVIII зууны түүхэн сурвалж бичгийг уншиж судалсан хэн бүхэн түүний судалгаатай танилцаж түүний судалгааны тухай бүтээлдээ дурдаж арга зүйгээс нь санаа авч, суралцсан гэхэд хэтийдэхгүй.

«Арван буянт номын цагаан түүх»

Монголын төр, эрх зүйн дурсгалт бичгийн судалгаа нь монгол судлалын хамгийн бага хөндөгдсөн агаад олон талын мэдлэг шаардсан салбар юм. Ийм дурсгалын нэг бол «Арван буянт номын Цагаан түүх» буюу бидний товчлон нэрлэдгээр «Цагаан түүх» болно.

«Цагаан түүх»-ийн эх бичгийн судалгааг П. Б. Балданжапов 1967 оноос эхэлсэн бөгөөд судалгаа хийх явцдаа тэрбээр тухайн үеийн шинжлэх ухаанд мэдэгдэж байсан бүх эхүүдийг ашигласан бөгөөд өдгөө хүртэл өвлөгдөж ирээгүй боловч түүхэнд мэр сэр дурсагдах төдий эхүүдийг хүртэл тооцолсон байна.

Бидний хүртэл уламжлагдан үлдсэн «Цагаан түүх»-ийн хамгийн эртний эх XVI зуунд бичигдсэн бол хамгийн сүүлийн эх нь XIX зуунд хамаарах ажээ.

Тэрбээр «Цагаан түүх»-ийн судалгаага хэвлэлд бэлдэхдээ Гандангийн нэг, Ленинградын гурав, Улаанбаатарын гурав, Хөх хотын нэг эх дээр тулгуурлан бүх зөрүүтэй хэсгийг нягтлан шинжилсэн байдаг. Энэ хүнд дурсгалыг сонгон ажилласнаар П. Б. Балданжапов эх бичгийн хэл шинжлэлийн шүүмжлэл, нэр томъёоны сэргээн шинэчлэл, эртний бичиг, бичвэр судлалын арга барил, түүхийн бүтээлийн шинжилгээний ерөнхий зарчим зэрэг дорно дахины судлалын олон салбарын өргөн их мэдлэгтэй болохоо харуулахын хамт судлагдахууныхаа онцлогийг бүрэн хэмжээгээр гарган хууль эрх зүйн чиглэлийн эх сурвалжийн нийтлэг хийгээд онцлог шинж чанарыг тодорхойлж чадсан байна.

Эртний монголчуудын төр ёсны ойлголт, өвөрмөц нэр томъёо хэллэг бүхий сонгодог монгол бичгийн дурсгалыг орос хэлнээ орчуулах нь нөр их мэдлэг, хүч, чармайлт шаардсан ажил байсан бөгөөд П. Б. Балданжапов түүхэн хэл шинжлэл, эртний бичиг, бичвэр судлалын арга барил, эртний дорно дахины улсууд болон монголын төр ёсны түүх, шашны гүн ухаан, монгол, төвд хэлийг сайн мэдэж байсны хүчинд энэхүү нүсэр ажлыг хийж чаджээ. П. Б. Балданжапов энэхүү судалгааг хийснээрээ дорно дахины судлалын олон салбарын өргөн мэдлэгтэй болохоо харуулахын хамт судлагдахууныхаа онцлогийг бүрэн хэмжээгээр гарган «Цагаан түүх»-ийн хууль, эрх зүйн чиглэлийн эх сурвалжийн нийтлэг хийгээд онцлог шинж чанарыг тодорхойлж чадсан байна.

«Цагаан түүх»-ийн судалгаага П. Б. Балданжапов шинжлэх ухааны докторын зэрэг горилсон бүтээл болгон бэлдэж байсан боловч харамсалтай нь 1974 онд хүндээр өвчилсний улмаас энэ ажлаа дуусгаж чадаагүй байна. 2001 онд түүний охин Ц. П. Ванчикова түүний судалгааг гүйцээж, орчуулгыг нь нягтлан хэвлүүлжээ. Өдгөө Цагаан түүхийн 15 эхийг олж тогтоогоод байгаа юм байна [Балданжапов, Ванчикова 2001].

Түүний хийсэн сурвалж бичгийн судалгааны давуу тал нь П. Б. Балданжапов нь эрт, дундад сонгодог монгол хэл, төвд хэлийг сайн мэддэг, түүхэн хэл шинжлэлийн онол арга зүйг сайн мэддэг байсан нь сурвалжийн агуулгыг ухааж ойлгох, орчуулах, тайлбар хийхэд түүний давуу тал болсон юм. Тийм ч учраас түүний судалгааны эрдэм шинжилгээний үнэ цэнэ буураагүй хожмын судлаачид түүний судалгааг нягтлан үзэж, өөрсдийн олж илрүүлсэн эхтэй харьцуулахын дээр үүний хийсэн тайлбарын нэлээд хувийг өнөөдөр ч хэвлэхдээ ашигласаар байна.

Дүгнэлт

Дээр өгүүлсэнийг нэгтгэн авч үзвэл Зөвлөлт, Оросын нэрт монголч эрдэмтэн П. Б. Балданжапов бээр Монголын түүхийн судалгаа, тэр дундаа сурвалж бичгийн судлалд өөрийн гэсэн жим мөрийг гаргаж, судалгааны үнэ цэнэтэй бүтээлүүдийг туурвиж, сурвалж судлалын судалгаанд өөрийн бүтээлээрээ болон судалгааны арга зүйгээрээ томоохон хувь нэмрийг оруулжээ. Үүнийг хэд хэдэн зүйлээр тодотгож болох юм. Үүнд:

Нэгд, П. Б. Балданжапов нь монголын түүхийн гол гол сурвалжуудыг сонгон авч судлахдаа ОХУ-ын Дорно дахины хүрээлэнгийн номын сан болон ИМБТ-ийн гар бичмэлийн санд хадгалагдаж буй ховор эхүүдийг сурвалжлан олж судалгаандаа хавсарган гэрэл зургаар хэвлүүлсэн нь олон улсын монголч эрдэмтдэд сурвалж бичгийн судалгаа хийх нь боломжийг нээж өгсөн.

Хоёрт, Түүхэн сурвалжийн эхүүдийг харьцуулах, тухайн сурвалжийн хамрах хүрээг тогтоох, сурвалжийн хамрах хүрээг тухайн сурвалжид дурдагдаж буй түүхэн хүн, он цагийг тодруулах, төгсгөлийн үгийг нягтлахын чухлыг, зохиогчийг тодруулах болон түүний ертөнцийг үзэх үзэл ямар орчинд өссөн, боловсрол хашиж байсан албан тушаал зэргийг тодруулахад өөрийн судалгаагаараа хожмын судлаачдад бодитой нөлөө үзүүлсэн, бүтээл нь судалгааны эх хэрэглэгдэхүүн, аргагүйн гарын авлага болсноороо монголын түүхийн сурвалж бичгийн судлалд томоохон хувь нэмэр болсон гэж үзэж болно.

Гуравт, Тэрбээр хэвлүүлсэн сурвалжууддаа нягт нямбай, дэлгэрэнгүй эрдэм шинжилгээний тайлбар хийсэн нь сурвалж бичгийн судалгааг гүнзгийрүүлэх төдийгүй намтар судлал, газрын нэр судлалд ч чухал хувь нэмэр болж түүний тайлбар нь өдгөө ч эрдэм шинжилгээний ач холбогдлоо алдаагүй, сурвалж бичгийн судалгаанд ашиглагдсаар байна.

Литература

- Балданжапов 1956 — *Балданжапов П. Б.* Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ» как исторический источник: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1956. 12 с.
- Балданжапов 1959 — *Балданжапов П. Б.* Монгольская летопись «Эрдэнийн эрихэ» и ее значение в монгольской историографии // Монгольский сборник: экономика, история, археология. М.: Изд-во вост. лит., 1959. С. 163–170.
- Балданжапов 1970 — *Балданжапов П. Б.* Altan tobči. Монгольская летопись XVIII в. Исследование, монгольский текст с разночтениями, перевод и комментарии. Улан-Удэ: Вост. лит., 1970. 415 с.
- Балданжапов, Ванчикова 2001 — *ᠰayan teüke* — «Белая история» — монгольский историко-правовой памятник XIII–XVI вв. / сост. критического текста, перевод «Белой истории» П. Б. Балданжапова; исследование, редактирование перевода, составление комментариев, подготовка к публикации, перевод и комментарий к шастрам «Хана-чакравартина» и «Орунга» Ц. П. Ванчиковой. Улан-Удэ: БНЦ РАН, 2001. 200 с.
- Балданжапов, Ванчикова 2012 — *Галдан*. История, именуемая “Эрдэнийн эрихэ”. Исследование и комментированный перевод на русский язык П. Б. Балданжапова, Ц. П. Ванчиковой. Monumenta Historica. Tom. X. Fasc. 1. Улан-Батор; Улан-Удэ: ADMON, 2012. 441 с.
- Баярсайхан 2021 — *Баярсайхан Д.* Монголын түүх бичлэг (XVIII зуун). III боть. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2021. 192 х.
- Бүрнээ 2015 — *Мэргэн гэгээн Лувсандамбижалцан*. Их монгол улсын үндсэн алтан товч тууж оршивой / монгол бичгээс хөрвүүлэн, оршил, тайлбар, хавсралт хийсэн Д. Бүрнээ. Монголын түүхийн сурвалж бичиг. Боть 14. Улаанбаатар, 2015. 216 х.
- Гэрэлбадрах 2006 — *Ene nigen debter amui* / transcription by J. Gerelbadrakh. Monumenta Historica Mongolorum. Т. II. Ulaanbaatar: Mongolian State University of Education, 2006. 103 х.
- Гэрэлбадрах 2010 — Галдан туслагч “Эрдэнийн эрих хэмээх түүх болой” / эрдэм шинжилгээний удиртгал, хөрвүүлэг, тайлбар бичсэн Дуутан Ж. Гэрэлбадрах. Улаанбаатар: Бемби сан, 2010. 222 х.
- Гэрэлбадрах 2015 — Галдан туслагч “Эрдэнийн эрих хэмээх түүх болой” / эрдэм шинжилгээний удиртгал, хөрвүүлэг, тайлбар бичсэн Дуутан Ж. Гэрэлбадрах. Монголын түүхийн сурвалж бичгүүд. Боть 23. Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2015. 346 х.
- Дылыков 1981 — *Их Цааз* («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. Ойратский текст / транслитерация сводного ойратского текста,

**Материалы IV Международного семинара «Письменное наследие
и актуальные проблемы истории и культуры монгольских народов»,
посвященного 100-летию со дня рождения Пурбо Балдановича Балданжапова**

- реконструированный монг. текст и его транслитерация, пер., введ. и коммент.
С. Д. Дылыкова. М.: Наука, ГРВЛ, 1981. 147 с.
- Жамцарано 1936 — *Жамцарано Ц. Ж.* Монгольские летописи XVII в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 122 с.
- Насанбалжир 1960 — Галдан. Эрдэнийн эрх хэмээх түүх болой / Ц. Насанбалжир хэвлэлд бэлтгэвэй. Monumenta Historica. Tom. III. Fasc. I. Улаанбаатар: ШУДБ Хүрээлэнгийн Эрдэм шинжилгээний хэвлэл, 1960. 166 х.
- Позднеев 1883 — *Позднеев А. М.* Монгольская летопись “Эрдэнийн Эрихэ”: подлинный текст с переводом и пояснениями, заключающими в себе материалы для истории Халхи с 1633 по 1736 гг. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1883. 421 с.
- Пучковский 1953 — *Пучковский Л. С.* Монгольская историография XIII–XVII вв. // Ученые записки Института востоковедения АН. Т. VI. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 131–166.
- Пучковский 1957 — *Пучковский Л. С.* Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения. История, право. Вып. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 280 с.
- Шастина 1957 — «Шара туджи» — монгольская летопись XVII века / сводный текст, пер., введ. и примеч. Н. П. Шастиной, М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 199 с.

References

- Altan Tobči: A 18th Century Mongolian Chronicle. P. Baldanzhapov (study, transl., etc.). Ulan-Ude, 1970. 415 p. (In Russ.)
- Baldanzhapov P. B. Erdeni-yin Erike and its significance for Mongolian historiography. In: Mongolian Collection. Economics, History, Archaeology. Moscow, 1959. Pp. 163–170. (In Russ.)
- Baldanzhapov P. B. The Mongolian Manuscript Titled ‘Erdeni-yin Erike’ as a Historical Source. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Moscow, 1956. (In Russ.)
- Bayarsaikhan D. Mongolian Historical Sources, 18th Century. Vol. III. Ulaanbaatar, 2021. 192 p. (In Mong.)
- Čayan Teüke — ‘The White History’: A 13th–16th Century Monument of Mongolian History and Law. P. Baldanzhapov (comp., transl.); Ts. Vanchikova (study, ed., etc.). Ulan-Ude, 2001. 200 p. (In Russ.)
- Ene Nigen Debter Amui. Ser. ‘Monumenta Historica Mongolorum’. Vol. II. J. Gerelbadrakh (translit.). Ulaanbaatar, 2006. 103 p. (In Mong.)
- Galdan. A History of Mongols Titled ‘Erdeni-yin Erike’. P. Baldanzhapov, Ts. Vanchikova (study, transl.). Ser. ‘Monumenta Historica’. Vol. X. Part 1. Ulaanbaatar; Ulan-Ude, 2012. 441 p. (In Russ.)
- Galdan. The Chronicle Titled ‘Erdeni-yin Erike’. J. Gerelbadrakh (translit., introd., etc.). Ulaanbaatar, 2010. 222 p. (In Mong.)
- Galdan. The Chronicle Titled ‘Erdeni-yin Erike’. J. Gerelbadrakh (translit., introd., etc.). Ser. ‘Mongolian Historical Records’. Vol. 23. Ulaanbaatar, 2015. 346 p. (In Mong.)
- Galdan. The Chronicle Titled ‘Erdeni-yin Erike’. Ser. ‘Monumenta Historica’. Vol. III. Part I. Ts. Nasanbaljir (text prep.). Ulaanbaatar, 1960. 166 p. (In Mong.)
- Ikh Tsaaz (‘The Great Code of Laws’): A 17th Century Monument of Mongolian Feudal Law. Oirat text. S. Dylykov (translit., reconstr., etc.). Moscow: Nauka — GRVL, 1981. 147 p. (In Russ. and Oir.)
- Jamtsarano Ts. J. 17th Century Mongolian Manuscripts. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1936. 122 p. (In Russ.)
- Luvsandambijaltsan M. G. The Great Mongolian Chronicle Titled ‘Altan Tobči’. D. Būrnee (translit., introd., etc.). Ser. ‘Mongolian Historical Records’. Vol. 14. Ulaanbaatar, 2015. 216 p. (In Mong.)

- Pozdneev A. M. The Mongolian Chronicle Titled 'Erdeni-yin Erike': Original Text Supplemented with a Russian Translation and Comments to Serve as Materials for the 1633–1736 History of Khalkha. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1883. 421 p. (In Mong. and Russ.)
- Puchkovsky L. S. Institute of Oriental Studies: Mongolian, Buryat Mongolian, and Oirat Manuscripts and Xylographs on History and Law. Vol. 1. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1957. 280 p. (In Russ.)
- Puchkovsky L. S. Mongolian historiography, 13th–17th centuries. In: Institute of Oriental Studies. Scholarly Notes. Vol. VI. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1953. Pp. 131–166. (In Russ.)
- Sira Туγүчи: A 17th Century Mongolian Chronicle. N. Shastina (text, introd., etc.). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1957. 199 p. (In Russ.)

УДК / UDC 930(929)

DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-685-693

«Зүрхэн толтын тайлбарын» зохиогч үзэмчин хүн хэмээсэн нь (= Об удзумчинском авторе сочинения «Комментарий к „Сердечному покрову“»)

*Наранцэцэг Дамбийхорлоо*¹

¹ Институт языка и литературы Академии наук Монголии (д. 54а, проспект Энхтайван, 13 квартал, округ Баянзурх, 13330 Улан-Батор, Монголия); Хулунбуирский университет (д. 83, ул. Шуэ фу, район Хайлар, 021008 Хулунбуир, АРВМ, КНР)
доктор филологических наук, профессор, заведующий секцией; приглашенный профессор

 0000-0003-1299-317X. E-mail: nanantsetseg_d@mas.ac.mn

© КалмНЦ РАН, 2021

© Наранцэцэг Д., 2021

Аннотация. *Введение.* В статье рассмотрена история изучения одного из важнейших памятников монгольского языкознания — монгольского грамматического сочинения «Комментарий к „Сердечному покрову“, именуемый „Небесная молитва“» и его текстологическое исследование и публикация, выполненные П. Б. Балданжаповым. *Цели и задачи* исследования заключаются в оценке работы П. Б. Балданжапова, выявлении его вклада в изучение монгольских грамматик, а также в уточнении имени автора данного сочинения — удзумчинского Молон-равжамбы. Для решения поставленных задач применялись общенаучные *методы и подходы*: историко-сравнительный, историко-описательный, а также специальные методы источниковедения и критического анализа текста. *Материалами и источниками* для написания статьи послужили монография П. Б. Балданжапова «Зурхний толтын тайлбури» (Улан-Удэ, 1962) и публикации других авторов по данной теме, а также монгольские исторические источники. *Результаты.* Публикация П. Б. Балданжапова является наиболее законченным и полным исследованием данного сочинения по монгольской грамматике, высоко оцененным как монгольскими, так и зарубежными учеными, широко используемым ими в исследованиях по истории монгольского языка и языкознания. П. Б. Балданжаповым на основе текстологического анализа нескольких сочинений убедительно доказано, что автором данного грамматического сочинения является молон-равжамба Данзандамба. Существуют несколько точек зрения на происхождение Данзандагвы. Автором данной статьи вводится новый материал, почему автора этой грамматики звали также удзумчинский Молон-равжамба.

Ключевые слова: удзумчин, Молон-равжамба, Данзандамба, «Зурхний толт», Балданжапов, монгольская грамматика

Для цитирования: Наранцэцэг Д. «Зүрхэн толтын тайлбарын» зохиогч үзэмчин хүн хэмээсэн нь (= Об удзумчинском авторе сочинения «Комментарий к „Сердечному покрову“») // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 4. С. 685–693. (На монг. яз.). DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-685-693

The Commentary on Jirüken-ü tolta ('Cover of the Heart') and Its Üzemchin Author Revisited

Narantsetseg Dambiikhorlo¹

¹ Institute of Language and Literature, Mongolian Academy of Sciences (54A, Enkhtaivan Ave., Block 13, Bayanzürkh District, 13330 Ulaanbaatar, Mongolia); Hulunbuir University (83, Xuefu Rd., Hailar District, 021008 Hulunbuir, Inner Mongolia, People's Republic of China)

Ph. D. (Philology), Professor, Head of Department; Visiting Professor

 0000-0003-1299-317X. E-mail: narantsetseg_d@mas.ac.mn

© KalmSC RAS, 2021

© Narantsetseg D., 2021

Abstract. *Introduction.* The present article discusses the history of one of the most important monuments of Mongolian linguistic heritage “The Commentary on ‘Jirüken-ü tolta-yin tayilburi’”, a grammar treatise, which was published by Purbo Baldanzhapov with the textological analysis of the source. The author aims to study Baldanzhapov’s work and his contribution to the study of Mongolian grammar treatises; also, to clarify the authorship of the source in question. *Materials and methods.* For the purpose, most appropriate were general scientific methods and approaches, such as historical-comparative and historical-descriptive, as well as special methods of source studies and critical analysis of the text. Baldanzhapov’s monograph “Zurkhny Toltyn Tailburi” (Ulan-Ude, 1962) and publications of other authors on the subject, as well as Mongolian historical sources were used as the database of the research. *Results.* Baldanzhapov’s «Commentary to “the Zurkhen tolt”: Mongolian Linguistic Text of the Eighteenth Century» is, to date, the most complete and exhaustive study of the Mongolian grammar treatise, highly appreciated by scholars in Mongolia and outside the country, and widely used by researchers on the history of the Mongolian language and linguistics. Having undertaken the textual analysis of several works, the scholar convincingly argued that the author of this grammatical work was Molom Ravjamba Danzandagva. However, there are several points of view on Danzandagva’s background; the present author introduces new data that sheds light on the author of the “The Commentary on ‘Jirüken-ü tolta-yin tayilburi’” who was also named Uzemchin Molom Ravjamba.

Keywords: Uzemchin, Molom Ravjamba, Danzandagva, Zurkhenii tolt, Purbo Baldanzhapov, Mongolian grammar

For citation: Narantsetseg D. “The Commentary on Jirüken-ü tolta ('Cover of the Heart') and Its Üzemchin Author Revisited. *Mongolian Studies (Elista)*. 2021; 13(4): 685–693. (In Mong.). DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-685-693

Оршил

Монгол хэл шинжлэлийн чухал дурсгал «Зүрхэн толтын тайлбар „Огторгуйн маани“» хэмээх хэлзүйн бичгийг дэлхийн монгол судлаач олон эрдэмтэн мэргэд анхааран судалж, анхлан Урад гүүш Билгүүндалай, Авгын занги Лхамсүрэн, Алшаагийн Агваандандар лхарамба, Буриадын Номтын Ринчен, Халхын Тогтохтөр ван, Онход Жамьян гүн нарын олон мэргэд хэл шинжлэлийн зохиолууддаа өргөн ашиглаж иржээ. Хожимхон нь Оросын нэрт монголч эрдэмтэн Я. Шмидт, А. А. Бобровников, А. М. Позднеев нар судалж, профессор А. М. Позднеев «Огторгуйн маанийн» уг эхийг нийтлүүлж олны хүртээл болгож байв.

Харин XX зууны дунд үеэс л энэ зохиолыг ганц сэдэвт зохиолын түвшинд өргөн хүрээнд судалсан дорвитой судалгааны бүтээлүүд гарч эхэлсэн юм. Тухайлбал, Германы нэртэй төвөд судлаач, монголч эрдэмтэн профессор М. Таубе, Буриадын нэрт монголч эрдэмтэн П. Б. Балданжапов, монголын хэл шинжлэлч профессор Т. Пагба нарын ул суурьтай нарийн чамбай ганц сэдэвт зохиолууд нь «Зүрхэн толтын тайлбар „Огторгуйн маанийн“» судалгааг урагш ахиулсан чухал бүтээл болж чадсан билээ. Эдгээр эрдэмтдийн бүтээлээс «Зүрхэн толтын тайлбарыг» эх бичиг судлалын өндөр түвшинд хийсэн профессор П. Б. Балданжаповын судалгааг онцлон дурдах нь зүй ёсны хэрэг юм.

Монголын түүх, тулгуур бичгийн судлалын томоохон эрдэмтэн, Энэтхэг-Төвөдийн анагаах ухааны бичгийн өв болон Ганжуур, Данжуурын бурхны шашны каноник цуглуулгын эрдэм шинжилгээний ажлыг үндэслэгч Пурбо Балданович Балданжапов «XVIII зууны үеийн монгол хэлзүйн бичиг „Зүрхэн толтын тайлбар“» [Балданжапов 1962] хэмээх ганц сэдэвт зохиолоо 1962 онд нийтлүүлжээ.

Профессор Балданжаповын энэ ганц сэдэвт зохиолын үндсэн бүтэц нь дэлгэрэнгүй удиртгал өгүүлэл, буриадын Агын дацанд барлуулсан «Зүрхэн толтын тайлбар үсгийн эндүүрлийг арилгагч огторгуйн маани хэмээгдэгч оршив» гэсэн 36 хуудас судрын гэрэл зураг, орос хэлний орчуулга, орчуулгын тайлбар, хавсралт хэсгээс бүрдэнэ. Хавсралтын хэсэгтээ «Монгол үсгийн толтоос өчүүхэн заавар болой», «Монгол үсгийн ялгал ба махбодын өгүүхэн товч нугууд болой» гэсэн Билгүүндалайн хэл зүйн хоёр чухал зохиолын модон барын эхийг гэрэл зургаар хэвлүүлсэн нь энэ бүтээлийг эрдэм шинжилгээний ач холбогдлыг улам төгөлдөржүүлжээ.

Профессор Балданжаповын сурвалж бичиг судлах сонгодог аргазүйн дагуу хийсэн энэхүү ганц сэдэвт зохиол нь бичвэр судлалын ажилд баримтлах хэв загвар, арга туршлага болсоор ирснийг дотоод гадаадын эрдэмтэд өндрөөр үнэлж, зохиол бүтээлдээ онцлон тэмдэглэдэг тул энэ зохиолын агуулгыг дахинтаа танилцуулалгүй, харин түүний судалсан «Зүрхэн толтын тайлбар „Огторгуйн маани“»-ийг зохиосон Молом равжамба Данзандагвыг яагаад Үзэмчиний молом равжамба хэмээх болсон тухайд анхаарлаа хандуулъя.

«Огторгуйн маанийг» зохиогч Молом равжамба Данзандагва гэж хэн бэ?

«Зүрхэн толтын тайлбар „Огторгуйн маанийг“» зохиосон Молом равжамба Данзандагва Төвөдийн Амдо мужийн Рүжа аймгийн нэгэн бага ноёны хөвүүн болон мэндэлжээ.

Тэрбээр хүүхэд ахуй цагтаа нутгийнхаа Рүжа хийдэд шавилан сууж байгаад тэндээсээ Сэра хийдэд очин судар, тарнийн номд суралцаж, зэргээр Лхаст морилон саатаж Лхасын их ерөөл буюу цагаан сарын их ерөөл хурах цагаар өөрийн үеэл хоёр ихэр дүүгийн хамтаар равжамбын дамжаа барьсны учир олонд Молом равжамба хэмээн алдарших болжээ. Энэ тухай зарим сурвалжид «Лхас молом равжамбын дамжааг тэнцэх ханьгүй барьж яруу алдар нь ихэд дэлгэрсэн...» гэжээ [Пунсар 2006: 412]. Энд гарч байгаа «Молом Равжамба» хэмээх зохиогчийн зэрэг хэргэмийн нэрийн утгын хувьд Молом гэдэг нь

ерөөл гэсэн утгатай төвөд үг бөгөөд цагаан сарын шинийн нэгнээс 15-ныг хүртэл Лхасын их *ерөөл* хурах үеэр равжамбын дамжаа барьсан тул «Молом равжамба» хэмээн нэрийдэх болсон ажээ.

Бас зарим сурвалжид түүнийг «Жанжаа хутагтын Молом равжамба» гэх буюу тэрбээр өөрөө ч зарим нэг зохиолынхоо төгсгөлийн үгэнд «Жанжаа гэгээн эрдэнийн танхай шавь молом равжамба Данзандагва» хэмээн бичсэн байх бөгөөд энэ нь Данзандагва 1710 оны орчимд Долоннуур сүмд одож Жанжаа хутагт Агваанчойдоныг (1642–1714) багш барьсны учир ийнхүү хамаатуулан хэлсэн бололтой.

Молом равжамба Дандандагвыг Үзэмчиний молом равжамба хэмээсэн нь

Данзандагвын мэндэлсэн нутаг орон нь эртнээс нааш төвөд, дээд монгол, монгор, ойрад, хошууд, хотон олон угсаатан хаяа хэдрэн залгаж суусаар ирсэн газар бөгөөд Данзандагва төвөд үндэстэн үү, хотон үндэстэн үү, монгол үндэстэн үү гэдэг бол анхаарууштай чухал асуудал мөн. Үүний дотроос Молом равжамбыг яагаад Үзэмчиний Молом равжамба гэж нэрлэв гэдэг бас сонирхол татаж байна.

Эрдэмтдийн судалгаанаас үзвэл түүнийг Алшаа нутгийн хүн, Зүүн Үзэмчин хошууны хувилгаан лам байсан, Баруун газар буюу Төвөд орноос гаралтай хүн гэсэн гурван санал зонхилж иржээ.

Бидэнд энэ хэр мэдэгдэж буй баримтаар эн тэргүүнд Буриадын билигт эрдэмтэн Номтын Ринчин (1821–1907) «Яруу хэлний хүрхрэл» хэмээх зохиолдоо «Бас нэгэн үед мэргэдийн дээд ойрад молом равжамба лам Данзандагвабалсамбуу бээр Бодь мөрийн зэргийн улаан хөтөлбөрийг монгол хэлнээс төвөдийн хэлэнд орчуулбай» хэмээн мэдээлсэн бөгөөд энд Данзандагвыг ойрад хүн гэж онцлон хэлжээ [Ринчин: 21b].

Манай хэл утга зохиолын голлох эрдэмтэн академич Ц. Дамдинсүрэн [Мандах 1990: 198], Д. Төмөртоого [Төмөртоого 1981: 6–7] нарын зэрэг судлаачид Данзандагвыг Алшаа нутгийн хүн гэж үзсээр иржээ. Энэ тухайд эрдэмтэн Т. Пагва «Түүнийг Алшаа нутгийн Данзандагва гэж зарим зохиолд дурдсан байвч Алшаагаас өөр нутгаас ирээд сууж байсан хүн бас байж болох юм» гэсэн тайлбар хийсэн байдаг [Пагва 1995: 13].

Академич Д. Цэрэнсодном багш «Данзандагвын намтар, цадиг хийгээд түүний явдал мөрийн байдлаас шинжилж үзвэл тэрээр Төвөдөөс Монгол нутагт шашин дэлгэрүүлэхээр залрахдаа Авгын нутгийг дамжин Үзэмчинд ирсэн байдалтай байх тул Алшаа нутагт сууж тэр нутгийн хүн гэж алдарших болсон гэх баримт олдохгүй байна. Тэгвэл яагаад түүнийг Алшаа нутгийн хүн гэх болсон юм бэ? гэсэн асуулт гарч болно» [Цэрэнсодном 2021: 57] гээд Данзандагвын уугуул нутаг усыг тодлохоор хичээнгүйлэн шинжилсэн Молом равжамба Данзандагвын «Богд Чойжи-Одсэр бээр зохиосон Зүрхний толтын тайлбар үсгийн эндүүрлийн харанхуйг арилгагч Огторгуйн мани» хэмээх өгүүлэлдээ: «Тэрбээр Дандар лхаарамбын „Хэлний чимэг“ хэмээх зохиолын төгсгөлийн үгэнд „...Алшаагийн молом равжамба Дандар бээр бичив“ хэмээснийг зарим бичвэрт эл хоёр равжамбын адил зэрэгтэй эрдэмтдийг хутгаж, хувиргасан явдалтай холбоотой байж магадгүй болов уу гэж үзэж

байна. Үүнийг гэрчлэх баримт гэвээс зарим нэгэн судлагч ч энэ хоёр монлом равжамба цолтныг хооронд нь хутгаж будилсан зүйл ажиглагдаж байна». Жишээлбэл На. Тэмцэлт «Огторгуйн маанийн зохиогчийг Алшаагийн молон равжамба Данзандагва болно» гэж «Үзэмчин Данзандагвын тухай өчүүхэн шинжлэл» хэмээх өгүүлэлдээ бичсэн ажээ [Цэрэнсодном 2021: 57]. Үүнээс гадна Үзэмчин нутагт өргөн дэлгэрсэн Дансүрэн Лхарамбын домогт түүнийг Дандар (1758–1886) Лхарамбатай уулзаж байсан мэтээр домоглосон нь үнэн хэрэгтээ бодит түүхтэй үл авцалдах зүйл болно» хэмээн бичжээ [Бөххад, Жадамба 1989: 75].

Бидний энэ хэр олж үзсэн баримтаар түүнийг Баруун газар буюу Төвөд орны хүн байсан гэх мэдээг занги Лхамсүрэн 1903 онд анх барлуулж, 1913 онд Шинэ толийн хорооноос дармаллаж хэвлүүлсэн «Монгол үсгийн ёсыг тодорхойлон гаргасан алтан толь хэмээгдэх оршив» хэмээх хэлзүйн бичгийнхээ эхэнд дурдсан байна. Үүнийг эшлэн танилцуулбал: «Анх монгол үсгийг Баруун газрын их бандида лам Гунгаажалцаны гэгээнтэн тогтоон зохиосон Зүрхний толт хэмээх судраас эхэлж үүсгэн журамласан ба хойно мөн газрын Молом ламын зохиосон „Зүрхний толтын тайлбар огторгуйн маани“ хэмээх судрыг гол болгож хэрэглэсээр...» гэсэн байна [Лхамсүрэн 1913: 1-р хуудас 6-р мөр]. Бидний бодоход энд гарч буй мөн газрын Молом равжамба гэж бичсэнээс үндэслэн түүнийг ч мөн Сажа бандидатай адил төвөд хүн гэж үзсэн бололтой байна. Гэвч энд өгүүлж буй мөн газрын Молом равжамба хэмээсэн нь Данзандагвыг Баруун газар буюу Төвөдийн газар равжамба цол хүртсэнийг хэлсэн хэрэг байж болох юм. Дээр өгүүлсэн энэ мэт баримт хийгээд хуучин мэргэдийн ам дамжсан элдэв хууч ярианы мөрөөр Үзэмчиний түүх соёлын зүтгэлтэн профессор М. Дугар [Дугар 1987: 26], На. Тэмцэлт [Тэмцэлт 1984: 31], Ү. Мандах [Мандах 1990: 198] зэрэг судлагч ч төвөд гарлын хүн байжээ гэсэн саналыг дэвшүүлж иржээ. Юутай ч гэсэн эдгээр судлаачид Данзандагвын намтарт холбогдох чухал материалыг олж илрүүлсний хүчээр түүнийг энэ яваа насных нь амьдралын түүх төдийгүй эрт урьдын төрлийн цадигт холбогдох нэн сонирхолтой олдворыг нээн илрүүлсэн нь яах аргагүй судалгааны нээлтийн чанартай шинэ зүйл гэж хэлж болох юм. Энэ нь:

1. «Хүрээ сүмийн товч түүх».
2. «Эцсийн хязгаар дахь шашныг тодруулан зохиогч уулын цорж лам Лувсанданзаны цадиг сүсгийн үүдийг нээгч хэмээх оршивой» гэсэн хоёр сурвалж бичиг болно.

Энд гарч буй Хүрээ сүмийн тухай зохиолын дэлгэрэнгүй нэр нь: «Шилийн гол аймгийн Зүүн Үзэмчин хошууны ламын хүрээ сүмийн гэгээн ба сүмийн дөхөм түүх» гэсэн бичмэл судар болно. Энэхүү Хүрээ сүмийг равжамба Данзандагвын удаах дүр Үзэмчин түшээ гүнгийн хөвүүн Гончигдаш цагаагчин үхэр (1781) жил байгуулжээ.

Монлом ламын Хүрээ сүмийг анх байгуулахдаа гэр дугануудыг хүрээлэн буулгах байдалтай суурьшуулсан тул ийнхүү нэрлэх болсон гэж судлаачид тэмдэглэсэн байна. Энэ сүм равжамба Данзандагвын өөд болсноос хойш 50 орчим жилийн дараа байгуулагдсан боловч тэр ламын эд хөрөнгөөс энэ сүмд өргөл болгон хадгалж байсан бололтой юм. Тухайлбал Данзандагвын ариутган шүүлгэж Бээжинд барлагдсан шунхан Ганжуурын иж бүрэн 108 боть ном энэ

сүмд хадгалагдаж байжээ. Данзандагвын уншиж хэрэглэж байсан тэр адистид оршсон Ганжуур номыг манай улс номын сандаа 1923 онд залж ирсэн түүхтэй.

Бас нэгэн баримт сөхөж үзвээс судар бичгийн хүрээлэнгийн гишүүд 1921 оны арван хоёр сарын шинийн гурванд хуралдаж тус хүрээлэнгийн гишүүн Бат-Очир, Дашням нарыг Үзэмчин, Цахарын хошуу нутгаар ховор ном судар эрэн сурвалжлах ажлаар гурван сарын хугацаагаар томилон ажиллуулах шийдвэр гаргажээ. Энэ ёсоор Дашням гүн Шилийн голын чуулганы баруун, зүүн Үзэмчин, Цахарын нутгаар зорчиж олон чухал ном судар олсны дотор Үзэмчин Молом ламын хүрээнээс монгол үсгийн шунхан Ганжуур 111 ботийг 1923 онд залж ирснийг онцлон дурдсан байна. Энэ Ганжуур номын тухай Үзэмчиний судлагч П. Дугар «Үзэмчин Данзандагва хийгээд „Огторгуйн маани“» хэмээх өгүүлэлдээ: «...Үзэмчиний Ширээт сүмийн Гончиг гэдэг хүмүүн Молом ламын хүрээний монгол хэлний Ганжуурыг арваад үхэр тэргэнд ачаалаад Монгол Улсад хүргэж өгсөн гэдгийг Хүрээ сүмийн зарим өвгөн лам нар одоо болтол тодорхой мэдэж байна» хэмээжээ [Дугар 1987: 29].

Энэхүү 1717–1720 оны хугацаанд Бээжинд барлагдсан монгол шунхан Ганжуурыг Молом равжамба Данзандагва 1720 хэдэн оны үед Үзэмчин ван Сэдэндонровын (1961–1733) ордонд сууж Ганжуур номлож байсныг судлаачид бас тэмдэглэсэн байдаг [Пунсаг 2017: 167; Дугар 1990: 26].

Ташрамд өгүүлэхэд Данзандагвын уншиж, номлож байсан тэр Ганжуур ном бол өнөөгийн Монгол Улсын Үндэсний номын санд нандигнан хадгалагдаж байгаа 108 боть шунхан Ганжуур мөн хэмээж академич Д. Цэрэнсодном багш нэгэнтээ батлан хэлсэн билээ [Цэрэнсодном 2021: 59].

Академич Ц. Дамдинсүрэн «Монгол Ганжуурыг манай Судар бичгийн хүрээлэн 1923 онд сольж авсан» гэж мэдээлжээ. Энэ нь манай талаас хүрээ барын төвөд Ганжуурыг хариу барьсан болохыг хэлж байгаа бололтой.

Мөн Үзэмчиний ахмад судлагч Н. Бөххад өөрийн сахилын нэр болох Агваанлавсүм гэдэг нэрээр гаргасан „Лам эрдэмтэд, сурвалж бичгийн тухай судалгааны өгүүллийн түүвэр“-тээ: „Монгол, хятад хэлээр уламжилж ирсэн эрт өдгөөгийн олон баримтуудыг уялдуулан үзэж улмаар Хөхнуур хавийн газар нутгаар аялж, судалгаа хийж Рүжа хийдийн лам хувраг тэргүүтэн цөөнгүй хүмүүстэй уулзаж баримт нотолгоогоо баталгаажуулсны үндсэнд Данзандагвын уг гарал нь Цагаан монгол хэмээн нэрийдэгч монгол угсааны хүн байсан гэж тодорхойлжээ“» [Агваанлавсүм 2015: 14–30]. Данзандагвыг төрөлхийн монгол хэлтэн буюу монгол үндэстэн хүн байсан гэхийн хамгийн баримт сайтай бодитой баталгаа гэвэл түүний монгол хэлээр туурвисан олон зохиол бүтээлүүдээс бидний гарт энэ хэр олдоод байгаа «Зүрхний толтын тайлбар огторгуйн маани», «Цагаан даяанчийн намтар» зэрэг зохиолын хэл найруулга, нэр томьёо, илэрхийлсэн үзэл санааг ажиглавал яалт ч үгүй монголчуудын ахуй сэтгэлгээний шинж тэмдэг тодорхой ажиглагддаг юм.

Данзандагва нар үзэмчиний газар чухам хэдүй үед ирсэн нь тодорхой бус боловч 1680-д оны орчим морилсон байж магадгүй гэж зарим судлагчид таамаглаж байна. Тухайлбал, судлагч П. Дугар «Цагаан лавайн эгшиг» хэмээх зохиолд өгүүлсэн баримтыг үндэслэн үзэмчиний тойн гүүш Лхагважамцыг хөхөгчин үхэр жил (1685) мэндлэхэд Данзандагва нэр хайрлаж байсан тул энэ үед молом равжамба монгол нутагт нэгэнт морилон ирж суурьшсан байсан бололтой гэж үзжээ [Дугар 1987: 27].

«Шилийн гол аймгийн Зүүн Үзэмчин хошууны ламын хүрээ сүмийн гэгээн бас сүмийн дөхөм түүх» (хураангуй нэр нь «Хүрээ сүмийн товч түүх») хэмээх судлаач Н. Бөххадын цуглуулгаас 2015 онд олж үзсэн, зохиогч нь тодорхойгүй гар бичмэл судрын хуулбарт «Тэндээс тэр лам Данзандагва, Ларган Какод ба бусад нэгэн шавьтай гурвуул баруун Хуучдыг дамжаар Үзэмчин хошуунд ирээд Чин ван Сэдэндонров лугаа лам өглөгийн эзэн болоод Улаан хаалгын элсэнд Агваансодов дор багш шүтэгдэж шашин амьтны тусыг үйлдсэн болой» гэж буй [[Хүрээ сүмийн товч түүх](#)].

Бас өөр нэгэн сурвалжид: «...Их журган ба чуулган даргаас улам тушаасныг дагаж байцааваас манай хошууны молон равжамба Данзандагва Баруун зуугийн оронд олон жил сууж эрдэм номыг ихэд сайтар сураад, ер номоос өөр зүйл үгүй судар тарнийн ном алиныг боловч шавь нартаа сургуульд уйдаж чилээхгүй хошууны олон хуврагуудад их номоор чандалж он удтал суусан ажгуу» хэмээжээ [[Пунсаг 2006: 412](#)].

Дүгнэлт

Дээр өгүүлснийг товчлон хэлбэл «Огторгуйн маанийн» зохиогч Данзандагвын зохиол бүтээлийг XX зууны дунд үеэс судалж нийтлүүлсэн үе үеийн олонх эрдэмтэд «Шилийн голын чуулганы Үзэмчин хүн» гэж үзсээр иржээ. Учир нь гэвэл Данзандагва Үзэмчин газар 1683–1684¹ оны орчим үед ирж суурьшин сүүлийн хэдэн жил Долоннуурт сууж байсныг эс тооцвол 40 гаруй жил Үзэмчин нутагт аж төрсөн тул энэ нутгийн суугуул иргэн болсон тул Шилийн голын чуулган даргын албан бичиг баримтад манай хошууны лам молон равжамба Данзандагва гэсэн байх агаад Данзандагва ч зүүн Үзэмчинг «өөрийн хошуу» хэмээн дурдсан зүйл бас бий. Тийм учраас Төвөд, Монголын зааг дахь Хөх нуурын өндөрлөг хавийн газар түүний уугуул нутаг нь мөн боловч Үзэмчин зүүн хошуу Монлом ламын суугуул нутаг нь мөн гэж хэлж болох юм.

Ном зүй

- Агваанлавсүм 2015 — *Агваанлавсүм*. Лам эрдэмтэд, сурвалж бичиг судалгааны өгүүллийн түүвэр / редактор Д. Наранцэцэг. Улаанбаатар: Адмон, 2015. 691 х.
- Балданжапов 1962 — *Балданжапов П. Б. Jirüken-ü tolta-yin tayilburi*. Монгольское грамматическое сочинение XVIII века / Монгольский текст и перевод. Введение и примечание. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1962. 136 с.
- Бөххад, Жадамба 1989 — *Bökeqada, Jadamba digelbe. Üjümüčin domuy-ud. Sili-yin qota*, 1989. 356 х.
- Дугар 1987 — *Dugar. Üjümüčin danjindayba kiged oyтарыui-yin mani // Öbür mongyol-un neyigem-ün sinjilekü uqayan*. 1987. № 4. X. 26–34.
- Дугар 1990 — *Dugar. Üjümüčin molum blam-a-yin namtar // Jегүн üjümüčin qosiyun-u ulus törü-yin jöblelgen-ü soyul teüke-yin alban ger. Uliyasutai*, 1990. 106 х.
- Лхамсүрэн 1913 — *Lhamusürüng. Mongyol üsüg-un yosun-i todurqayilan yaryaysan altan toli kemegdekü orusibai. Yeke küriyen yajar бүкүй sine toli-yin qoyin-a-ača ... darumal daruju tarqayan neyitelebei: Mongyol ulus-un olan-a örgügdegsen-ü yurbaduyar on jun-u segül sarayin sineyin nigen-ü edür-e. Yeke khuriy-e*, 1913. 27 h.

¹ «Цагаан лавайн эгшиг» хэмээх сударт үзэмчний гүүш тойн Лхагважалсаныг хөхөгчин үхэр жил (1685) мэндлэхэд түүнд Данзандагва нэр хайрлаж байсан гэх мэдээ бий.

- Мандах 1990 — *Manduqu Ü. Oytaryui-yin mani-yin joqiyayci danjindayba-yin tuqai* // *Mongyol kelen-ü sudulul. Kökeqota: Öbür mongyol-un suryan kumüjil-ün keblel-ün qoriy-a*, 1990. X. 198–210.
- Пагва 1995 — *Пагва Т. Зүрхэн толтын тайлбарыг шинжилсэн тухай. Улаанбаатар*, 1995. 58 х.
- Пунсаг 2006 — *Пунсаг А. Үзэмчиний Моллом равжамбын түүхэнд холбогдох нэгэн сурвалж бичгийн тухай* // *Үзэмчин судлал. Kökeqota: Öbür mongyul-un soyul-un keblel-ün qoriy-a*, 2006. X. 411–417.
- Пунсаг 2017 — *Пунсаг А. Үзэмчиний мэргэн хамба Санжаа-Ишжамцыг алба татвараас чөлөөлсөн нэгэн албан бичгийн тухай* // *Үзэмчин судлал / эмхэтгэсэн Д. Наранцэцэг. Улаанбаатар: 2017. X. 164–170.*
- Ринчин — *Ринчин Н. Degedü šasin erdeni ber mongyol oron-i tügegülүgsen uy-i üjegülүgsen irayū kelen-ü күrkirel neretü orusibai. Хүл., 27 f.* // Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. МФ. Инв. № БМ-658.
- Төмөртоого 1981 — *Төмөртоого Д. XVIII зууны үеийн Алшагийн эрдэмтэн рабжамба Данзандагвын зохиосон «Зүрхэн толтын тайлбар үсгийн эндүүрлийн харанхуйг арилгагч огторгуйн маани» хэмээх хэл зүйн бичиг* // *Монгол хэл шинжлэлийн түүхэн уламжлал ба онолын үндэс. Улаанбаатар: Улсын Хэвлэлийн газар, 1981. 162 х.*
- Тэмцэлт 1984 — *Temečeltü Na. Üjümüčün danjindayba-yin tuqai öčүken sinjilel* // *Öbür mongyol-un neyigem-ün sinjilekü uqayan*. 1984. № 3. X. 18–28.
- Цэрэнсодном 2021 — *Цэрэнсодном Д. Моллом равжамба Данзандагвын «Богд Чойжи-Одсэр бээр зохиосон Зүрхний толтын тайлбар үсгийн эндүүрлийн харанхуйг арилгагч Огторгуйн мани»* // *Монгол хэл шинжлэлийн үнэт дурсгалууд. Улаанбаатар: Мөнхийн үсэг, 2021. X. 55–94.*
- Хүрээ сүмийн товч түүх — *Šili-yin γoul ayimaγ-un jегүн üjümüčün qosiyun-u blam-a-yin күriy-e süm-e-yin gegegen kiged süm-e-yin döküm teүke. Mns. Н. Бөххадын хувийн цуглуулга.*

References

- A Brief History of Lamas and Monasteries from East Ujimqin Banner, Xilin Gol League. At: Private collection of N. Bokkhad. (In Mong.)
- Agvaanlavsüm. Monastic Scholars and Research Articles on Source Studies. D. Narantsetseg (ed.). Ulaanbaatar: Admon, 2015. 691 p. (In Mong.)
- Bökeqada, Jadamba. Üzemchin Legends. Xilinhot, 1989. 356 p. (In Mong.)
- Дуяр. Danjindayba of the Üzemchin and his 'Celestial Mani'. *Öbür mongyol-un neyigem-ün sinjilekü uqayan*. 1987. No. 4. Pp. 26–34. (In Mong.)
- Дуяр. Molom Rabjampa: Biography of the Üzemchin Lama. Department of Culture and History, Administrative Office of East Ujimqin Banner. Uliyasutai, 1990. 106 p. (In Mong.)
- Jirүken-ү tolta-yin tayilburi: A 18th Century Mongolian Grammatical Writing. P. Baldanzhapov (text prep., transl., etc.). Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1962. 136 p. (In Mong. and Russ.)
- Lhamusürүng. The Golden Mirror That Clearly Explains Laws of Mongolian Writing. Ikh Khүree, 1913. (In Mong.)
- Manduqu Ü. About Danzindagva — the author of the composition *Oytaryui-yin mani*. In: A study of the Mongolian language. Hohhot: Inner Mongolia Education Press, 1990. Pp. 198–210. (In Mong.)
- Pagva T. Cover of the Heart: Analysis of the Commentary Revisited. Ulaanbaatar, 1995. 58 p. (In Mong.)

**Материалы IV Международного семинара «Письменное наследие
и актуальные проблемы истории и культуры монгольских народов»,
посвященного 100-летию со дня рождения Пурбо Балдановича Балданжапова**

- Punsag A. Mergen Khambo Sanzhaa-Ishzhamtso of the Üzemchin: One tax exemption document revisited. In: Üzemchin Studies. D. Narantsetseg (ed.). Ulaanbaatar, 2017. Pp. 164–170. (In Mong.)
- Punsag A. Molom Rabjampa of the Üzemchin: One biographical source revisited. In: Üzemchin Studies. Hohhot: Inner Mongolia Culture Press, 2006. Pp. 411–417. (In Mong.)
- Rinchin N. Distribution of Gems of Supreme Faith in Mongolia (Mongol-Inhabited Territories): A Review of the Tradition Titled ‘Melodious Sound’. Xylograph. At: Center of Oriental Manuscripts and Xylographs, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS). Mongolian Collection. File BM-658. 27 p. (In Mong.)
- Temečeltü Na. Danjindaγba of the Üzemchin: Personality explored. *Öbür mongγol-un neyigem-ün sinjilekü uqayan*. 1984. No. 3. Pp. 18–28. (In Mong.)
- Tomortogoo D. The Commentary on ‘Cover of the Heart’ Called ‘Celestial Mani’ That Removes Darkness of Confusion: A Grammatical Writing by 18th Century Alasha Scholar Danzandagva Rabjampa. Ser. ‘The Historical Traditions and Theoretical Foundations of Mongolian Linguistics’. Ulaanbaatar: People’s Publ. House, 1981. 162 p. (In Mong.)
- Tserensodnom D. Molom Rabjampa Danzandagva’s Commentary on ‘Cover of the Heart’ (by Bogdo Choidzi Odser) Called ‘Celestial Mani’ That Removes Darkness of Confusion. In: Treasures of Mongolian Linguistics. Ulaanbaatar: Mönkhiyn Üseg, 2021. Pp. 55–94. (In Mong.)

УДК / UDC 1(031)+221

DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-694-703

Три северных похода цзиньского генерала Хуань Вэня (312–373 гг. н. э.) против «варварских» царств Северного Китая

Чингис Цыбикдоржиевич Цыренов¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
 0000-0002-1088-0625. E-mail: chts17@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Цыренов Ч. Ц., 2021

Аннотация. *Введение.* Южнокитайская империя Восточная Цзинь, утратившая северные земли в 316 г. н. э., не теряла надежды вернуть свои территории. Восточно-цзиньский полководец Хуань Вэнь предпринял три военных экспедиции в Северный Китай: первый поход 354 г. н. э. (против северо-западного «варварского» царства племени ди — Раннего Цинь), второй поход 356 г. н. э. (против мятежного северокитайского генерала-варвара Яо Сяна) и третий поход 368 г. н. э. (против сянбийского царства Раннее Янь). *Цель* статьи — дать общий обзор и краткий анализ событий, связанных с тремя походами Хуань Вэня, выявить причины и последствия побед и поражений китайской стороны. Основные *методы* исследования — историко-генетический, историко-биографический и историко-географический анализ соответствующих событий и персоналий. Источником основных сведений о событиях, связанных с тремя походами Хуань Вэня на Север, является официальная династийная летопись «История [династии] Цзинь» («Цзинь шу»), а именно раздел «Цзайцзи» и биографический раздел «Лечжуань». *Результаты.* Неудачный исход изначально успешных походов Хуань Вэня был обусловлен фракционной борьбой между столичной (янчжоуской) и региональной (цзинчжоуской) группировками правящей элиты государства Восточная Цзинь, а также общей деградацией центрального аппарата власти. Сокрушительное поражение третьего северного похода привело к утрате ранее завоеванных цзиньской армией территорий Центрального Китая и закату придворной карьеры самого Хуань Вэня. При этом его клан сохранил свой вес и влияние в области Цзинчжоу.

Ключевые слова: Восточная Цзинь, Южный Китай, Хуань Вэнь, Яо Сян, Фу Цзянь, Раннее Янь, Мужун Цзюнь

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания — проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства» (номер госрегистрации: 121031000241-1).

Для цитирования: Цыренов Ч. Ц. Три северных похода цзиньского генерала Хуань Вэня (312–373 гг. н. э.) против «варварских» царств Северного Китая // Монголоведение. 2021. Т. 13. №. 4. С. 694–703. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-694-703

The Three Northern Expeditions of Huan Wen (312–373 AD)

Chingis Ts. Tsyrenov¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS
(6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0002-1088-0625. E-mail:chts17@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Tsyrenov Ch. Ts., 2021

Abstract. *Introduction.* The southern Chinese empire of Eastern Jin, which lost its northern lands in 316, did not lose hope of reclaiming its territories. The East Jin commander Huan Wen undertook three military expeditions to Northern China: the first campaign of 354 (against the northwestern “barbarian” kingdom of the Di clan — Former Qin), the second campaign of 356 (against the rebellious Northern Chinese barbarian general Yao Xiang), and the third campaign of 368 (against the Xianbei kingdom of Former Yan). The *purpose* of the article was to give a general overview and a brief analysis of the events associated with the three campaigns, as well as to identify the causes and consequences of the victories and defeats of the Chinese side. *Materials and methods.* The main research methods were historical-genetic, historical-biographical, and historical-geographical analysis of relevant events and personalities. The major source of information about the events associated with Huan Wen’s three campaigns to the North is the official dynastic history “History of the Jin [Dynasty]” (“Jin Shu”), namely the Zaiji section and the Liezhuan biographical section. *Results.* The unsuccessful outcome of the initially successful campaigns of Huan Wen may be explained by the factional struggle between the capital (Yangzhou) and regional (Jingzhou) groupings of the ruling elite of the Eastern Jin state, as well as the general degradation of the central government apparatus. The crushing defeat of the third northern campaign led to the loss of the territories in Central China previously conquered by the Jin army and the decline of the court career of Huan Wen himself. But his clan remained an influential power in the Jingzhou region.

Keywords: Eastern Jin, Southern China, Huan Wen, Yao Xiang, Fu Jian, Early Yan, Mujong Jun

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment, project no. 121031000241-1 ‘Historical Space of the Mongol World: Archaeological Cultures, Societies and States’.

For citation: Tsyrenov Ch. Ts. The Three Northern Expeditions of Huan Wen (312–373 AD). *Mongolian Studies (Elista)*. 2021; 13(4): 694–703. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-694-703

Введение

Военные походы южнокитайских царств в северокитайские земли очень редко завершались полным окончательным успехом. Чаще преимущество было на стороне северных войск, шедших покорять южнокитайские земли. Одним из небольших и редких исключений был северный поход против монгольской династии Юань, осуществленный в 1367–1368 гг. вождем китайского народного восстания Чжу Юаньчжаном, основателем династии Мин (1368–1644 гг.). Что касается военачальника Хуань Вэня 桓溫, то следует отметить, что он занимает особое место среди государственных деятелей эпохи Восточной Цзинь. Это обстоятельство связано с его успешными походами против северных «варварских государств», которые по ряду причин не были доведены до конца и не привели

к возврату северных земель, но все же показали мощь южнокитайской армии раннего средневековья. Раздробленный Север Китая, захваченный кочевыми и полукочевыми этносами, сотрясаясь от череды дворцовых переворотов, непрерывных военных конфликтов и крестьянских восстаний.

Краткие сведения

В качестве противников Хуань Вэнь избрал царства Раннее Цинь (351–394 гг. н. э.), основанное выходцем из племени ди по имени Фу Цзянь 苻健, а также царство Раннее Янь (337–370 гг. н. э.), основанное сяньбийцем из племени мужун по имени Мужун Хуан 慕容皝. Как известно, согласно китайским источникам, племенной союз сяньбийцев считается одним из далеких предков монгольских народов [Жуковская, Есипова 2012: 5].

Краткие конкретно-исторические сведения о трех походах Хуань Вэня с учетом периодов правления северных царств представлены в таблице 1.

Таблица 1. Краткие сведения о походах Хуань Вэня против северных царств с указанием периодов в истории царств

[Table 1. Summarized details of Huan Wen's Northern Expeditions with periods of respective kingdoms]

Правители сяньби-мужунского царства Раннее Янь 前燕 (337–370 гг. н. э.). Столица — Ечэн 邺城	Северные походы цзиньского генерала Хуань Вэня	Правители диского царства Раннее Цинь 前秦 (351–394 гг. н. э.) Столица — Чанъань 长安	
Мужун Хуан 慕容皝 (годы жизни: 297–348 гг. н. э., годы правления 337–348 гг. н. э.).	Первый поход (354 г. н. э.) Исходный пункт — г. Цзянлин	Фу Цзянь I 苻健 (годы жизни: 317–355 гг. н. э., годы правления: 351–355 гг. н. э.).	
Мужун Цзюнь 慕容儁 (годы жизни: 319–360 гг. н. э., годы правления 349–360 гг. н. э.).	Второй поход (356 г. н. э.) Исходный пункт — г. Цзянлин	Яо Сян 姚襄 (331–357 гг. н. э.), мятежный генерал из прототибетского племени цян	Фу Шэн 苻生 (годы жизни: 335–357 гг. н. э., годы правления: 355–357 гг. н. э.).
Мужун Вэй 慕容暉 (годы жизни: 350–384 гг. н. э., годы правления 360–370 гг. н. э.). Противник Хуань Вэня — генерал Мужун Чуй (319–360 гг. н. э.)	Третий поход (368 г. н. э.) Исходный пункт — г. Гушу	Фу Цзянь II 苻堅 (годы жизни: 357–385 гг. н. э., годы правления: 357–385 гг. н. э.)	
		Фу Пи 苻丕 (годы жизни: ??–386 гг. н. э., годы правления: 385–386 гг. н. э.)	
		Фу Дэн 苻登 (годы жизни: 343–394 гг. н. э., годы правления: 386–394 гг. н. э.)	

Южнокитайская династия Восточная Цзинь во главе с отпрысками из правящего клана Сыма¹ занимала южную треть материкового Китая и была преемницей кратковременной и непрочной всекитайской империи Западная Цзинь (260–317 гг. н. э.).

Среди отечественных историков-китаеведов, затронувших тему трех походов Хуань Вэня, следует назвать В. С. Таскина [Таскин 1989: 34–36], который перевел ряд глав из «Цзиньшу», посвященных вождям кочевых народов Северного Китая эпохи Наньбэйчао, создавшим собственные династии. Также следует упомянуть М. В. Крюкова, В. В. Малявина, М. В. Софронова (авторов коллективной монографии «Китайский этнос на пороге средних веков» [Крюков, Малявин, Софронов 1979: 26]) и М. Е. Кравцову [Кравцова 2014: 118–119].

В западной научной литературе тему похода Хуань Вэня затрагивали шведский историк-китаевед Ханс Биленстайн [Bielenstein 1996: 73–74], американский историк-китаевед Чарльз Холкомб [Cambridge History of China 2019: 110, 135]. В китайской исторической литературе XX в. темой трех походов занимались такие ученые, как Тянь Юйцин [Tian 2000: 179–182], Ван Чжунло [Wang Zhongluo 2003: 312], Шан Юэ [Шан 1959: 146–147] и др.

Несмотря на наличие определенного количества отечественных и зарубежных работ по данной тематике, следует отметить, что походы Хуань Вэня не рассматривались как предмет специального изучения. Поэтому в отечественной историографии существует настоятельная необходимость координации и систематизации базовых историко-биографических и общих фактологических сведений о трех походах Хуань Вэня. Цель статьи — дать общий обзор и краткий анализ событий, связанных с тремя походами Хуань Вэня против северных царств, выявить причины и последствия побед и поражений китайской стороны. В статье мы постарались сжато и системно изложить основные исторические сведения по данной проблеме.

Материалы и методы

Источником основных сведений о событиях, связанных с первым походом Хуань Вэня на Север, является официальная династийная история «Книга [династии] Цзинь» («Цзинь шу») [Цзинь шу], а именно раздел «Цзайцзи» (глава 112) и раздел «Лечжуань» (глава 68). Окончательная версия данного источника в объеме 130 глав была составлена в 648 г. танским историком Фан Сюаньлином (578–648 гг.).

При решении этого сложного, многогранного и многоаспектного вопроса применялись историко-биографический и историко-географический методы. В соответствующей словарной статье терминологического словаря «Теория и методология исторической науки» приводится следующее определение: «Историко-биографический метод — метод исторического исследования, направленный

¹ Следует сказать, что термин Сыма дословно переводится как «заведующий лошадами» и изначально обозначал должность военного министра, что на первый взгляд может показаться странным для современного читателя. В китайской древности и раннем средневековье главным фактором в военном деле считалась конная тяга, упряжь, повозки и т. д. Нечто подобное можно обнаружить и в европейской традиции. Так, воинское звание маршал дословно переводится как «конюх» (нем. Marschall др.-в.-нем. marahscalc ‘конюх’). Таким образом, можно сказать, что и на Востоке, и на Западе военное дело и этимология высших воинских званий имели сходные черты.

ный на описание, реконструкцию и анализ обстоятельств жизни, результатов деятельности, психологического портрета исторической личности / социальной группы. Историко-биографический метод известен давно, с ним связано становление и развитие истории как науки, поскольку основным героем политической истории всегда выступала личность — правитель, герой, военачальник и пр. С позиций этого подхода исторический процесс долгое время рассматривался как результат деятельности великих людей» [Мазур 2014: 151–152].

Северные походы Хуань Вэня и их исторический фон

Непосредственной причиной распада империи Западная Цзинь стала гражданская война, вызванная мятежом восьми князей правящего клана Сыма (291–306 гг. н. э.), а также последовавшие восстания пяти северных кочевых и полукочевых народов (сюнну, цзе, сяньби, ди и цян), проживавших в северных районах империи Цзинь. К 316 г. столица Лоян пала, император Минь-ди попал в плен к сюнну. Власть Цзинь на севере страны перестала существовать, и остатки цзиньской элиты, даосских и буддийских монахов, а также огромные массы простого народа из центральных и северных китайских областей хлынули в полудикое края Южного Китая, за реку Янцзы в надежде укрыться от конницы кочевников. Примечательно то, что северная знать во главе с кланом Ван и Сыма, не имея никакого численного военного превосходства, смогла подчинить южных аристократов своей власти и основала в городе Цзянькан южнокитайскую династию Восточная Цзинь, которая просуществовала до 420 г. н. э.

Прежде всего, необходимо сказать несколько слов о конкретно-историческом и историко-культурном фоне, на основе которого готовился и проходил поход Хуань Вэня. Этот поход был предпринят в период правления малолетнего восточно-цзиньского императора Му-ди (личное имя — Сыма Дань, годы жизни 343–361 гг., годы правления 344–361 гг. н. э.), которому на момент второго похода Хуань Вэня было 13 лет, и его регентов в лице его матери-императрицы из знатного северного клана Чу по имени Чу Суаньцзы (324–384 гг. н. э.) и южнокитайских сановников Хэ Чуна (292–346 гг. н. э.) и Цай Мо (281–351 гг. н. э.). В 350 г. сановник Цай Мо был смещен, а его место при дворе занял другой северо-китайский сановник Инь Хао (303–356 гг. н. э.).

Ниже приведена сводная таблица сведений о трех северных походах генерала Хуань Вэня.

Таблица 2. Сводная таблица сведений о трех северных походах Хуань Вэня
[Table 2. Summary table of Huan Wen's Northern Expeditions]

Походы	Силы Восточной Цзинь	Силы северных царств
1-й поход 354 г. н. э.	1) 40 тыс. пехоты и кавалерии, Сяньянская флотилия, а также войска Сыма Сюня и Ван Чжо (численность их неизвестна). Исходный пункт похода — г. Цзянлин. 2) Воинские части северо-западного союзного китайского царства-анклава Раннее Лян (313–376 гг.), которые не поддерживали цзиньскую армию из-за дворцового переворота в Раннем Ляне.	Дискское царство Ранняя Цинь (Правящий дом — Фу). 40 тыс. пехоты и кавалерии

**Материалы IV Международного семинара «Письменное наследие
и актуальные проблемы истории и культуры монгольских народов»,
посвященного 100-летию со дня рождения Пурбо Балдановича Балданжапова**

Краткая характеристика и итог военных действий	Театр военных действий данного похода развернулся на территории современной провинции Шэньси, а именно в верховьях реки Ханьшуй, северного притока южной реки Янцзы. Войска Хуань Вэня одержали ряд побед в долине реки Ханьшуй, но были остановлены на подступах к столичному городу Чанъань, а затем были отброшены и подверглись преследованию со стороны войск Ранней Цинь и Ранней Янь.	
2-й поход 356 г. н. э.	Численность войск неизвестна. Исходный пункт похода — г. Цзянлин.	1) Яо Сян, цянский аристократ и генерал, мятежный вассал Восточной Цзинь (численность войск неизвестна); 2) Чжоу Чэн, китайский генерал, начальник гарнизона Лояна, служивший сяньбийскому царству Ранняя Янь.
Краткая характеристика и итог военных действий	Второй поход Хуань Вэня был направлен против цянского генерала по имени Яо Сян, который ранее служил варварскому северокитайскому царству Позднее Чжао (319–351 гг. н. э.), а после его распада ненадолго присягнул императору Восточной Цзинь. Хуань Вэнь разгромил Яо Сяна и взял г. Лоян, который был отвоеван в 364 г. н. э. войсками сяньбийского царства Раннее Янь.	
3-й поход: 368 г. н. э.	Свыше 50 тыс. человек в войске. Исходный пункт похода — г. Цзянькан.	Сяньбийское царство Раннее Янь (правлящий клан — Мужун). Сяньбийский генерал Мужун Чуй.
Краткая характеристика и итог военных действий	Полное поражение войск Хуань Вэня от войск Мужун Чуя (319–360 гг. н. э.) в местности Фантоу, отступление цзиньских войск и закат политической карьеры Хуань Вэня.	

Первый поход примечателен тем, что расчеты Хуан Вэня были основаны на том, что китайское царство-анклав Раннее Лян (совр. пров. Ганьсу и частично Шэньси) со столицей в г. Гуцзан (совр. г. Увэй, пров. Ганьсу) поддержит удар цзиньской армии по царству Раннее Цинь. Однако из-за собственных внутренних смут Раннее Лян не оказало существенной помощи Хуань Вэню. Фактически здесь Хуань Вэнь хотел применить стратагему № 23 «заручиться силой дальних и напасть на ближних» (кит. 远交近攻) из знаменитого трактата «36 стратагем» [[Тридцать шесть стратагем 2000: 122–126](#)].

Второй поход Восточной Цзинь на север Китая был начат в августе 356 г. цзиньским генералом Хуань Вэнем, который добился звания великого военачальника (кит. *дасыма*). Он выдвинул свои войска из г. Цзянлин в направлении Лояна из-за мятежа 26-летнего цянского генерала по имени Яо Сян (331–357 гг. н. э.), который ранее (в 351 г. н. э.), вместе с отцом и его войсками перешел от распавшегося царства Поздняя Чжао на службу к Цзинь. Позднее из-за интриг цзиньских наместников он объявил себя великим шаньюем, захватил

ряд других областей на северном берегу Янцзы, ранее отвоеванных у варварских царств, а также осадил город Лоян, контроль над которым удерживали войска другого бывшего цзиньского генерала Чжоу Чэна, перешедшего на службу варварскому царству Раннее Цинь [Цзинь шу: глава 127].

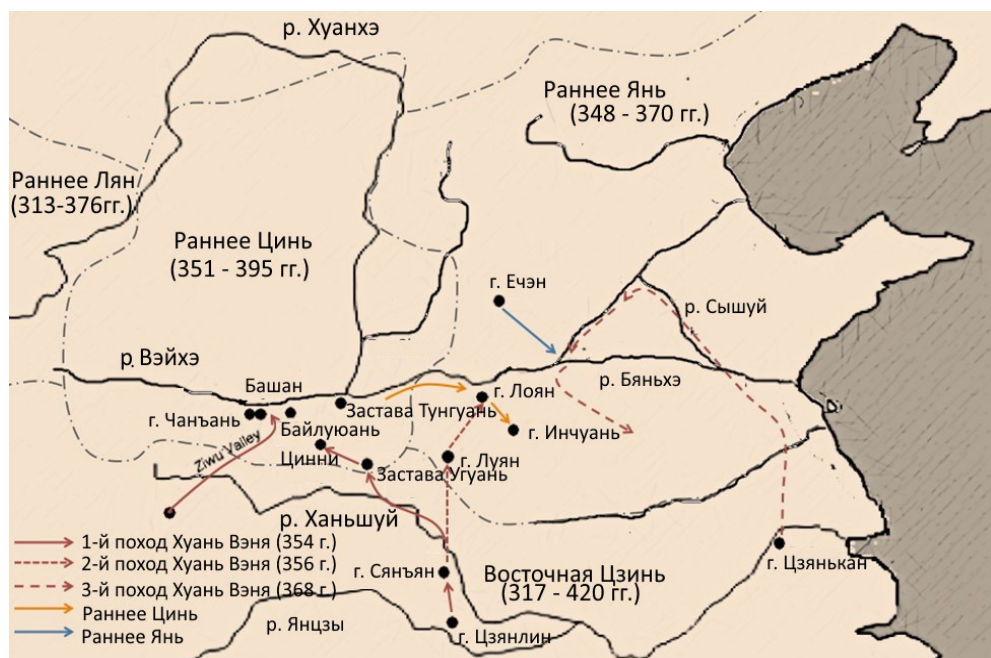
После возврата и реставрации Лояна Хуань Вэнь планировал перенести столицу Восточной Цзинь из южнокитайского Цзянькана на прежнее место. Однако цзяньканский двор отверг это предложение, по-видимому, из-за того, что сложившийся статус-кво был более приемлем для столичной знати Цзянькана, за почти полвека проживания на юге привыкшей к южнокитайским реалиям и не желавшей что-либо менять. За успешную карательную экспедицию против Яо Сяна Хуань Вэнь получил титул Наньцзюнь-гуна и постепенно сосредоточил в своих руках еще большую власть при дворе Восточной Цзинь.

Третий поход был предпринят из-за того, что сяньбийское царство Раннее Янь было ослаблено внутривластным кризисом, связанным со смертью видного полководца по имени Мужун-Кэ, которого опасался Хуань Вэнь, и усилением вдовствующей императрицы Кэцзунхунь (??–386 гг. н. э.), которая выступала против другого здравствующего и талантливого полководца — Мужун Чуя (326–396 гг.). При этом плоды второго похода Хуань Вэня были утрачены из-за саботажа недругов Хуань Вэня при дворе Восточной Цзинь. Тогда как третий поход провалился из-за грубых просчетов самого Хуань Вэня и решительных действий царства Раннее Янь в лице генерала Мужун Чуя.

Для большей наглядности ниже приведена карта, на которой обозначен театр военных действий и маршруты трех северных походов Хуань Вэня.

Рис. 1. Карта трех северных походов Хуань Вэня [Wang 2003: 312]

[Fig. 1. Map of Huan Wen's Northern Expeditions]

Так как все три северных похода Хуань Вэня были проведены по трем различным маршрутам, в соответствии с маршрутами их можно условно назвать западный, центральный и восточный поход.

Главными пунктами первого похода был город Цзянлин (совр. г. Цзинчжоу, пров. Хубэй) — речной порт-крепость на реке Янцзы, и город Сяньян (речной порт-крепость на реке Ханьшуй — северном притоке реки Янцзы) [Дай 2005: 1267, 3294]. Вышеописанный первый северный поход Хуань Вэня можно условно назвать северо-западным походом.

Второй северный поход Хуань Вэня условно можно обозначить как центральный северный поход, так как после форсирования Янцзы в районе уже упомянутого выше Сяньяна Хуань Вэнь пошел не на северо-запад, где находился Чанъань, а в центральный район Китая, где находился древний город Лоян.

Третий северный поход Хуань Вэня можно назвать северо-восточным походом, так как исходным пунктом его войск был уже город Гушу, расположенный к юго-западу от Цзянькана — столицы Восточной Цзинь.

Интересно отметить, что основатель КНР Мао Цзэдун, на склоне лет проявивший большой интерес к истории Восточной Цзинь, дал негативную оценку личности Хуань Вэня, так как этот генерал пытался узурпировать трон и свергнуть законную династию Восточная Цзинь и правящий дом Сыма [Lu Zhidan 2017:115].

Заключение

На основании вышеприведенных конкретно-исторических сведений можно сделать следующие выводы.

Во-первых, успех первого и второго северного похода Хуань Вэня был обусловлен более богатым опытом сражений у Хуань Вэня, а также стратегическими просчетами его противников — генерала Яо Сяна, который фактически оказался в положении ведения войны на два фронта — против царства Раннее Янь и против Восточной Цзинь — со всеми вытекающими последствиями. Военные успехи Хуань Вэня во втором походе, с одной стороны, еще больше укрепили позиции его клана при дворе Восточной Цзинь и стали символом китайского реванша. Но, с другой стороны, мандат на второй северный поход и его победное завершение стали причиной беспокойства цзяньканского двора. Хуань Вэнь приобрел репутацию выскочки и стал восприниматься как тиран и узурпатор трона.

Во-вторых, поражение в третьем походе обусловлено тем, что Хуань Вэнь сам оказался зажат между двумя фронтами царств Раннее Цинь и Раннее Янь. Это привело к утрате ранее завоеванных цзиньской армией территорий Центрального Китая и закату придворной карьеры Хуань Вэня, хотя его клан сохранил свое влияние в области Цзинчжоу вплоть до конца династии Восточная Цзинь.

В-третьих, необходимо отметить, что из-за острых межклановых и межсословных противоречий южнокитайская империя Восточная Цзинь упустила исторический шанс вернуть северные земли и воссоздать единую всекитайскую империю. Поражение цзиньских северных походов привело к дальнейшему усилению деструктивных внутривластных процессов как на Севере, так и на Юге Китая, углублению региональных этнокультурных различий между Северным и Южным Китаем, а также к формированию южнокитайской самобытной традиции в элитарной и простонародной культуре, искусстве и религии.

Источники

Цзинь шу — Фан Сюаньлин. «Цзинь шу» [электронный ресурс] // URL: <http://www.guoxue123.com/shibu/0101/00jsj/106.htm> (дата обращения: 31.10.2021).

Sources

Fang Xuanling. Book of Jin. Available at: <http://www.guoxue123.com/shibu/0101/00jsj/106.htm> (accessed: October 31, 2021). (In Chin.)

Литература

- Жуковская 2012 — Жуковская Н. Л., Есипова М. В. Монголы // Большая российская энциклопедия. Т. 21. М.: Большая российская энциклопедия, 2012. С. 5–7.
- Кравцова 2014 — Кравцова М. Е. Династия Восточная Цзинь (317–420) // История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / гл. ред. С. Л. Тихвинский. Т. III: Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан (220–907) / отв. ред. И. Ф. Попова, М. Е. Кравцова. М.: Наука, Вост. лит., 2014. 991 с.
- Крюков, Малявин, Софронов 1979 — Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. М.: Наука, 1979. 328 с.
- Мазур 2014 — Мазур Л. Н. Историко-биографический метод // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. 576 с.
- Таскин 1989 — Таскин В. С. Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. Вып. 3. Мужуны / пер. с кит., предисл. и коммент. М.: ГРВЛ, 1989. 431 с.
- Дай 2005 — Дай Цзюньлянь. Чжунго гуцзинь димин дацзыдянь (= Большой словарь древних и современных топонимов Китая / под ред. Дай Цзюньляня. Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 2005. 3408 с.
- Тридцать шесть стратагем 2000 — Тридцать шесть стратагем. Китайские секреты успеха / пер. с кит. яз. В. В. Малявина. М.: Белые альвы, 2000. 192 с.
- Шан 1959 — Шан Юэ. Очерки истории Китая / пер. В. И. Глунина, В. С. Колоколова, А. М. Митбрейта. М.: Вост. лит., 1959. 579 с.
- Bielenstein 1996 — Bielenstein H. The Six Dynasties. Stockholm: [Eleander], Stockholm: Media Print, Uddevalla AB, 1996. 325 p.
- Cambridge History of China 2019 — The Cambridge History of China. Vol. 2. The Six Dynasties, 220–589 / ed. by Albert E. Dien, Keith N. Knapp. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 346 p.
- Lu Zhidan 2017 — Lu Zhidan (卢志丹). 毛泽东点评历史人物 (= Суждения Мао Цзэдуна об исторических личностях). Beijing: Renmin ribao chubanshe, 2017. 293 p.
- Tian 2000 — Tian Yuqing (田余庆). 晋门阀政治 (= Режим сановных кланов эпохи Восточная Цзинь). Beijing: Beijing university press, 2000. 374 p.
- Wang 2003 — Wang Zhongluo (王仲华). Wei-Jin, Nan Bei chaoshi (魏晋南北朝史) (= История эпохи Вэй-Цзинь и Наньбэйчао). Shanghai: Shanghai renmin chubanshe, 2003. 994 p.

References

- Bielenstein H. The Six Dynasties. Stockholm: Media Print, Uddevalla AB, 1996. 325 p. (In Eng.)
- Dai Junliang (ed.) The Big Dictionary of Ancient and Modern Place Names of China. Shanghai: Shanghai People's Press, 2005. 3408 p. (In Chin.)
- Dien A. E., Knapp K. N. (eds.) The Cambridge History of China. Vol. 2: The Six Dynasties, 220–589. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 346 p. (In Eng.)
- Kravtsova M. E. Eastern Jin, 317–420. In: Tikhvinsky S. L. (ed.) History of China: From Ancient Times to the Early 21st Century. In 10 vols. Vol. III: Three Kingdoms, Jin, Southern and Northern Dynasties, Sui, Tang, 220–907 AD. I. Popova, M. Kravtsova (eds.). Moscow: Nauka-Vostochnaya Literatura, 2014. 991 p. (In Russ.)

**Материалы IV Международного семинара «Письменное наследие
и актуальные проблемы истории и культуры монгольских народов»,
посвященного 100-летию со дня рождения Пурбо Балдановича Балданжапова**

- Kryukov M. V., Malyavin V. V., Sofronov M. V. Chinese Ethnos at the Turn of the Middle Ages. Moscow: Nauka, 1979. 328 p. (In Russ.)
- Lu Zhidan. Mao Zedong's Judgments on Historical Figures. Beijing: Rénmín Ribào, 2017. 293 p. (In Chin.)
- Mazur L. N. Historical biography method. In: Chubaryan A. O. (ed.) Theory and Methodology of Historical Science: A Terminological Dictionary. Moscow: Akvilon, 2014. 576 p. (In Russ.)
- Shang Yue. Essays on Chinese History. V. Glunin, V. Kolokolov, A. Mitbreit (transl.). Moscow: Vostochnaya Literatura, 1959. 579 p. (In Russ.)
- Taskin B. C. Nomads in China, 3rd–5th Centuries AD: Historical Materials. Vol. 3: The Murong. Moscow: GRVL, 1989. 431 p. (In Russ.)
- Thirty-Six Stratagems. V. Malyavin (transl.). Moscow: Belye Alvy, 2000. 192 p. (In Russ.)
- Tian Yuqing. Eastern Jin: Noble Clan Policy. Beijing: Beijing University Press, 2000. 374 p. (In Chin.)
- Wang Zhongluo. Wei–Jin, Southern and Northern Dynasties. Shanghai: Shanghai People's Press, 2003. 994 p. (In Chin.)
- Zhukovskaya N. L., Esipova M. V. Mongols. In: Great Russian Encyclopedia. Vol. 21. Moscow: Bolshaya Rossiyskaya Entsiklopediya, 2012. Pp. 5–7. (In Russ.)

УДК / UDC 784.4 (398.8)

DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-704-712

Раннефольклорные обрядовые жанры традиционной культуры хори-бурят

Лидия Данишиловна Дашиева¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник

 0000-0003-0492-7252. E-mail: dashieva2006@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Дашиева Л. Д., 2021

Аннотация. *Введение.* В данной статье продолжено исследование традиционной музыкальной культуры восточных хори-бурят, основанное на архивном материале аудиоколлекции известного ученого востоковеда Пурбо Балдановича Балданжапова (1921–1991). *Целью* исследования является репрезентация раннефольклорных жанров обрядовой традиционной музыки восточных хори-бурят. *Методы исследования.* В статье используются методы жанрового и структурно-типологического анализа фольклорных произведений, записанных П. Б. Балданжаповым. Изучение хори-бурятской обрядовой песенной традиции, как системы, повлекло привлечение структурно-функционального метода, позволившего рассмотреть разные аспекты ритуально-обрядового комплекса восточных хори-бурят. *Результаты.* Традиционная музыка восточных хори-бурят дифференцируется на две жанровые группы (обрядовую и необрядовую). Обрядовая музыка коллекции П. Б. Балданжапова включает свадебные песни (*уусын дуунууд*), древний обрядовый танец *нэрьелгэ* и сопровождающие его песни (*нэрьелгын* или *нэрьезнэй дуунууд*), прославление лошади (*мориной соло*), буддийские песнопения *маани*. Во вторую группу входят жанры необрядовой сферы — улигеры (*ульгэрнууд*), исторические песни (*түүхын дуунууд*) о Шилдэ занги, восхваления родителей (*магтаалнууд*), песни кольца (*бэхэлигэй дуунууд*), шуточные песни (*шоог дуунууд*). В статье особое внимание уделено уникальным, но уже утраченным жанрам обрядовой музыки хори-бурят — *нэрьелгын дуунууд*, сопровождающим ритуальный танец *нэрьелгэ* и прославления победившей в скачках лошади *мориной соло*. Анализ семантического содержания поэтических текстов и музыкальных интонаций позволяет отнести эти жанры к раннефольклорному пласту традиционной музыки восточных хори-бурят. Анализ памятников их обрядового песенного фольклора способствует в будущем проведению реконструкции этих редких жанров в контексте сравнительно-исторического изучения культурных традиций тюрко-монгольских народов.

Ключевые слова: обрядовая музыка, раннефольклорные жанры, традиционная культура, хори-буряты, П. Б. Балданжапов

Благодарность. Статья выполнена в рамках государственного задания — проект «Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней Азии» (номер госрегистрации: 121031000263-3).

Для цитирования: Дашиева Л. Д. Раннефольклорные обрядовые жанры традиционной культуры хори-бурят // Монголоведение. 2021. Т. 13. №. 4. С. 704–712. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-704-712

Traditional Culture of Khorì Buryats: Early Folklore Ritual Genres Revisited

Lidiya D. Dashieva¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS
(6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (Art History), Leading Research Associate

 0000-0003-0492-7252. E-mail: dashieva2006@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Dashieva L. D., 2021

Abstract. This article continues the study of the traditional musical culture of the Eastern Khorì-Buryats, based on rare archival material of the audio collection of the famous orientalist Purbo Baldanovich Baldanzhapov (1921–1991). The research was started by the author in 2014 in the article “Materials of P. B. Baldanzhapov as a source for studying the song tradition of the Khorì-Buryats”. The aim of this article is to represent the early folklore genres of the ceremonial traditional music of the Eastern Khorì-Buryats. In the article *the methods* of genre and structural-typological analysis of folklore works recorded by P. B. Baldanzhapov were used. The study of the Khorì-Buryat ritual song tradition, as a system, entailed the involvement of a structural and functional method, which allowed us to consider various aspects of the ritual and ritual complex of the eastern Khorì-Buryats. The traditional musical culture of the Eastern Khorì-Buryats can be divided into two genre groups (ceremonial and non-ceremonial). The ritual music of P.B. Baldanzhapov’s audio collection includes wedding songs (*Uusyn duunuud*), the ancient ritual dance *Neryelge* and accompanying songs (*Neryelgyn* or *Neryeenei duunuud*), the glorification of the horse by *Morinoy solo*, Buddhist *Maani* chants. The second group includes such genres of non-ritual sphere as uligers (*Ulgernuud*), historical songs (*Tuuhyn duunuud*) about *Shilde Zangi*, magtals to parents (*Magtaalnuud*), ring songs (*Beheligey duunuud*), comic songs (*Shog duunuud*). In this article, special attention is paid to the unique, but already lost genres of ritual music of Khorì-Buryats – *Neryelgyn duunuud*, accompanying the ritual dance of *Neryelge* and the glorification of the horse (*Morinoy solo*), who won the race. The analysis of the semantics of poetic texts and musical intonations of *Neryelgyn duunuud* and *Morinoy solo* allows us to attribute these genres to the early folklore layer of the traditional musical culture of the Eastern Khorì-Buryats and to reveal the semantic connection with the mythology and religion of the early nomads. Of course, in the future research it is necessary to continue studying the works of non-ritual traditional music of the Khorì-Buryats from the collection of P.B. Baldanzhapov. The analyses of these samples of song folklore might allow to carry out the notation of *Morinoy’s solo* samples with their subsequent musical analysis and publication. One of the promising areas of research may be the reconstruction of these rare and unique genres of ritual music of the Khorì-Buryats in the context of a comparative historical study of the cultural traditions of the Turkic-Mongolian peoples.

Keywords: ritual music, early folklore genres, traditional culture, Khorì-Buryats, P. Baldanzhapov

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment, project no. 121031000263-3 ‘Writing Traditions of Baikal Peoples in the Context of Historical and Cultural Heritage of Russia and Inner Asia’.

For citation: Dashieva L. D. Traditional Culture of Khori Buryats: Early Folklore Ritual Genres Revisited. *Mongolian Studies (Elista)*. 2021; 13(4): 704–712. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-704-712

Введение

В настоящей статье продолжено исследование традиционной культуры восточных хори-бурят, основанное на архивном материале аудиоколлекции известного ученого востоковеда Пурбо Балдановича Балданжапова (1921–1991), начатое автором в статье «Материалы П. Б. Балданжапова как источник изучения песенной традиции хори-бурят» [Дашиева 2014]. Широкий спектр научной деятельности П. Б. Балданжапова включает историографию, источниковедение, буддологию и изучение языка и культуры народов Центральной Азии. Кроме того, Пурбо Балданович проводил экспедиционную работу, принимая активное участие в фольклорно-этнографической экспедиции в 1958 г. в районах проживания восточных хори-бурят (Агинский, Ононский, Хилокский, Могойтуйский районы Агинского Бурятского автономного округа Читинской области; ныне Забайкальский край), в 1962 г. у *хонгодоров* (Тункинский район Бурятской АССР; ныне Республика Бурятия (далее — РБ)). Материалы этих экспедиций вошли в аудиоколлекцию П. Б. Балданжапова, хранящуюся в фонофонде Центра восточных рукописей и ксилографов (далее — ЦВРК) Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (далее — ИМБТ СО РАН). Архивные материалы П. Б. Балданжапова (инвентарный номер 3504, 27 единиц хранения), зафиксированные в 1958 г., являются самыми ранними в фонофонде ЦВРК, что, безусловно, придает наибольшую значимость его коллекции. К сожалению, оригиналы не сохранились, но перезапись на магнитофонную ленту (дубликаты) была осуществлена хранителем Г. Д. Фроловой в 1996 г., дубликаты оцифрованы Л. Д. Дашиевой в 2007 г.

Методы исследования

В статье используются методы жанрового и структурно-типологического анализа фольклорных произведений, записанных П. Б. Балданжаповым. Изучение хори-бурятской обрядовой песенной традиции, как системы, повлекло привлечение структурно-функционального метода, позволившего рассмотреть разные аспекты ритуально-обрядового комплекса восточных хори-бурят.

Жанровая типология материалов коллекции П. Б. Балданжапова

Анализ жанрового состава аудиоколлекции П. Б. Балданжапова позволяет дифференцировать фольклорные записи на две группы: 1) обрядовая музыка хори-бурят: свадебные песни (*уусын дуунууд*), древний обрядовый танец *нэрългэ* и сопровождающие его песни (*нэрългын* или *нэръезнэй дуунууд*), прославление лошади (*мориной соло*), буддийские песнопения (*маани*); 2) необрядовая музыка хори-бурят, включающая улигеры (*ульгэрнууд*), исторические песни (*туухын дуунууд*) о Шилдэ занги, восхваление родителей (*магтаалнууд*), песни кольца (*бэлхэлгэй дуунууд*), шуточные песни (*шог дуунууд*).

Особую жанровую группу в аудиоколлекции П. Б. Балданжапова составляют бурятские героические сказания *ульгэрнууд*. Важной заслугой ученого стали аудиозаписи улигеров от выдающихся хори-бурятских сказителей Галсанжамсо

Тыхеева и Лхасарана Бальчинова. Тексты улигеров были опубликованы в книге «*Агын ульгэрнүүд*» («Агинские улигеры»), изданной в 1961 г. [Балданжапов 1961]. Тексты улигеров «*Боро соохор моритой Боронтуу мэргэн*» («Боронтуу мэргэн на серо-пестром коне»), «*Зугы мэргэн хаанай Мижэд хүбүүн*» («Мижэд, сын Зугы мэргэн хана»), «*Үнийн сагаан ботогон*» («Сиротка белый верблюжонок») были записаны у Галсанжамсо Тыхеева. В фонофонде ЦВРК хранятся цифровые копии семи улигеров, из которых три («*Бальжан хатан*» («Бальжан хатан»), «*Алтан Шаахай Мунгэн Шаахай хоёр*» («Алтан Шаахай и Мунгэн Шаахай»), «*Арбан долоон наһатай Алтан Сэндэл нойон хаан*» («Семнадцатилетний Алтан Сэндэл нойон хан») были записаны в селах Новая Заря и совхозе «Красная Ималка» Ононского района Читинской области от указанных выше сказителей в 1958 г.

Четыре улигера хонгодоров «*Эрэ Орзо мэргэн*» («Эрэ Орзо меткий»), «*Угьтэй хүбүүн*» («Парень-бедняк»), «*Хаан Харангуй*» («Хан Харангуй») и улигер с песенным разделом, записанные П. Б. Балданжаповым в 1962 г. от сказителей Дагбы Аюшеева и Дармы Забанова в селах Монды и Харбаты Тункинського района Бурятской АССР, представляют западнобурятскую улигерную традицию.

Анализ звуковысотной-ладовой и ритмической организации хори-бурятского улигера «*Арбан долоон наһатай Алтан Сэндэл нойон хаан*» («Семнадцатилетний Алтан Сэндэл нойон хан») представлен в статьях автора [Дашиева 2014: 65–76; Дашиева 2009б]. По нашему мнению, этот удивительный хори-бурятский улигер по музыкальным особенностям имеет очевидное сходство с западной эхирит-булагатской улигерной традицией.

О древнем обрядовом танце хори-бурят *нэрьелгэ*

В первой жанровой группе особое внимание привлекают редкие жанры обрядовой музыки хори-бурят — *нэрьелгын дуунууд* или *нэрьенэй дуунууд*, сопровождающие ритуальный танец *нэрьелгэ*, и прославления победившей в скачках лошади *мориной соло*. Эти жанры относятся к уже утраченной традиции в хори-бурятском фольклоре.

Древний обрядовый танец *нэрьелгэ* у восточных хори-бурят, проживающих в Агинском Бурятском округе Забайкальского края и на территории РБ, как уже было отмечено выше, давно ушел в прошлое. В настоящее время танец *нэрьелгэ* со всеми его составляющими (форма, тексты песен, кинетика) сохранился лишь в фольклоре шэнэхэнских хори-бурят, мигрировавших во Внутреннюю Монголию Китайской Народной Республики в начале XX в. Нотировки четырнадцати образцов обрядовых песен *нэрьенэй дуунууд*, записанных у шэнэхэнских бурят, опубликованы А. Нумой в нотном сборнике «*Буряад-монгол арадай дуунууд*» («Бурят-монгольские народные песни») [Нумаа 2003: 87–100]. Что касается западных бурят, то в их традиционной культуре этот танец никем не был зафиксирован [Дашиева 2017].

Известному бурятскому ученому, фольклористу и этнографу Д. С. Дугарову удалось собрать, записать и опубликовать ценные сведения о бытовании хори-бурятского *нэрьелгэ*, исследованию которого была посвящена глава в его монографии «Исторические корни белого шаманства», написанная на материале обрядового фольклора бурят [Дугаров 1991: 183–213]. Д. С. Дугаров впервые выполнил нотировки уникальных образцов *нэрьелгын дуунууд*, сопровождаю-

щих хори-бурятский танец *нэрьелгэ* в фольклоре агинских хори-бурят [Дугаров 1964: 67–70].

Нэрьелгэ в переводе означает «громыхание» или «грохотание» (от слова «*нэрьехэ*» ‘поднимать шум, греметь, грохотать’) [Черемисов 1973: 339; Дугаров 1991: 184]. У западных бурят слово *нэрьеэр* означает «удар грома» или «удар бога-громовержца». Имя этого верховного бога — Айа. По сведениям Д. С. Дугарова, именно богу Айа буряты посвящали грандиозные обрядовые жертвоприношения *тэнгри тайха* (‘жертвоприношение небу’) [Дугаров 1991: 184]. Частью этого ритуала был древний хори-бурятский танец *нэрьелгэ*. По-видимому, утратив свою сакральность, он превратился в игру-состязание.

Из описания *нэрьелгэ* выделяются два варианта: 1) некруговой танец шеренгами или «стенками» и 2) круговой танец, аналогичный *ёхору* [Дашиева 2005: 47].

В одном из ранних письменных источников, в статье «Игры и увеселения агинских бурят», С.-Д. Шагдарон и Б.-Д. Очиров впервые дали описание *нэрьелгэ* [Шагдарон, Очиров 1909: 465–482]. По их сведениям, «в игре *нырхэлгэ* (*ныргэлгэ*) [курсив мой. — Л. Д.] присутствующие делятся на две партии, строятся в шеренгу друг против друга, образуя две сплошные стены. Покачиваясь в такт с боку на бок, одна из партий запекает песню. Ей отвечает другая партия своей песней, и тоже покачиваясь. Затем первая заводит другую песню, вторая отвечает также особой песней. Таким образом, обе партии обмениваются песнями» [Шагдарон, Очиров 1909: 468], причем исследователи отмечают, что «круговое гулянье и *нырхэлгэ* (*ныргэлгэ*) [курсив мой. — Л. Д.] продолжаются иногда до поздней ночи, а то и до рассвета» [Шагдарон, Очиров 1909: 468]. Подчеркнем, что уже в начале XX в. *нэрьелгэ* зафиксирован как игра-состязание, во время которого происходил обмен песнями *дуу андалдаха* (‘обмениваться песнями’). По-видимому, такая игра типологически была близка песенным турнирам [Дашиева 2005: 46].

В осмыслении сакрального содержания *нэрьелгэ* большое значение имеет анализ поэтического текста, выявляющий семантическую связь с мифологией и религией ранних кочевников:

*Нэрье, нэрье, нэрьезл бэри, һөө!
Айэ, һөө! Нэрье, нэрье, нэрье бэри!
Нарһан модонхой орой дээхэнүүр,
Наратал тэнгэрийн оёор доохонуур.
Нэрье, нэрье, нэрьезл бэри, һөө!
Айэ, һөө! Нэрье, нэрье, нэрье бэри!*

Греми, греми, ещё пуше греми, эй!
Айэ, эй! Греми, греми, греми же пуше!
Над вершинами леса соснового,
Под дном неба солнечного.
Греми, греми, ещё пуше греми, эй!
Айэ, эй! Греми, греми, греми же пуше!
[Дугаров 1964: 67–70]

Подлинное значение поэтического текста песни «*Нарһан модонхой орой дээхэнүүр*» («Над вершинами деревьев сосновых») давно уже утрачено, но необходимо подчеркнуть, что во многих образцах *нэрьелгын дуунууд* присутствует устойчивое закликательное слово *нэрье* (‘греми’), обращенное к богу-громовержцу Айа. В выражении «дно неба» (*тэнгэрийн оёор*) отражается древнейшее мифологическое представление предков бурят, для которых небо мыслилось огромным, бескрайним пространством, имеющим крышу и дно [Дугаров, Куницын 1997: 378].

Интонация припева «*Нэрье, нэрье, нэрьеэл бэри һөө!*» основана на квартовых скачках призывного характера ($h - e, a - d$). Очевидно, это и есть обращение к богу-громовеержцу Айа. Четкая ритмоформула подчеркивает согласованность движений участников древнего танца *нэрьелгэ*. Кроме того, одним из традиционных элементов бурятской интонации является нисходящий заключительный мелодический оборот в объеме кварты ($d - h - a$) [Дашиева 2005: 49].

Одним из вариантов *нэрьелгэ* является круговой танец или хоровод, напоминающий один из самых популярных и любимых бурятских танцев *ёхор* (*ёохор*), исследованию которого посвящена монография автора «Бурятский круговой танец *ёхор*: историко-этнографический, ладовый, ритмический аспекты» [Дашиева 2009a]. Еще в начале XX в. в рукописи агинского бурята Цыбика Онгодова (1831–1910) присутствует одно из первых упоминаний о хороводе хори-бурят. Он пишет: «Хоровод составляется из смешанного круга больших и малых, без различия пола и порядка. Все молодые (потому что старики в плясках и хороводах не участвуют) поют хороводные песни, покачиваясь с боку на бок всем хороводом» (цит. по: [Дугаров 1991: 183]). Очевидно, хори-бурятский *нэрьелгэ* в форме круга имел генетическую связь с круговым западнобурятским танцем *ёхор* (*ёохор*).

Прославление победившей в скачках лошади *мориной соло*

Другим жанром традиционной музыкальной культуры восточных хори-бурят является прославление победившей в скачках лошади *мориной соло* (*морин* — ‘лошадь’, *соло* — ‘слава, известность; хвалебная песнь, ода, воспевание, прославление’) [Шагдаров, Черемисов 2008: 178].

В аудиоколлекции П. Б. Балданжапова зафиксированы три образца *мориной соло*, записанные в Ононском районе Агинского Бурятского автономного округа Читинской области от Галсанжамсо Тыхеева и Дугдана Бадмаева. Эти образцы отличаются устойчивым поэтическим текстом, в котором восхваляются внешние черты и лучшие качества победившей лошади: сила, ловкость, быстрота, смелость и др. [Магтаал, үрээл, соло 1993: 66–74].

Интерес представляет ранний текст *мориной соло*, записанный у монголов и переведенный на русский язык миссионером Яковом Чистохиним. Текст *мориной соло* был опубликован в 1894 г. в Известиях Восточно-Сибирского отдела ИРГО (Императорского Русского Географического общества) [Чистохин 1894: 139–140]:

«О, счастливейший юноша, который сидел на этом коне!
Где привязывал его, там лусуты усмирялись.
Ноздри этого коня подобны раковине «дун».
Прекрасные его глаза подобны подзорной трубе,
Зубы его подобны жесткому серебру *Хас*,
Уши его небольшие, тонкие, правильные и красивые,
Язык его подобен круглому серебру Голяру.
Как загривок, так и бедра его полны и жирны.
Мышцы и жилы его все в совершенстве,
Шея его крута, все же его ребра соединены друг с другом.
Позвоночный его хребет сросшийся (без позвонков).
Спина его подобна спине павлина.

Величина его подобна величине изюбра и других больших зверей!
 Грива его не густа и красива,
 Осанка же его картинна.
 Когда пробегает большие степи, прибавляет попрыску,
 А если пробежит еще, то прибавит ускоку и делается ретивее.
 Бесконечные и скорые степи бежит подобно одному шагу.
 Во время бега рассматривает он дальнейших небожителей.
 Из пернатых белая лебедь не догонит его полетом.
 Из четвероногих дикие лошади (хуланы) прытью своею не задавят его.
 Пред полным собранием пира, перед распространенною великою верою
 Сделался известным Зангея Падары (чиновник округа).
 Ясный Дари, молодой Шанхар, лысый хая, шумный ястреб, суровая пуля,
 Вынеженный и выхолненный бегун, от которого держу в руках золотой
 Повод, которому приношу серебряную хвалу» [Чистохин 1894: 139–140].

Анализ вербального текста *мориной соло* позволяет подчеркнуть высокопарный одический стиль в описании внешних физических параметров победившей в скачках лошади. Например, ее зубы и язык сравниваются с серебром, ноздри — с морской раковиной, глаза — с подзорной трубой, спина — с павлином, размеры — с изюбром и т. п. При прославлении лошади восхваляются ее сила, выносливость, скорость, внешняя красота и другие качества, обеспечившие лидерство и победу. Кроме того, большое значение имеет мелодическое строение *мориной соло*, для которого характерен речитативный склад.

Из необрядовой жанровой сферы аудиоколлекции П. Б. Балданжапова были рассмотрены песни кольца *бэһэлигэй дуунууд* и, как было указано выше, улигеры [Дашиева 2014: 65–76].

Заключение

Анализ семантики поэтических текстов и музыкальных интонаций *нэрьелгын дуунууд* и *мориной соло* позволяет отнести эти жанры к раннефольклорному пласту традиционной музыкальной культуры восточных хори-бурят. В дальнейшем необходимо продолжить изучение фольклорных произведений необрядовой традиционной музыки хори-бурят из коллекции П. Б. Балданжапова, а также выполнить нотирование образцов *мориной соло* с их последующим музыкальным анализом и публикацией. Кроме того, одним из перспективных направлений исследования может стать реконструкция этих редких и уникальных жанров обрядовой музыки хори-бурят в контексте сравнительно-исторического изучения культурных традиций тюрко-монгольских народов.

Литература

- Балданжапов 1961 — Балданжапов П. Б. Агын ульгэрнууд (= Агинские улигеры) / запись, подг. к публ., вст. ст. и обработка П. Б. Балданжапова. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1961. 127 с. (На бур. яз.)
- Дашиева 2005 — Дашиева Л. Д. Традиционная музыкальная культура бурят: учебно-методическое пособие. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2005. 188 с.
- Дашиева 2009а — Дашиева Л. Д. Бурятский круговой танец ёхор: историко-этнографический, ладовый, ритмический аспекты. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 210 с.

**Материалы IV Международного семинара «Письменное наследие
и актуальные проблемы истории и культуры монгольских народов»,
посвященного 100-летию со дня рождения Пурбо Балдановича Балданжапова**

- Дашиева 2009б — *Дашиева Л. Д.* Улигеры хори-бурят // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 322. С. 72–74.
- Дашиева 2014 — *Дашиева Л. Д.* Материалы П. Б. Балданжапова как источник изучения песенной традиции хори-бурят // Культура Центральной Азии: письменные источники. Вып. 8. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. С. 65–76.
- Дашиева 2017 — *Дашиева Л. Д.* Обрядовая песенная традиция западных бурят. Иркутск: Оттиск, 2017. 448 с.
- Дугаров 1964 — *Дугаров Д. С.* Бурятские народные песни. Песни хори-бурят. Улан-Удэ: БКНИИ СО АН СССР, 1964. 443 с.
- Дугаров, Куницын 1997 — *Дугаров Д. С., Куницын О. И.* Буряты // Музыкальная культура Сибири: в 3-х т. Т. 1. Кн. 1. Новосибирск: НГК, 1997. С. 336–404.
- Дугаров 1991 — *Дугаров Д. С.* Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят). М.: Наука, 1991. 300 с.
- Магтаал, үрээл, соло 1993 — Магтаал, үрээл, соло / сост. С. Д. Бабуев. Улаан-Үдэ: Бурядай номой хэблэл, 1993. 80 с. (На бур. яз.)
- Нумаа 2003 — *Нумаа А. А.* Буряад-монгол арадай дуунууд. Улан-Удэ: Буряад үнэн, 2003. 320 с. (На бур. яз.)
- Черемисов 1973 — *Черемисов К. М.* Бурятско-русский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1973. 804 с.
- Чистохин 1894 — *Чистохин Я.* Хвалебная песнь монголов первой прибежавшей лошади на хурале // Известия Восточно-Сибирского отдела ИРГО. Иркутск, 1894. Т. XXV. №№ 2–3. С. 139–140.
- Шагдаров, Черемисов 2006 — *Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М.* Бурятско-русский словарь. В 2 т. Т. 1. Улан-Удэ: Респ. тип., 2006. 636 с.
- Шагдаров, Черемисов 2008 — *Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М.* Бурятско-русский словарь. В 2 т. Т. 2. Улан-Удэ: Респ. тип., 2008. 708 с.
- Шагдарон, Очиров 1909 — *Шагдарон С.-Д., Очиров Б.-Д.* Игры и увеселения агинских бурят // Сборник в честь 70-летия Г. Н. Потанина. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1909. С. 465–482.

References

- Babuev S. D. (comp.) Magtaal, Üreel, Solo. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1993. 80 p. (In Bur.)
- Baldanzhapov P. B. Uligers of Aga Buryats. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1961. 127 p. (In Bur. and Russ.)
- Cheremisov K. M. Buryat-Russian Dictionary. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1973. 804 p. (In Bur. and Russ.)
- Chistokhin Ya. Mongolian glorifying song for a horse to win the Khural race. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela IRGO*. 1894. Vol. XXV. No. 2–3. Pp. 139–140. (In Russ.)
- Dashieva L. D. Buryat Traditional Music Culture. Coursebook Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2005. 188 p. (In Russ.)
- Dashieva L. D. Exploring the Khorі Buryat song tradition: Materials collected by P. Baldanzhapov. In: Culture of Central Asia. Written Sources. Collected papers. Vol. 8. 2014. Pp. 65–76. (In Russ.)
- Dashieva L. D. Uligers of Khorі Buryats. *Tomsk State University Journal*. 2009. No. 322. Pp. 72–74. (In Russ.)
- Dashieva L. D. Western Buryats: The Ritual Song Tradition Reviewed. Irkutsk: Ottisk, 2017. 448 p. (In Russ.)
- Dashieva L. D. Yohor Circle Dance of the Buryats: Historical, Ethnographic, Modal, and Rhythmic Aspects. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2009. 210 p. (In Russ.)

- Dugarov D. S. Buryat Folk Songs: Songs of Khori Buryats. Ulan-Ude: Buryat Comprehensive Research Institute (SB USSR Acad. of Sc.), 1964. 443 p. (In Russ.)
- Dugarov D. S. Historical Roots of White Shamanism: A Case Study of Buryat Ritual Folklore. Moscow: Nauka, 1991. 300 p. (In Russ.)
- Dugarov D. S., Kunitsyn O. I. Buryats. In: Music Culture of Siberia. In 3 vols. Vol. 1 Book 1. Novosibirsk: NGK, 1997. Pp. 336–404. (In Russ.)
- Numaa A. A. Folk Songs of Buryat Mongols. Ulan-Ude: Buryaad Ünen, 2003. 320 p. (In Bur.)
- Shagdarov S.-D., Ochirov B.-D. Games and festivities of Aga Buryats. In: Celebrating the 70th Birthday of G. N. Potanin. Collected papers. St. Petersburg: V. Kirschbaum, 1909. Pp. 465–482. (In Russ.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. Buryat-Russian Dictionary. In 2 vols. Vol. 1. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2006. 636 p. (In Bur. and Russ.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. Buryat-Russian Dictionary. In 2 vols. Vol. 2. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2008. 708 p. (In Bur. and Russ.)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94(47).084.8

DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-713-729

Безвозвратные потери военнослужащих Красной армии, призванных из Калмыцкой АССР, в период Великой Отечественной войны по данным 1 и 2-го томов Книги «Память. Санл»: статистический анализ по месту службы и гибели

Валентина Николаевна Воробьева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0000-0003-1527-7021. E-mail: valenti9708@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2021

© Воробьева В. Н., 2021

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена частичному статистическому анализу базы данных военнослужащих Красной армии, призванных из Калмыцкой АССР, погибших и пропавших без вести в Великой Отечественной войне. *Целью* настоящей статьи является статистический анализ по месту службы и гибели составленной автором базы данных жителей Калмыцкой АССР, призванных в Красную армию и оказавшихся в списках безвозвратных потерь в период войны 1941–1945 гг. *Материалы и методы.* Статья написана на основе базы данных, составленной на основе материалов из 1 и 2-го томов Книги «Память. Санл». Для реконструкции недостающих сведений по месту службы и гибели использовались архивные документы, размещенные на сайтах обобщенных банков данных «Память народа» и «Мемориал». В работе использован широкий спектр научных методов, как общенаучных, так и специально-исторических. Необходимость проведения статистического анализа обусловило активное применение статистического метода и метода экстраполяции. *Результаты.* В ходе анализа выяснилось, что два первых тома Книги «Память. Санл» содержат значительное количество неточностей в географических названиях, ошибок в номерах частей и соединений, опечатки и опечатки в датах. Несмотря на это, составленная и исправленная база данных содержит огромный массив статистических данных по месту службы и гибели интересующих нас персоналий, обработка которых дает большие возможности для формирования коллективного портрета военнослужащих Красной армии, призванных из Калмыцкой АССР, в период войны 1941–1945 гг.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Красная армия, Калмыцкая АССР, Книга памяти, база данных, статистический анализ, безвозвратные потери

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Воробьева В.Н. Безвозвратные потери военнослужащих Красной армии, призванных из Калмыцкой АССР, в период Великой Отечественной войны по данным 1 и 2-го томов Книги «Память. Санл»»: статистический анализ по месту службы и гибели // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 4. С. 713–729. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-713-729

Memory. Sanl, Vols. 1 and 2. Fatal Casualties of Soviet Military Servicemen from the Kalmyk ASSR during the Great Patriotic War: A Statistical Analysis by Places of Service and Death

*Valentina N. Vorobyova*¹

¹ IKalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Junior Research Associate

 0000-0003-1527-7021. E-mail: valenti9708@gmail.com

© KalmSC RAS, 2021

© Vorobyova V. N., 2021

Abstract. Introduction. The article provides a partial statistical analysis of the database of Red Army servicemen conscripted in the Kalmyk ASSR and later identified as KIAs, DOWs and MIAs During the Great Patriotic War. **Goals.** The article compiles a database of Red Army conscripts from the Kalmyk ASSR further categorized as ‘fatal casualties’ and attempts a statistical analysis by places of service and death. **Materials and methods.** The paper examines data borrowed from volumes 1 and 2 of the edition titled ‘Memory. Sanl’. The reconstruction of missing materials on places of service and death involved the use of archival documents available at Pamyat Naroda (People’s Memory) and OBD Memorial online databases. The author employs a wide range of scientific methods, both general scientific and historical ones. The need for statistical analysis results in the wide use of statistical and extrapolation methods. **Results.** The work shows that both the volumes contain quite a number of inaccuracies in names of geographical objects, errors in military unit numbers, clerical errors in actual dates. Nonetheless, the present compiled and corrected database contains a significant portion of statistical data on places of service and death, and further use of the latter will contribute to the research of a collective portrait of Red Army servicemen conscripted in the Kalmyk ASSR during the Great Patriotic War of 1941–1945.

Keywords: Great Patriotic War, Red Army, Kalmyk ASSR, memorial book, database, statistical analysis, fatal losses

Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. AAAA-A19-119011490038-5 ‘Sociopolitical and Cultural Development of South Russia’s Peoples: Comprehensive Studies of Respective Processes’.

For citation: Vorobyova V. N. Memory. Sanl, Vols. 1 and 2. Memory. Sanl, Vols. 1 and 2. Fatal Casualties of Soviet Military Servicemen from the Kalmyk ASSR during the Great Patriotic War: A Statistical Analysis by Places of Service and Death. *Mongolian Studies (Elista)*. 2021; 13(4): 713–729. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-713-729

Введение

Данная статья является продолжением исследования, результаты которого были опубликованы в журнале «Oriental Studies» [Воробьева 2021: 956–980].

В той работе анализ базы данных военнослужащих, призванных из Калмыцкой АССР, погибших и пропавших без вести в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., осуществлялся по году рождения, месту (району) рождения, дате и месту (военкомату) призыва. В данной статье был осуществлен анализ этой же базы данных по таким категориям, как место службы (воинское звание, номер части, соединения и объединения, в которых служили изучаемые персоналии) и место гибели (дата и регион). Обзор литературы был осуществлен в предыдущей статье [Воробьева 2021: 970–971], поэтому повторять его в данной работе мы сочли излишним. В добавление к упомянутому обзору подчеркнем, что исследования по изучаемой в данной статье тематике нашли отражение только в одной работе — монографии К. Н. Максимова [Максимов 2010: 344–346].

В ходе анализа базы данных персоналий 1 и 2-го томов Книги «Память. Санл», осуществленного в предыдущей статье, были установлены следующие показатели. В указанных томах содержались сведения о 22 912 персоналиях, из которых 1 328 оказались повторами. Кроме того, установлено, что 1 159 персоналий из 1 и 2-го томов Книги «Память. Санл» были призваны из-за пределов Калмыкии и в силу этого в наш анализ не входят. Таким образом, в итоговой базе данных, по которой и велся основной статистический анализ, значатся 20 425 персоналий.

Прежде чем приступить к работе с основной базой данных, мы в ходе анализа по дате гибели выявили 18 персоналий, погибших до 22 июня 1941 г. Судя по дате (а в некоторых случаях и месту) гибели, все они погибли в боях на Халхин-Голе, в ходе так называемого Польского похода или в финской войне. Из последующего анализа эти 18 персоналий были исключены. В результате в анализируемой нами базе данных осталось 20 407 призывников из Калмыцкой АССР.

Целью настоящей статьи является частичный анализ базы данных безвозвратных потерь участников Великой Отечественной войны, призванных из Калмыцкой АССР, извлеченных из 1 и 2-го томов Книги «Память. Санл» [Память 1995а; Память 1995б]. В данной статье статистический анализ был проведен по месту службы (воинское звание, номер части, соединения и объединения, в которых служили военнослужащие, призванные из Калмыкии, погибшие и пропавшие без вести в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.) и месту гибели (дата и регион).

Материалы исследования

Основным источником послужил аннотированный список безвозвратных потерь военнослужащих Красной армии, опубликованный в 1 и 2-м томе книги «Память. Санл». Для реконструкции недостающих сведений по месту службы и гибели использовались архивные документы, размещенные на сайтах обобщенных банков данных «Память народа» [ОБД «Память народа»] и «Мемориал» [ОБД «Мемориал»]. В работе использован широкий спектр научных методов, как общенаучных (анализ, синтез и др.), так и специально-исторических (историко-генетический, историко-сравнительный и др.). Необходимость проведения статистического анализа обусловило активное применение статистического метода и метода экстраполяции. К сожалению, не во всех записях имелась полная информация, что потребовало значительного объема работы по ее реконструкции.

Анализ изучаемых персоналий по воинскому званию

Анализ по месту службы мы начали с анализа воинских званий погибших и пропавших без вести в войне 1941–1945 гг. жителей Калмыкии. Результаты этого анализа приведены в табл. 1. Для облегчения восприятия специальные воинские звания начальствующего состава (Военно-морского флота, политического, технического, хозяйственного, административного, медицинского, юридического) унифицированы с соответствующими званиями командного состава Красной армии. В указанной таблице гвардейские звания отдельно не выделяются.

Таблица 1. Распределение военнослужащих, призванных из Калмыцкой АССР, по воинскому званию

[Table 1. Military servicemen conscripted in the Kalmyk ASSR, by military rank]

Воинское звание	Количество
Подполковник	1
Майор, интендант 2-го ранга, военврач 2-го ранга	19
Капитан, капитан-лейтенант, старший политрук, интендант 3-го ранга, военврач 3-го ранга	84
Старший лейтенант, политрук, техник-интендант 1-го ранга	199
Лейтенант, младший политрук, воентехник 2-го ранга, техник-интендант 2-го ранга, военфельдшер, младший военюрист	456
Младший лейтенант	252
Курсант	44
Старшина	139
Старший сержант	343
Сержант, старшина 1-й статьи	922
Младший сержант, старшина 2-й статьи	383
Ефрейтор, старший краснофлотец	131
Рядовой, красноармеец, казак, краснофлотец, матрос	13 288
Сандружинница	1
Партизан, подпольщик	78
Нет данных	4 067
Итого	20 407

Как видно из таблицы 1, сведения о воинских званиях имеются у более чем 80 % персоналий (16 340) основной базы данных. Абсолютное большинство из них, разумеется, являлось рядовым составом (рядовые и ефрейторы) — 82,1 %. Еще 10,8 % относились к младшему начальствующему составу (сержанты и старшины). Среди офицеров по количеству потерь выделяются лейтенанты и младшие лейтенанты, которые в большинстве своем были командирами взводов, рот и эскадронов, чаще других находились на передовой и подвергались большей опасности. Практически все партизаны, указанные в таблице, воевали в составе отрядов Астраханской группы Штаба партизанского движения и погибли на территории Калмыкии и близлежащих регионов.

Анализ изучаемых персоналий по месту службы (на фронтовом уровне)

Следующий анализ был осуществлен по месту службы персоналий в момент их гибели или пропажи без вести. При этом в ходе работы были выявлены

ошибки и неточности в номерах полков и дивизий. Например, в 1-м томе Книги «Память. Санл» был указан Макка Манжаевич Тавлеев, призванный Лаганским районным военкоматом (далее — РВК), рядовой 1095-го стрелкового полка (далее — сп) 279-й стрелковой дивизии (далее — сд) [Память 1995а: 390], но на самом деле в состав 279-й сд входил 1005-й сп. Очевидно, что это была опечатка. Во 2-м томе Книги «Память. Санл» был указан Иван Овшинович Санжеев, призванный Яшалтинским РВК, красноармеец 1081-го сп 269-й сд [Память 1995б: 371], но на самом деле в состав 269-й сд входил 1018-й сп. Поэтому пришлось провести большой объем работы по проверке соответствия номеров дивизий и входящих в них полков и их исправлению.

Ввиду недостатка места результаты «сплошного» анализа здесь приводятся только по фронтам и приравненным к ним объединениям. Поскольку в годы войны фронты неоднократно преобразовывались, расформировывались, объединялись или разъединялись, в целях экономии места сведения по ряду фронтов мы объединили, исходя из принципа преемственности, в том числе территориальной. Кроме того, в ходе работы выяснилось, что у 3 675 военнослужащих информация о месте службы и дате гибели полностью или частично отсутствует, поэтому анализ проводился только по 16 732 персоналиям. Сведения о потерях на фронтах разнесены по полугодиям. Результаты этого анализа приведены в табл. 2.

Как видно из табл. 2, в большинстве случаев (60,7 %) сведений о месте службы в момент гибели или пропажи без вести в Книге «Память. Санл» нет, либо их трудно достоверно идентифицировать с реальными частями и соединениями Красной армии, но имеется информация о дате гибели. Это дает возможность для оценки потерь наших земляков по полугодиям, но точно разложить их по фронтам невозможно.

Если же прибегнуть к экстраполяции, то можно прийти к выводу, что наибольшие потери военнослужащих из Калмыкии в 1941 г. пришлось на Южный фронт (31,9 %). Это неудивительно, так как значительная часть призывников из Калмыкии служила именно в этом объединении ввиду географической близости региона. Если проанализировать «известные» потери на уровне дивизий, то заметно выделяется количество потерь 38-й кавалерийской дивизии (22,9 %), входившей в состав Южного фронта.

В следующем полугодии количество потерь заметно возросло, так как советские войска перешли в контрнаступление. Если говорить об «известных» потерях, то теперь Юго-Западный фронт (37,2 %) первое место занимает, в составе которого сражались 38-я и 70-я кавалерийские дивизии (далее — кд). В состав последнего соединения входил 189-й Калмыцкий кавалерийский полк. На этот период пришелся Харьковский «котел», в котором обе указанные кавдивизии были уничтожены.

Летом 1942 г. вермахт начал стратегическое наступление на южном фланге, стремясь переломить ход войны в свою пользу. Начались Сталинградская битва и Битва за Кавказ, количество потерь резко возросло. Если говорить об «известных» данных, то наибольшие потери уроженцев Калмыкии во втором полугодии 1942 г. мы фиксируем на Сталинградском 1-го формирования (с сентября 1942 г. — Донском) и Юго-Восточном (с сентября 1942 г. — Сталинградском 2-го формирования) фронтах. Сумма потерь этих фронтов составляет 48,8 % от всех потерь полугодия. Этот вывод явно коррелируется с выводами авторов книги

Таблица 2. Распределение военнослужащих, призванных из Калмыцкой АССР, по фронтам
[Table 2. Military servicemen conscripted in the Kalmyk ASSR, by front army groups]

Название фронта	06-12.1941 г.	01-06.1942 г.	07-12.1942 г.	01-06.1943 г.	07-12.1943 г.	01-06.1944 г.	07-12.1944 г.	01-09.1945 г.	Итого по фронтам
КарФ (08.41–11.44)	20	15	12	9	17	7	19	–	99
СФ (06.41–08.41), ЛФ (08.41–05.45)	97	34	14	38	30	45	13	18	289
ВолхФ (12.41–02.44), 3 ПбФ (04.44–10.44)	–	5	22	27	19	11	7	–	91
СЗФ (06.41–11.43)	31	21	21	34	15	–	–	–	122
БрФ (08.41–10.43), ПбФ (10.43), 2 ПбФ (10.43–04.45), КурлГВ (04–05.45) ¹	5	27	115	107	76	49	25	24	428
КалФ (10.41–10.43), 1 ПбФ (10.43–02.45), ЗемлГВ (02.45–04.45)	7	22	61	33	38	31	56	14	262
ЗФ (06.41–04.44), 3 БФ (04.44–05.45) ²	43	21	74	36	87	38	27	52	378
2 БФ (02.44–05.45)	–	–	–	–	–	8	38	61	107

¹ В графе Брянского фронта учтены также военнослужащие Центрального фронта 1-го формирования, Резервного фронта 2-го формирования, Курского фронта, Орловского фронта.

² В графе Западного фронта учтены также военнослужащие Московской зоны обороны, Фронта резервных армий и Резервного фронта 1-го формирования.

ЮЗФ 1 ф (06.41–07.42), СтФ 1 ф (07.42–09.42), ДонФ (09.42–02.43), ЦФ 2 ф (02.43–10.43), БФ (10.43–04.44), 1 БФ (02.44–05.45) ³	40	187	477	86	135	50	60	72	1 107
ВорФ (07.42–10.43), 1 УФ (10.43–05.45)	–	–	94	43	152	84	55	100	528
СтепФ (07.43–10.43), 2 УФ (10.43–05.45) ⁴	–	–	–	–	85	86	67	34	272
ЮЗФ 2 ф (10.42–10.43), 3 УФ (10.43–05.45)	–	–	92	94	121	88	30	49	474
ЮВФ (08.42–09.42), СтФ 2 ф (09.42–12.42), ЮФ 2 ф (01.43–10.43), 4 УФ (10.43–05.45) ⁵	–	–	262	445	607	95	25	29	1 463
ЮФ 1 ф (06.41–07.42)	135	85	46	–	–	–	–	–	266
ЗакФ 1 ф (08.41–12.41), КавФ (12.41–01.42), КрымФ (01.42–05.42), СКФ 1 ф (05.42–09.42), ЗакФ 2 ф (05.42–01.43), СКФ 2 ф (01.43–11.43), ОПА (11.43–05.44)	8	61	206	116	63	–	–	–	454
ДВФ (07.40–08.45), 1 ДВФ (08.45–09.45)	1	–	–	–	1	–	1	4	7
ЗабФ (09.41–10.45)	–	–	1	–	–	1	–	–	2

³ В графе 1-го Белорусского фронта учтен также военнослужащий Группы советских оккупационных войск Германии.

⁴ В графе Степного фронта учтены также военнослужащие Степного военного округа 1-го формирования (04.43–07.43).

⁵ В графе Южного фронта учтены также военнослужащие Приморской армии, которая в этот период подчинялась ВГК.

Название фронта	06-12.1941 г.	01-06.1942 г.	07-12.1942 г.	01-06.1943 г.	07-12.1943 г.	01-06.1944 г.	07-12.1944 г.	01-09.1945 г.	Итого по фронтам
ДБА (06.41–02.42), АДД (03.42–11.43), 18 ВА (12.43–04.46)	3	–	–	–	1	1	–	–	5
Войска ПВО ⁶	–	1	–	–	2	–	–	1	4
Резерв ВГК	2	2	5	7	24	9	3	–	52
СФл (06.41–05.45)	–	–	–	–	–	1	–	–	1
КБФл (06.41–05.45)	1	–	–	–	–	2	1	1	5
ЧФл (06.41–05.45)	21	14	4	1	4	4	–	–	48
КВФл (06.41–05.45) ⁷	–	–	–	1	–	1	–	–	2
ТОФл (06.41–05.45)	–	–	–	1	–	–	–	–	1

⁶ В графе Войска ПВО учтены военнослужащие частей ПВО, входящих в Западный и Восточный фронт ПВО.

⁷ В графе Каспийской военной флотилии учтен также военнослужащий Волжской военной флотилии.

Широкаг	–	–	–	–	–	5	38	18	61
Внутренние округа	8	7	7	6	2	4	4	–	38
Остальные	–	–	1	–	–	1	1	–	3
Итого по полугодиям	422	502	1 514	1 084	1 479	621	470	477	6 569
Нет данных	1 216 (74,2 %)	1 698 (77,1 %)	1 325 (46,6 %)	2 420 (69,0 %)	1 576 (51,5 %)	864 (58,1 %)	433 (47,9 %)	631 (56,9 %)	10 163 (60,7 %)
Всего	1 638	2 200	2 839	3 504	3 055	1 485	903	1 108	16 732

Примечание к табл. 2: 1, 2, 3 БФ — соответственно 1, 2, 3-й Белорусский фронт; 1, 2, 3 ПбФ — соответственно 1, 2, 3-й Прибалтийский фронт; 1, 2, 3, 4 УФ — соответственно 1, 2, 3, 4-й Украинский фронт; АДД — Авиация дальнего действия; БрФ — Брянский фронт; БФ — Белорусский фронт; ВолхФ — Волховский фронт; ВорФ — Воронежский фронт; ДБА — дальнебомбардировочная авиация Главного командования; ДВФ — Дальневосточный фронт; ДонФ — Донской фронт, ЗабФ — Забайкальский фронт, ЗаКФ — Закавказский фронт, ЗемлГВ — Земляндская группа войск; ЗФ — Западный фронт; КавФ — Кавказский фронт; КалФ — Калининский фронт; КарФ — Карельский фронт; КБФл — Краснознаменный Балтийский флот; КВФл — Каспийская военная флотилия; КрымФ — Крымский фронт; КурлГВ — Курляндская группа войск; ЛФ — Ленинградский фронт; ОПА — Отдельная Приморская армия; ПбФ — Прибалтийский фронт; Резерв ВГК — Резерв Верховного Главнокомандования; СЗФ — Северо-Западный фронт; СКФ — Северо-Кавказский фронт; СтепФ — Степной фронт; СтФ — Сталинградский фронт; СФ — Северный фронт; СФл — Северный флот; ТОФл — Тихоокеанский флот; ЦФ — Центральный фронт; ЧФл — Черноморский флот; ЮВФ — Юго-Восточный фронт; ЮЗФ — Юго-Западный фронт; ЮФ — Южный фронт; 1 ф — 1-го формирования; 2 ф — 2-го формирования; Широкаг — Широковский исправительно-трудовой лагерь ГУЛАГ НКВД СССР.

«Уроженцы Калмыкии в Сталинградской битве» [Очиров, Ершов, Гунаев 2018: 164–165]. При анализе потерь на уровне дивизий заметно выделяются 14-я гв., 160-я и 226-я сд, 3-й гв. кавалерийский корпус (далее — кк), 110-я Калмыцкая кд. Сумма их потерь составляет 28,0 % потерь всего полугодия. Это притом, что количество потерь 110-й кд, указанное в Книге «Память. Санл», в несколько раз ниже реальных. Известно, что только в первых боях на Дону 110-я кд потеряла погибшими (без учета пропавших без вести) более 800 чел., в то время, как в первых двух томах «Санл» приведены сведения о 149 погибших и пропавших без вести из этого соединения за весь период его боев.

После разгрома немецких войск под Сталинградом советские войска начали серию стратегических наступательных операций и отбросили противника на запад. Немцы оказали активное сопротивление, упорно оборонялись, нанесли ряд чувствительных контрударов. В результате этого количество потерь наших земляков в первом полугодии 1943 г. достигло пикового значения. Если судить по «известным» потерям, наиболее высокий процент имел Южный (бывший Сталинградский 2-го формирования) фронт — 41,1 %. Следует заметить, что в его составе воевали 34-я гв., 248-я сд и другие соединения, которые сражались на территории Калмыкии и были частично пополнены за счет ее населения.

Летом 1943 г. разгорелась битва на Курской дуге, ознаменовавшая завершение коренного перелома в Великой Отечественной войне. После нее советские войска перешли в стратегическое наступление, освободили большую часть Украины и ряд оккупированных областей РСФСР. Неудивительно, что в этот период показатель потерь наших земляков, погибших и пропавших без вести, стал вторым по величине среди потерь по полугодиям. По-прежнему наибольшие потери среди воинов из Калмыкии были на Южном фронте — 41,0 %.

В 1944 г. советские войска вели безостановочное наступление на запад, нанеся противнику серьезные поражения на всех фронтах. Сопротивление врага стало слабеть, уровень наших потерь заметно снизился. Среди «известных» потерь наибольшие показатели в первом и втором полугодии 1944 г. оказались у 2-го Украинского фронта — 13,8 % и 14,2 % соответственно. Цифры свидетельствуют о том, что в 1944 г. численность военнослужащих из Калмыкии уменьшилась (особенно во 2-м полугодии), а их распределение по фронтам стало более равномерным. Это стало следствием как переброски войск с южного направления на другие фронты (28-я армия перешла на 1-й Белорусский фронт, 51-я армия — на 1-й Прибалтийский), так и массового снятия калмыков из Действующей армии.

В 1945 г. наибольшие потери наших земляков пришлось на 1-й Украинский и 1-й Белорусский фронты — 20,9 % и 15,0 % соответственно. Это вполне объяснимо, поскольку упомянутые объединения в 1945 г. находились на направлении главного удара и осуществили Висло-Одерскую и Берлинскую операции, сыгравшие ключевую роль в разгроме врага в Великой Отечественной войне. Указанные данные вполне коррелируются с данными монографии К. Н. Максимова о распределении призванных из Калмыкии по фронтам в 1945 г. [Максимов 2010: 345–346] и статьи У. Б. Очирова о калмыках-кавалерах ордена Славы [Очиров 2016: 235].

Анализ изучаемых персоналий по месту службы (на уровне армий и дивизий)

Анализ распределения изучаемых персоналий по армиям показал, что они сражались и погибали в составе 98 армий, в том числе 83 общевойсковых

(из 87), включая все 11 гвардейских и 5 ударных, а также в 1-й армии Войска Польского. Проще сказать, в каких общевойсковых армиях не погибали воины из Калмыкии: в 1, 2, 15-й и 17-й (Дальневосточный и Забайкальский фронты). Эти армии вступили в бой лишь в августе 1945 г. против японцев, но к тому времени Калмыкия была упразднена и исключена из военно-статистического учета, что и стало причиной слабого отражения участия наших земляков в этом конфликте. Также наши земляки погибали в составе всех 6 танковых армий, 8 (из 16) воздушных армий, 10 стрелковых (в том числе 5 гвардейских), 8 кавалерийских (в том числе 5 гвардейских), 6 механизированных (в том числе 4 гвардейских), 10 танковых (в том числе 3 гвардейских) корпусах фронтового подчинения. Таким образом, мы можем говорить о том, что военнослужащие из Калмыкии в период Великой Отечественной войны сражались практически во всех объединениях сухопутных войск Действующей армии.

Наибольшее представительство «известных» потерь уроженцев Калмыкии было в 28-й (616 чел.), 21-й (388 чел.), 51-й (305 чел.), 5-й ударной (222 чел.) армиях. Следует подчеркнуть, что 28-я и 51-я армия вели бои на территории Калмыкии и частично комплектовались за счет местного населения. Весной 1943 г. 34-я гв. и 127-я сд перешли из 28-й армии в состав 5-й ударной армии и понесли в ее составе значительные потери, что и нашло отражение в статистике. В состав 21-й армии Юго-Западного фронта летом 1942 г. входила 226-я сд, которая была доукомплектована большим контингентом бывших военнослужащих 110-й и 111-й Калмыцких кд. Во время операции «Блау» это соединение попало под удар панцерваффе и понесло большие потери. В ходе Сталинградской битвы в оперативном подчинении 21-й армии был также и 3-й гв. кк, в котором также служило немало наших земляков из 110-й и 111-й кд, что нашло свое отражение в статистике потерь.

Анализ распределения изучаемых персоналий по соединениям показал, что наибольшее представительство потерь наших земляков было: в 248-й сд (225 чел.), 34-й гв. сд (155 чел.), 226-й сд (129 чел.), 130-й сд (89 чел.), 14-й гв. сд (77 чел.), 160-й сд (63 чел.), 3-м гв. кк (190 чел.), 4-м гв. Кубанском кк (107 чел.), 5-м гв. Донском кк (36 чел.), 110-й кд (149 чел.), 38-й кд (118 чел.). Как уже упоминалось выше, 34-я гв. и 248-я сд сражались на территории Калмыкии и частично пополнялись за счет ее населения. То же самое можно сказать о дивизиях, которые были сформированы в 1943 г. на базе стрелковых бригад (далее — сбр) 28-й армии: 118-й сд (из 152-й сбр), 127-й сд (из 52-й и 98-й сбр), 130-й сд (из 156-й и 159-й сбр). При этом 159-я бригада была сформирована осенью 1942 г. в составе 28-й армии с участием призывников из Калмыкии, а 52-я и 152-я сбр понесли тяжелые потери в боях на территории Калмыкии и частично пополнялись за счет населения Калмыкии. Большое представительство наших земляков в 4-м и 5-м гв. кк объясняется их доукомплектованием за счет различных частей 110-й Калмыцкой кд. Как уже упоминалось выше, при расформировании 111-й Калмыцкой кд большие группы солдат из состава 110-й и 111-й кд были направлены в 3-й гв. кк, 160-ю и 226-ю сд [Очиров, За-ярный 2018: 150]. Кроме того, большие контингенты наших земляков в 1941 г. попали в состав вновь формируемой 38-й кд, в 1942 г. — в состав 14-й гв. сд, восстанавливаемой после тяжелого отступления.

Анализ изучаемых персоналий по региону гибели или пропажи без вести

Следующий анализ был осуществлен по месту гибели военнослужащих, призванных из Калмыцкой АССР. Ввиду недостатка места анализ осуществлен лишь на уровне регионов СССР (за рубежом — по странам). В изданных томах

оказалось значительное количество неточностей, ошибок и разночтений, одновременно встречались устаревшие и современные географические наименования. Некоторые регионы военного времени сегодня уже не существуют (например, Нижнеамурская область), а некоторые современные регионы в годы войны входили в состав другого региона (например, Новгородская и Псковская области были образованы в 1944 г. из части Ленинградской и Псковской областей), границы некоторых регионов не совпадают (например, Орджоникидзевский край военного времени включал в себя современную территорию Ставропольского края, северную часть Дагестанской АССР и некоторые районы близлежащих регионов). Все это затрудняет машинную обработку информационных баз данных и искажает результаты статистического анализа. Поэтому в работе пришлось использовать административно-территориальное деление СССР на строго определенную дату – 22 июня 1941 г. К сожалению, сведения о месте убыли имелись лишь у 7 100 персоналий из основной базы данных (34,7 %). Эти персоналии мы разделили на три категории по географическому принципу: на территории РСФСР, на территории союзных республик, на территории зарубежных стран.

Результаты анализа по месту гибели и пропажи без вести наших земляков в регионах РСФСР приведены в табл. 3. Для удобства восприятия регионы условно сгруппированы по современным федеральным округам.

Таблица 3. Распределение военнослужащих, призванных из Калмыцкой АССР, по месту гибели в регионах РСФСР

[Table 3. Military servicemen conscripted in the Kalmyk ASSR, by place of death in regions of the RSFSR]

Регионы	Количество
Регионы Северо-Западного федерального округа	410
Ленинградская обл.	324
Мурманская обл.	38
Карело-Финская ССР	37
Остальные	11
Регионы Центрального федерального округа	1 136
Орловская обл.	245
Курская обл.	210
Воронежская обл.	204
Смоленская обл.	203
Калининская обл.	181
Остальные	93
Регионы Южного федерального округа	2 304
Сталинградская обл.	734
Ростовская обл.	714
Калмыцкая АССР	395
Краснодарский край	258
Крымская АССР	201
Адыгейская АО	2

Регионы Северо-Кавказского федерального округа	127
Орджоникидзевский край	74
Северо-Осетинская АССР	21
Остальные	32
Регионы Приволжского федерального округа	150
Молотовская обл.	83
Саратовская обл.	26
Остальные	41
Регионы Уральского федерального округа	9
Челябинская обл.	5
Свердловская обл.	4
Регионы Сибирского федерального округа	29
Омская обл.	14
Новосибирская обл.	12
Остальные	3
Регионы Дальневосточного федерального округа	13
Приморский край	11
Остальные	2
Остальные регионы	2
Итого	4 180

Как видно из таблицы 3, военнослужащие из Калмыкии погибали практически на всей территории страны: от Балтики до Тихого океана. Абсолютное большинство погибших и пропавших без вести сконцентрировано в регионах нынешнего Южного федерального округа: прежде всего, на территории Сталинградской, Ростовской областей и Калмыцкой АССР — 44,0 %. Эти данные явно коррелируются с вышеприведенными сведениями о распределении потерь по фронтам в 1942–1943 гг., по армиям и по дивизиям, а также данными из исторической литературы [Очилов, Ершов, Гунаев 2018: 164–165]. Среди остальных регионов заметно выделяется Ленинградская область — 7,5 %, что свидетельствует об активном участии наших земляков в Ленинградской битве. Некоторое недоумение вызывают факты гибели наших земляков, погибших в регионах, где не было боевых действий. Если говорить о Молотовской области, то в большинстве случаев — это ширококлаговцы: калмыки-военнослужащие, снятые с фронта после ликвидации республики¹ и направленные в строительные батальоны Широковского лагеря ГУЛАГ НКВД СССР [Очилов, Воробьева 2020: 330–357]. В остальных регионах — это в большинстве своем наши земляки, умершие от ран.

Результаты анализа по месту гибели и пропажи без вести наших земляков в регионах бывших союзных республик приведены в табл. 4.

¹ Калмыцкая АССР была ликвидирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 г. «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР». Калмыцкий народ был выслан на спецпоселение в восточные регионы СССР. Восстановление автономии Калмыкии произошло лишь через 13 лет по указу Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 г. «Об образовании Калмыцкой автономной области в составе РСФСР».

Таблица 4. Распределение военнослужащих, призванных из Калмыцкой АССР, по месту гибели в регионах союзных республик
 [Table 4. Military servicemen conscripted in the Kalmyk ASSR, by place of death in regions of other Soviet republics]

Название региона	Количество
Азербайджанская ССР	9
Армянская ССР	1
Белорусская ССР	356
Витебская обл.	102
Гомельская обл.	58
Полесская обл.	48
Брестская обл.	44
Грузинская ССР	9
Казахская ССР	14
Мангышлакская обл.	8
Прибалтика	172
Латвийская ССР	89
Литовская ССР	48
Эстонская ССР	33
Молдавская ССР	31
Туркменская ССР	1
Узбекская ССР	3
Украинская ССР	1 589
Харьковская обл.	247
Сталинская обл.	226
Запорожская обл.	218
Ворошиловградская обл.	165
Днепропетровская обл.	114
Каменец-Подольская	92
Остальные	1
Итого	2 186

Согласно таблице 4, наибольшее количество военнослужащих, призванных из Калмыцкой АССР, погибло или пропало без вести на территории Украины — 73 % от общего числа «известных» потерь на территориях союзных республик. Среди украинских регионов по уровню потерь заметно выделяются такие области, как Харьковская, Сталинская, Запорожская и Ворошиловградская. На территориях последних трех регионов вели бои 28-я, 51-я и 5-я ударная армии, которые, как указывалось выше, имели в своем составе крупные контингенты наших земляков. Что касается Харьковской области, то здесь лепту внес и Харьковский «котел» в мае 1942 г., и тяжелые бои зимой 1943 г. в ходе операции «Скачок», и попытки прорыва укрепленных линий противника в ходе Изюм-Барвенковской операции летом 1943 г.

Результаты анализа по месту гибели и пропажи без вести наших земляков за рубежом приведены в табл. 5.

Таблица 5. Распределение военнослужащих, призванных из Калмыцкой АССР, по месту гибели в зарубежных странах

[Table 5. Military servicemen conscripted in the Kalmyk ASSR, by place of death in foreign countries]

Название региона	Количество
Западная Европа	528
Германия	281
Польша	229
Австрия	16
Остальное	2
Венгрия	126
Чехословакия	39
Румыния	29
МНР	3
Югославия	3
КНР	2
Болгария	1
Финляндия	1
Япония	1
Остальное	1
Итого	734

Как видно из таблицы 5, 69,5 % военнослужащих погибли в Германии и Польше. Именно на этой территории разгорелись основные сражения завершающего этапа войны. Из других стран Европы выделяется Венгрия, на территории которой вели бои 5-й гв. Донской кк и 34-я гв. сд.

Анализ изучаемых персоналий по категориям безвозвратных потерь

Наконец, последний анализ был осуществлен по определению конкретной категории безвозвратных потерь. Все данные мы объединили в три категории: убитые, пропавшие без вести, умершие от ран и болезней. Эти данные указаны почти у всех персоналий в основной базе данных, но у 13 персоналий эти данные отсутствуют. Кроме того, лишь у 82,0 % приведены хоть какие-то сведения о времени гибели.

Таблица 6. Распределение военнослужащих, призванных из Калмыцкой АССР, по дате гибели и пропажи без вести

[Table 6. Military servicemen conscripted in the Kalmyk ASSR, by date of death and missing]

Год	Убитые	Пропавшие без вести	Умершие от ран и болезней	Всего безвозвратных потерь
1941	482 (29,4 %)	1 079 (65,8 %)	77 (4,7 %)	1 638
1942	2 146 (41,8 %)	2 719 (52,9 %)	268 (5,2 %)	5 133
1943	2 936 (45,3 %)	2 994 (46,2 %)	547 (8,4 %)	6 477

1944	1 155 (48,3 %)	829 (34,7 %)	404 (16,9 %)	2 388
1945	549 (50,5 %)	335 (30,8%)	201 (18,5 %)	1 085
1946	5 (21,7 %)	7 (30,4 %)	11 (47,8 %)	23
Общие итоги	7 273 (43,4 %)	7 963 (47,5 %)	1 508 (9,0 %)	16 744
Дата неизвестна	428 (11,7 %)	3 175 (86,9 %)	47 (1,2 %)	3 650
Всего	7 701 (37,7 %)	11 138 (54,6 %)	1 555 (7,6 %)	20 394

Как видно из таблицы 6, наибольшая часть военнослужащих, призванных из Калмыкии и у которых известен хотя бы год потери, относится к категориям убитых и пропавших без вести — 43,4 % и 47,5 % соответственно. При этом сведения о дате пропажи без вести отсутствуют почти у 3,2 тыс. персоналий. Самый крупный процент потерь пришелся на 1943 г., что явно коррелируется с вышеприведенной структурой «известных» потерь по фронтам. Если же проанализировать структуру потерь по годам, то видно, что в 1941 г. преобладали «пропавшие без вести» (почти две трети в общей структуре потерь), что объясняется быстрым продвижением противника и многочисленными «котлами», в которых оказалась большая часть наших войск. В последующие годы доля «пропавших без вести» начинает сокращаться и уже в 1944 г. уступает категории «убитые». Что касается погибших в 1946 г., то в большинстве случаев это раненые, лечение которых затянулось, или пропавшие без вести, чей статус был определен с запозданием (в основном, по запросам от калмыков из сибирских регионов). По пятерым убитым в 1946 г. у нас слишком мало информации для анализа. Здесь нельзя исключать как ошибки в дате, так и смерти в госпитале.

Заключение

В ходе частичного статистического анализа списка безвозвратных потерь, извлеченного из 1 и 2-го томов Книги «Память. Санл», военнослужащих Красной Армии, призванных из Калмыцкой АССР, выяснилось, что, несмотря на наличие большого количества неточностей в географических названиях, ошибок в номерах частей и соединений, опечатки и опечатки в датах, составленная и исправленная база данных содержит огромный массив статистических данных по месту службы и гибели интересующих нас персоналий, обработка которых дает большие возможности для формирования коллективного портрета военнослужащих Красной армии, призванных из Калмыцкой АССР, в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Источники

- Память 1995а — Память. Санл. Т. I. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 416 с.
 Память 1995б — Память. Санл. Т. II. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 442 с.
 ОБД «Память народа» — ОБД «Память народа» [электронный ресурс] // URL: <https://pamyat-naroda.ru/> (дата обращения 02.09.2021).
 ОБД «Мемориал» — ОБД «Память народа» [электронный ресурс] // URL: <https://obd-memorial.ru/html/> (дата обращения 02.09.2021).

Sources

- Memorial Online Database. Available at: <https://obd-memorial.ru/html/> (accessed: September 2, 2021). (In Russ.)
- Pamyat Naroda (People's Memory) Online Database. Available at: <https://pamyat-naroda.ru/> (accessed: September 2, 2021). (In Russ.)
- K. Maksimov et al. (eds.). Memory. Sanl. Vol. I. Elista: Kalmykia Book Publ., 1995. 416 p. (In Russ.)
- K. Maksimov et al. (eds.). Memory. Sanl. Vol. II. Elista: Kalmykia Book Publ., 1995. 442 p. (In Russ.)

Литература

- Воробьева 2021 — *Воробьева В. Н.* Безвозвратные потери военнослужащих Красной армии, призванных из Калмыцкой АССР, в период Великой Отечественной войны по данным 1 и 2-го томов Книги «Память. Санл»: статистический анализ по времени, месту рождения и призыва // *Oriental Studies*. 2021. № 5. Т. 14. С. 956–980. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-956–980
- Максимов 2010 — *Максимов К. Н.* Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М.: Наука, 2010. 406 с.
- Очиров 2016 — *Ochirov U. B.* Database of the Kalmyk Cavaliers of the Order of Glory: Compilation Experience and Statistical Analysis // *Russkaya Starina*. 2016. Vol. (19). Is. 3. P. 218–239.
- Очиров, Воробьева 2020 — *Очиров У. Б., Воробьева В. Н.* Калмыки – военнослужащие Красной армии в Широклаге: статистическое исследование // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 2. С. 330–357. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-48-2-330–357
- Очиров, Ершов, Гунаев 2018 — *Очиров У. Б., Ершов С. Г., Гунаев Е. А.* Уроженцы Калмыкии – участники Сталинградской битвы. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 501 с.
- Очиров, Заярный 2018 — *Очиров У. Б., Заярный С. А.* Клятве остались верны: история формирования и боевого пути 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. Т. 1. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 520 с.

References

- Maksimov K. N. The Great Patriotic War: Kalmykia and Kalmyks. Moscow: Nauka, 2010. 406 p. (In Russ.)
- Ochirov U. B. Database of the Kalmyk cavaliers of the Order of Glory: Compilation experience and statistical analysis. *Russkaya Starina*. 2016. Vol. (19). No. 3. Pp. 218–239. (In Eng.)
- Ochirov U. B., Vorobyova V. N. Kalmyk Red Army soldiers in Shirokovsky Forced Labor Camp: A statistical survey. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 2. Pp. 330–357. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2020-48-2-330–357
- Ochirov U. B., Yershov S. G., Gunaev E. A. Natives of Kalmykia in the Battle of Stalingrad. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2018. 501 p. (In Russ.)
- Ochirov U. B., Zayarny S. A. Remained Faithful to the Oath of Allegiance: Formation and Combat Path of the 110th Kalmyk Cavalry Division Reviewed. Vol. 1. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2018. 520 p. (In Russ.)
- Vorobyova V. N. Memory. Sanl, vols. 1 and 2. WWII fatal casualties of Soviet military servicemen from the Kalmyk ASSR: A statistical analysis by time, places of birth and conscription. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 5. Pp. 956–980. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-956–980

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК / UDC 94(47)

DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-730-743

Документы по истории отправления калмыцкого владельца Дондук-Даши в Санкт-Петербург в 1737 г. (по материалам Национального архива Республики Калмыкия)

Нарма Арслангович Каманджаев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

аспирант, младший научный сотрудник

 0000-0002-2012-0312. E-mail: narmakam@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2021

© Каманджаев Н. А., 2021

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена описанию отправки калмыцкого владельца Дондук-Даши в Санкт-Петербург осенью 1737 г., а также вводит в научный оборот источники, касающиеся данной отправки. *Материалы.* Исследованные архивные материалы принадлежат фонду И-36 «Состоящий при калмыцких делах при Астраханском губернаторе» Национального архива Республики Калмыкия и представляют собой разнообразные источники делопроизводственного характера. *Результаты.* Приведено 10 документов, с видовой точки зрения подразделяющихся на указы, донесения, рапорты, ордера, подорожные и инструкцию, которые были выпущены различными инстанциями и должностными лицами. *Выводы.* В фонде И-36 «Состоящий при калмыцких делах при Астраханском губернаторе» Национального архива Республики Калмыкия имеется информация касательно предыстории отправки Дондук-Даши и лишь части его пути до Санкт-Петербурга. Освещенный нами этап этого процесса длился с 6 октября по 2 ноября 1737 г. За этот период Дондук-Даши и его свита проплыли и проехали из Астрахани до Новохоперской крепости через такие населенные пункты, как Черный Яр, Поповицкая станция, Царицын, Ловлинская станица. Данный этап доставки Дондук-Даши из Астрахани до Санкт-Петербурга вовлек более сотни российских военных и чиновников. **Ключевые слова:** Калмыцкое ханство, Дондук-Даши, Дондук-Омбо, отправление, документы

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Каманджаев Н. А. Документы по истории отправления калмыцкого владельца Дондук-Даши в Санкт-Петербург в 1737 г. (по материалам Национального архива Республики Калмыкия) // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 4. С. 730–743. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-730-743

The 1737 Dispatch of Kalmyk Prince Donduk-Dashi to St. Petersburg: A Case Study of Historical Documents from the National Archive of Kalmykia

Narma A. Kamandzhaev¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Postgraduate Student, Junior Research Associate

 0000-0002-2012-0312. E-mail: narmakam@gmail.com

© KalmSC RAS, 2021

© Kamandzhaev N. A., 2021

Abstract. *Introduction.* The article describes the dispatch of Kalmyk Prince Donduk-Dashi to St. Petersburg in the fall of 1737. It also publishes documents on this event housed by the National Archive of the Republic of Kalmykia. *Materials.* The examined archival materials are mostly clerical papers contained in Collection И-36 ‘Executive Attached to Kalmyk Affairs Commission under Astrakhan Governor. *Results.* The work introduces complete texts of 10 documents subdivided into decrees, reports, orders, road documents and instructions issued by various authorities and officials. *Conclusions.* The mentioned collection contains information regarding the backgrounds of Donduk-Dashi’s dispatch, and covers only a part of the journey to St. Petersburg. The described stage lasted from October 6 to November 2, 1737. During this period, Donduk-Dashi and his retinue sailed and drove from Astrakhan to the Novokhoperskaya fortress through such settlements as Cherny Yar, Popovitskaya station, Tsaritsyn, and Lovlinskaya stanitsa. This stage of the delivery of Donduk-Dashi from Astrakhan to St. Petersburg involved over a hundred Russian military and civil officers.

Keywords: Kalmyk Khanate, Donduk-Dashi, Donduk-Ombo, departure, documents

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. AAAA-A19-119011490038-5 ‘Sociopolitical and Cultural Development of South Russia’s Peoples: Comprehensive Studies of Respective Processes’.

For citation: Kamandzhaev N. A. The 1737 Dispatch of Kalmyk Prince Donduk-Dashi to St. Petersburg: A Case Study of Historical Documents from the National Archive of Kalmykia. *Mongolian Studies (Elista)*. 2021; 13(4): 730–743. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-730-743

Введение

В последние годы особенно активизировалась деятельность исследователей по введению в научный оборот источников по истории Калмыцкого ханства [Тепкеев 2016; Тепкеев 2017а; Тепкеев 2017б; Тепкеев 2019; Тепкеев, Бембеев 2020; Гедеева 2020; Мустакимов, Ханнанова 2021; и др.]. Безусловно, данная работа имеет важное значение в деле сохранения культурно-исторического наследия калмыцкого народа. При этом следует отметить, что на сегодняшний день отсутствуют специализированные работы, которые рассматривали бы деятельность Дондук-Даши в период, предшествующий становлению его наместником Калмыцкого ханства в 1741 г. Указанные обстоятельства делают крайне необходимым введение в научный оборот источников, связанных с деятельностью Дондук-Даши до 1741 г. В свою очередь особый интерес вызывает история о высылке будущего калмыцкого хана в Санкт-Петербург, основные события которой произошли летом – осенью 1737 г.

Следует отметить ряд трудов, в которых в разной степени освещается этот этап жизни Дондук-Даши. В дореволюционной историографии весьма кратко о высылке Дондук-Даши 1737 г. упоминает М. Г. Новолетов [Новолетов 1884: 23]. В советский период более подробно данный вопрос осветил Н. Н. Пальмов [Пальмов 1922: 45–46]. Качественный скачок в освещении данного вопроса был осуществлен уже в современный период на страницах монографий М. М. Батмаева и А. В. Цюрюмова [Батмаев 1993: 334–335; Цюрюмов 2005: 123–125]. В них по сравнению с прошлыми работами была существенно прояснена суть противостояния хана Дондук-Омбо и владельца Дондук-Даши в обозначенный период, а также обогащена событийная составляющая данного процесса. Однако при всех этих достоинствах обе работы обходят стороной саму процедуру отправки Дондук-Даши в Санкт-Петербург, ограничиваясь простым упоминанием его отъезда из Астрахани в октябре 1737 г.

Таким образом, мы наблюдаем своеобразную лакуну в описании жизнедеятельности Дондук-Даши до 1741 г., которая, безусловно, должна быть заполнена. В связи с этим сформулируем следующие исследовательские задачи: описание отправки Дондук-Даши в Петербург осенью 1737 г., а также введение в научный оборот источников, касающихся данной отправки.

Материалы

Исследованные архивные материалы принадлежат фонду И-36 «Состоящий при калмыцких делах при Астраханском губернаторе» Национального архива Республики Калмыкия и представляют собой разнообразные источники делопроизводственного характера, касающиеся процедуры отправки Дондук-Даши в Санкт-Петербург осенью 1737 г.

Приводимые документы входят в состав дел № 94 «Исходящий реестр бумагам, ордерам и приказам» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 94] и № 108 «Указы, промемории, донесения к хану Дондук Омбо. Письма Дондук Омбо и других калмыцких владельцев по разным вопросам в оригинале и переводах» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 108] первой описи вышеупомянутого фонда, и с точки зрения видового разнообразия подразделяются на указы, донесения, рапорты, ордера, подорожные и инструкцию. Выпуск данных документов был осуществлен такими инстанциями, как Кабинет министров и Астраханская губернская канцелярия, а также такими должностными лицами, как астраханский обер-комендант А. Т. Юнгер, царицынский комендант П. Ф. Кольцов и капитан Сибирского полка Д. Михеев.

Интересен тот факт, что оба использованных в рамках настоящего исследования дела отложились именно при царицынском коменданте, когда как информации по данному вопросу, отложившейся бы в Астраханской губернской канцелярии, нами пока не обнаружено. Таким образом, наш взгляд на данный процесс, по сути, проецируется со стороны царицынского коменданта.

«Мне с ним ужиться невозможно вместе»

Корни этой истории происходят из сформировавшейся задолго до нее антипатии Дондук-Омбо в отношении его двоюродного брата Дондук-Даши. По мнению М. М. Батмаева, она была продиктована проправительственным характером поведения последнего [Батмаев 1993: 331].

В этой связи неудивительно, что с самого своего возвращения на Волгу в 1735 г. (после откочевки на Кубань вместе с большей частью калмыцких улусов в 1731 г.) Дондук-Омбо стал методично добиваться устранения Дондук-Даши из улусов. Так, 14 ноября 1735 г. при встрече с астраханским губернатором И. П. Измайловым он согласился присягнуть всем пунктам присяги, кроме того,

что касалось Дондук-Даши, «которому за его противности того не учиню, чтоб не отомстить» [Батмаев 2009: 394]. В июне следующего года он писал: «И ныне ежели бы онго Дондук-Дашу для кочевания от меня отвели во отдаленные места, и то б мне было приятно» [Батмаев 1993: 334]. Российская сторона, желавшая иметь против Дондук-Омбо сильный и преданный противовес, отвечала на подобные просьбы отказом [Батмаев 2009: 394], при этом не оставляя и идеи их примирения [Цюрюмов 2005: 123].

Однако успешные действия Дондук-Омбо в войне с Турцией вынудили российских чиновников прислушаться к многочисленным его просьбам касательно Дондук-Даши, и уже в феврале 1737 г. последнему было предложено откочевать к Оренбургской крепости [Батмаев 2009: 395].

В связи с его отказом от данного переезда Указом от 3 июля ему было предложено 3 варианта дальнейшего существования: 1) соединиться с ханом Дондук-Омбо на тот случай, если удастся достичь его прощения; 2) переселиться с улусом вверх по Волге, за р. Самару; 3) отправиться с семьей на время к Далай-ламе с условием, что он будет впоследствии вызван обратно [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 93. Л. 4об.-6].

В течение июля Дондук-Даши, для которого первый вариант по понятным причинам был наиболее выгодным, в очередной раз принялся налаживать отношения с ханом, для чего отправлял к тому своего брата Бодонга. Однако ответ хана оставался таким же непреклонным: «Мне с тобою ужиться невозможно» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 93. Л. 24]. Практически теми же словами («Мне с ним ужиться невозможно вместе») касательно перспектив примирения с Дондук-Даши отвечал он и астраханскому обер-коменданту А. Т. Юнгеру в письме, полученном последним 3 августа 1737 г. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 93 Л. 77].

К тому же в своем «листе», написанном 3 августа и отправленном через царицынского коменданта П. Ф. Кольцова в Санкт-Петербург, хан Дондук-Омбо отговаривался от похода на Малибаш вследствие того, что ему якобы нужно было удерживать Дондук-Даши от ухода к кубанским татарам. И для того, чтобы он мог «служить не имея препятствия», просил своего визави «поймать и содержать в крепком месте» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 93 Л. 136–137об.].

Одновременно с этим свою партию разыгрывал и Дондук-Даши. В письме астраханскому обер-коменданту А. Т. Юнгеру, полученном адресатом 2 августа, Дондук-Даши просил вместо отправки всего своего улуса вверх по р. Волге, за р. Самару, оставить улус на прежнем месте возле Астрахани, а самого его отправить ко двору императрицы Анны Иоанновны. Такое решение объяснялось в письме высокими рисками перехода, обусловленными крайне бедным положением более тысячи его кибиток с точки зрения кормов и транспорта. С тем же письмом посланец Намсо донес, что зайсанги Дондук-Даши «недоброжелательны и лучше де желают соединися уходом хану Дондук-Омбо, и которых уже три человека и ушли» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 93. Л. 69].

Из другого письма, полученного также 2 августа 1737 г., становится известно, что ушли от Дондук-Даши следующие зайсанги: Хашха (с 20 кибитками, т. е. семьями), Генжит (с 50 кибитками) и Дулей-Солом (с 10 кибитками). О возможных последствиях их ухода Дондук-Даши писал следующее: «Буде сих людей не возвратите, ни одного человека не останется, ибо на тех взирая, что их не возвратили, то никакой души всеконечно не останется» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 93. Л. 70].

Не имея четких указаний насчет сложившейся ситуации, астраханский обер-комендант 6 августа приказал Дондук-Даши вместе с его 17 зайсангами

явиться в Астрахань [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 93. Л. 95]. К сожалению, в нашем распоряжении не имеется сведений о точном дне приезда Дондук-Даши в город. Зато известно, что уже 18 августа он просил А. Т. Юнгера временно отпустить его из Астрахани к Болдинским садам, где он мог бы излечиться от болезни (избавиться от жара, приобретенного во время пребывания в городе) [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 108. Л. 520об.]. Данную возможность Дондук-Даши использовал, чтобы скрыться из-под прямой опеки обер-коменданта [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 94. Л. 302]. Таким образом, с этого времени он опять пребывал вне г. Астрахани, хотя и находился под присмотром приставленного к нему караула [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 108. Л. 521].

Уже после побега в письме А. Т. Юнгера, полученном 19 августа, Дондук-Даши оправдывался следующими словами: «А я не стерпел в теплом месте сидеть. И улусные мои люди скажут, что меня арестовали. И от вышепоказанных двух притчинах желаю в кибитке своей быть» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 93. Л. 103об.].

В следующие дни А. Т. Юнгер убеждал Дондук-Даши перекочевать к Болдинским садам, на что последний, ссылаясь на наличие в этой местности русских сенокосов, отговаривался от этого действия и продолжал кочевать в 30 верстах от Астрахани [НА РК. Ф. И-36. Д. 93. Л. 108, 130].

Вскоре упомянутый выше «лист» хана Дондук-Омбо от 3 августа возымел должный эффект в Санкт-Петербурге. 26 августа был издан новый указ касательно Дондук-Даши, в котором официально было признано, что «сходства меж ими и миру не будет» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 93. Л. 134об.]. Тем самым российские чиновники окончательно потеряли веру в возможность примирения двоюродных братьев.

В данном указе также предлагались три варианта решения проблемы. Но теперь вместо варианта, предусматривавшего примирение сторон, был введен вариант, допускавший арест Дондук-Даши, если он не захочет уйти за р. Самару, либо отправиться к Далай-ламе [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 93. Л. 135]. Поскольку еще 14 августа 1737 г. Дондук-Даши известил А. Т. Юнгера о том, что он не сможет отправиться семьей в Тибет к Далай-ламе [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 93. Л. 89], то обер-коменданту при получении данного указа 14 сентября 1737 г. не оставалось иного выхода, как, «излуча в малолюдстве», арестовать владельца. Данная задача, судя по всему, значительно упростилась вследствие того, что 11 сентября 1737 г. брат Дондук-Даши — Бодонг увел за собой большую часть его улуса [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 108. Л. 754].

«Соизволяем быть тебе сюда во всякой скорости»

10 сентября 1737 г. в Санкт-Петербурге были изданы акты, согласно которым владельцу Дондук-Даши следовало явиться ко двору императрицы Анны Иоанновны. Для осуществления данного мероприятия Ее Величества императорские указы от 10 сентября 1737 г. были посланы астраханскому обер-коменданту А. Т. Юнгера и царицынскому коменданту П. Ф. Кольцову [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 108. Л. 1352–1354об., 1349]. Специальная грамота от того же числа была отправлена Дондук-Даши [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 108. Л. 1355].

6 октября 1737 г. на основании данного указа Дондук-Даши вместе со своей свитой (13 зайсангов, 1 гелюнг и 12 служителей) был отправлен из Астрахани до Царицына водным путем, чтобы «возможно было без всякого опасения от калмык» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 108. Л. 851]. Командование операцией осуществлял капитан Сибирского полка Астраханского гарнизона Давыд Михеев. Для конвоирования ему было предоставлено 50 солдат Астраханского гарнизона, для гребли — 30 [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 108. Л. 906].

Из доношения капитана Д. Михеева от 20 октября 1737 г. видно, что А. Т. Юнгер сделал ряд упущений при перечислении состава команды, вышедшей 6 октября из Астрахани. Вдобавок к указанным А. Т. Юнгером 80 рядовым Д. Михеев приводит 1 поручика, 1 сержанта, 1 каптенармуса, 2 «солдат за капрала» и 1 барабанщика. Общий размер военной команды, конвоировавшей владельца Дондук-Даши от Астрахани, составил 86 чел. [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 108. Л. 966].

15 октября 1737 г. неподалеку от Черного Яра данная команда была пополнена отрядом, присланным из Царицына. В составе данного отряда находились 1 поручик, 1 сержант, 1 «рядовой за капрала» и 38 солдат, что в итоге составило 41 чел. Таким образом, численность соединенной военной команды составила 127 человек. 20 октября она достигла Поповицкой почты (совр. село Райгород) [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 108. Л. 966].

23 октября 1737 г. Дондук-Даши вместе со свитой и конвойной командой прибыл в Царицын. Выше обозначенная астраханская команда была отпущена. Из донесений П. Ф. Кольцова мы узнаем, что вместе с Дондук-Даши и капитаном Д. Михеевым прибыли не только свита и военные, но и «ученик за переводчика» Андрей Чебовской и 1 писарь [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 94. Л. 482об.].

Дондук-Даши отбыл из Царицына в тот же день, при этом военная команда, сопровождавшая его, была полностью заменена. К ней были прикреплены 1 сержант и 30 солдат Царицынского и Терского полков, которые должны были сопровождать владельца до Новохоперской крепости, а также поручик Медведев и 12 солдат, прибывшие до этого из Москвы [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 94. Л. 480–480об.]. Самому Дондук-Даши и его свите было выдано 7 «покоевых калясок» и 29 подвод, а под команду — 14. Также было выдано 148 рублей 14 копеек прогонных денег, причем от Царицына до Тамбова необходимо было тратить по «деньге на версту», а от Тамбова до Москвы — «по четыре деньги на десять верст» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 94. Л. 482–483].

26 октября команда прибыла на Лавлинскую почту (совр. пос. Иловля), где ей отказались заменить выданные в Царицыне подводы, сославшись на подготовку к походу на Кубань [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 108. Л. 1007]. В посланном 27 октября из Царицына ордере предлагалось «подводы собрать со всех ближних станиц и следовать немедленно» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 94. Л. 496].

2 ноября 1737 г. капитан Д. Михеев подал свой последний из отложившихся при царицынском коменданте рапорт. В нем сообщалось, что он с владельцем Дондук-Даши прибыл на Новохоперскую крепость 1 ноября. Царицынская команда была им отпущена. Сам он вместе с московской командой, Дондук-Даши и его свитой выступил из крепости в день написания доношения [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 108. Л. 1061].

Архивные документы, связанные с отправкой Дондук-Даши в г. Санкт-Петербург

Ниже приводятся соответствующие процессу отправки документы. Все они публикуются впервые и располагаются в хронологическом порядке. Пунктуация приведена к современному виду с сохранением оригинальной орфографии.

№ 1

Инструкция из Астраханской губернской канцелярии астраханского гарнизона Сибирского полку капитану Давыду Михееву

Понеже по высочайшему Ея Императорского Величества указу велено калмыцкого владельца Дондук Дашу из Астрахани отправить в Санкт Петербург

к высокому двору Ея Императорского Величества: до Царицына на водою на добрых судах, а от Царицына сухим путем. Тамошнему царицынскому коменданту господину Кольцову, о чем ему коменданту из высокого Кабинета Ея Императорского Величества особливой указ дан. А в канвой велено с ним ДондукДашею послать доброго офицера, и для того с оным владельцем посылается ты, и чинить тебе по нижеписанным пунктом.

1

Принять тебе в команду свою канвой из полков астраханского гарнизона салдат пятьдесят человек, да в гребле тридцать человек, да с Астраханского делового двора судно самое доброе и крепкое с лоцманом, с якорями и со всеми с принадлежащими к нему припасы. Да сверх того взять тебе якорей надлежащее число, коими можно было стоять на стрежне, да под канвойных салдат пять лоток.

2

И принявши оное судно, показанного владельца Дондук Дашу и при нем зайсангов и калмык дватцать семь (Л. 968об.) человек посадить на оное принятое вами судно и следовать до Царицына водяным путем в немедленном времени.

3

Будучи в пути в дне и ночи к берегам тебе не приставать, а становиться посреди Волги на якорях и поступать тебе с ним учтиво, и искусно, и скрытым образом смотреть вам того, чтоб он куда уйтить не мог, и оной пункт содержать в секрете.

4

[Неразборчиво] канвою велено к вам выслать навстречу салдат из Черного Яру к Астрахани дватцать, из Царицына к Черному Яру сорок человек, о чем ко оным черноморскому и царицынскому комендантам предложено указами. И как оные салдаты к вам навстречу высланы будут, то их принять вам в команду свою и велеть им быть при себе.

5

По прибытии вам в Царицын явиться тамошнему царицынскому коменданту господину Кольцову и об отправлении вас с показанным владельцем Дондук Дашею из Царицына до Санкт Петербурга сухим путем требовать от него полковника Кольцова безопасной канвой и надлежащее число про него Дондук Дашу коляски. И под канвой подвод, сколько потребно будет и прочего, что вам ко отправлению принадлежит.

(Л. 969)

6

По отправлении из Царицына ехать тебе при нем Дондук Даше сухим путем и смотреть того, как водою, так и сухим путем, ево б не могли напасть калмыки и ево Дондук Дашу не отбили б. И в прочем ево надлежит к предосторожности смотреть же неусыпно. Ежели будут нападать калмыки, поступать с ними, яко с неприятелем, и по крайней возможности. До отнятия ево Дондук Дашу не допустить.

7

По прибытии в Санкт Петербург объявить вам ево Дондук Дашу в высоком Кабинете Ея Императорского Величества, и как о того отпущены будете обратно в Астрахань, то следовать и с командою своею в Астрахань, объявиться в Астраханской губернской канцелярии.

8

Ежели ж что в государственных делах подлежат тайности, одного отнюдь в партикулярных письмах никому не писать, и иже к тому, от кого отправлен,

кроме настоящих реляции. А ежели какое препятствие от кого в том ином деле будет, то писать вольно, куда за благо, кто разсудит, только упоминая (Л. 969об.) об рученном деле генерально. От сего повреждение есть, также ежели случатся дела посторонние, тайне подлежащие. А в реляциях к тому, от кого отправлен, писать будет за каким подозрением невозможно, то вольно писать, кому в том поверишь. А о врученном своем никак иначе, столько как вышеписано под жестоким наказанием, по вине преступления.

На подлинной подписано по сем: Бригадир и обер комендант Андрей Юнгер, секретарь Василий Черников, подканцелярист Гаврило Куницын.

октября 6 числа 1737 году

Списана в Царицыне 23 октября 1737 году

[НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 108. Л. 968–969об. Рукопись. Копия]

№ 2

Указ Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийской из Астраханской губернской канцелярии в Царицын, полковнику и каменданту господину Кольцову

Понеже минувшаго сентября 28 дня по присланному Императорского Величества из высокого Кабинета указу велено калмыцкого владельца Дондук Дашу из Астрахани отправить в Санктпетербург к высокому двору Ея Императорского Величества водяным путем до Царицына: на добрых судах, с добрым офицером, с крепким канвоям — со всякою предосторожностью.

А об отправлении ево Дондук Дашу от Царицына сухим путем к тебе из оного высокого Кабинета Ея Императорского Величества Указа показанной владелец Дондук Даша за канвоям астраханского гарнизона Сибирского полку капитана Давыда Михеева водяным путем до Царицына на казенном судне сего октября 6 числа отправлен. И при нем в свите ево отправлено калмык двадцать сем человек, и дано ему в канвой от полков астраханского гарнизона салдат пятьдесят человек, да в гребле тридцать человек.

Того ради по Ея Императорского Величества Указу Астраханская губернская канцелярия по силе вышеписанного Высочайшего Ея Императорского Величества Указа определила к тебе послать сей Ея Императорского Величества Указ, в котором написан, когда показанной капитан Давыд Михеев с вышеписанным владельцем Дондук Дашею к вам в Царицын пребудет, то по силе присланного к тебе из оной высокого Кабинета Ея Императорского Величества Указа ево Дондук Дашу при показанном капитане Михееве из Царицына до Санктпетербурга сухим путем отправить немедленно и вместо астраханских канвойных салдат послать со оным капитаном Михеевым других из имеющих в Царицыне салдат надлежащей безопасно канвой. Тако ж да под ево Дондук Дашу персону покособые каляски и под свиту ево, и под имеющих при нем калмык, и под конвойных салдат подвод надлежащее ж число, и какие прогонные деньги. А вышеписанных канвойных астраханских салдат при отказе всех отправить сюда в Астрахань. Понеже при Астрахани в салдатстве состоит немалая нужда и по отправлении ево Дондук Дашу в Астраханскую губернскую канцелярию репортовать. И полковнику, и каменданту господину Кольцову учинить о том по сему Ея Императорского Величества Указу 1737 году октября 8 дня.

Андрей Юнгер

Секретарь Василий Черников

Подканцелярист Гаврило Куницын

[НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 108. Л. 906. Рукопись]

№ 3

Подан в Царицыне октября 22 дня 1737 году.

В Царицынскую канцелярию репорт

Понеже по отправлении моем сего октября с 6 числа командировано в команду мне в конвой для провожания реченного калмыцкого владельца Дондук Дашу до Царицына из Астраханского гварнизона из двух пехотных полков, а именно, порутчик один, сержант один, каптенармус один, салдат за капралом два, барабанщик один, редавых восемьдесят и того восемьдесят шесть человек.

А команда царицынская встретила в четырех лотках у города Черного Яру. При которой команде порутчик один, сержант один, редавой за капрала один, салдат тридцать восемь, итого сорок один человек. А об оной команде всех чинов сто дватцать семь человек. И оная царицынская команда следует с нами сего октября с 15 числа. Все благополучно. Прибыли к Поповицкой почте. Капитан Давыд Михеев.

Октября 20 дня 1737 году.

[НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 108. Л. 966. Рукопись]

№ 4

№ 529 23 октября

Указ Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийской от калмыцких дел в Царицынскую ратушу бургомистру Герасиму Резанову с товарищи

Понеже по силе Высочайшего Ея Императорского Величества за подписанием господ кабинетных министров указу отправляется отсюда к Высочайшему Ея Императорского Величества двору калмыцкой владелец Дундук Даши со обретающейся при нем свитою. Того ради по Ея Императорского Величества указу, а по определению у калмыцких дел полковника, царицынского коменданта Кольцова (Л. 477об.) велено к вам послать Ея Императорского Величества указ, в котором написать, дабы вы под одного владельца Дундук Дашу и под обретающихся при нем калмык и канвою от царицынского купечества прислали к калмыцким делам кончае сего дня осматцать лошадей с добрыми телегами и хамутами. И при оных бы были подвотчики, которые от Царицына повезут только до донской Качалинской станицы. И на оные подводы по числу верст по силе указу выданы быть имеют и прогонные деньги. И бургомистру Герасиму Резанову с товарищи учинить о том по сему Ея Императорского Величества указу непременно и во всякой скорости.

Таков отослан вышеписанного числа.

[НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 94. Л. 477–477об. Рукопись. Копия].

№ 5

№ 530 23 октября

По указу Ея Императорского Величества Самодержицы Всероссийской и протчая и протчая и протчая отправлен отсюда к Высочайшему Ея Императорского Величества двору калмыцкой владелец Дундук Даши с его зайсанги, гелюном и с служители — всего дватцать семь человек. И при них в конвое капитан Михеев, и при нем капитане порутчик один, писарь один, школьник за переводчика один же, капрал один, да салдат десять человек.

Того ради от Царицына до Москвы в губерниях господам губернаторам, а по городам — воеводам, тако ж и по донским казачьим гороткам, давать под

оную свиту по тридцати пошти подвод без всякого задержания, (Л. 478об.) за которые иметь у показанного капитана Михеева прогонные деньги, а имянно, от Царицына до Танбова на уездные — по деньге на версту на каждую подводу, а от Танбова до Москвы на ямские — по четыре деньги на десять верст, чего ради во уверение за рукою и печатью полковника и царицынского коменданта Кольцова. Сия подорожная дана в Царицыне.

Такова подорожная подписана и запечатана, и отдана капитану Давыду Михеева вышеписанного числа.

[НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 94. Л. 478–478об. Рукопись. Копия].

№ 6

№ 532 24 октября

Благородный господин капитан. При сем посылается к вашему благородию в канвой для препровождения владельца Дондук Даши царицынского и терского полку сержант один, да салдат всего тридцать человек, которым при сем прилагается и имянной список. И оных сержанта, капрала и салдат изволите от Новохоперской крепости паки отпустить в Царицын, а от Новохоперской крепости до Москвы изволите числить в канвое посланных же при сем к вашему благородию порутчика Медведева с салдаты всего двенадцать (Л. 480об.) человек, которые прибыли сюда из Москвы с денежною казною.

А в пути поступать вам по данной из Астрахани от господина брегадира Юнгера инструкции неотменно. И егда будешь приближаться к Москве, то надлежит вам верст за тридцать показанного порутчика Медведева послать Коллегии иностранных дел в кантору наперет, чтоб он требовал ему Дондук Даше с свитою квартиры. А до Санкт Петербурха отправления требовать вам от той канторы. И по взятии в пути подвод велеть вам (чтоб Дондук Даши и калмыки ево не сведали) подвотчикам тайно брать ружья, а калмыком объявлять что оное чинится для (Л. 481) безопасности от нападения в пути от воровских калмык и кубанцов и протчих воровских народов. В протчем пребываю.

Вашего благородия доброжелательный.

Таков ордер отдан в Царицыне вышеназванного числа.

[НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 94. Л. 480–481. Рукопись. Копия].

№ 7

№ 533 24 октября

В Высокоучрежденную Государственную Коллегию иностранных дел всепокорнейшее доношение

В присланном ко мне имянном Ея Императорского Величества за подписанием господ кабинетных министров указе изображено, егда калмыцкой владелец Дундук Даши из Астрахани в Царицын прибудет, и мне б его принять приятно и отправить ко дворе Ея Императорского Величества сухим путем с тем же офицером, которой прислан будет с ним из Астрахани и с потребным числом салдат.

А особливой от Царицына до Новохоперской (Л. 482) крепости послать за ним для безопасности пристойной канвой, и для того пути дать ему добрые каляски и телег и подвод, сколько потребно.

И в протчем бы мне чинить по ордеру брегадира Юнгера и по моему усмотрению показываю ему Дундук Даше во всем удовольствие. И по отправлении в Коллегию иностранных дел и в Москву оной коллегии в кантору, как наискоря,

и репортовать, и на оной Ея Императорского Величества указ Высокоучрежденной Государственной Коллегии иностранных дел всепокорнейше доношу: означенной владелец Дондук Даши вчерашнего числа сюда прибыл (Л. 482об.) в свите дватцати семи человека, в том числе зайсангов тринатцать, гелюнов один, служителей двенатцать, да при нем астраханского гварнизона Синбирского полку капитан Давыд Михеев, ученик за переводчика Андрей Чебовской, да писарь один.

И я ево того ж числа по силе вышеписанного Ея Императорского Величества указу из Царицына при том же капитане, с учеником и с писарем отправил. И дал ему Дондук Даше и под означенных его зайсангов оставшие от персических посланников покоевых семь калясок, и под него свитою дватцать девять подвод, а имянно, ему — три, зайсангом и гелюну — четырнадцать, служителем (Л. 483) двенатцати человеком — двенатцать, а под капитана две, под ученика за переводчика и под писаря — по одной, под канвойных, которые быть имеют от Царицына до Новохоперской крепости, салдат тритцать человек — шесть, от Царицына ж до Москвы двенатцати человеком — четыре подводы.

И на них выдал прогонные деньги, а именно, от Царицына до Танбова — по деньге на версту, а от Танбова до Москвы — по четыре деньги на десять верст. И того в даче произведено: до Новохоперской крепости на триста, на восемьдесят, на семь верст, на сорок, на две подводы — восемьдесят один рубль (Л. 483об.), дватцать семь копеек; а от Новохоперской крепости до Танбова на тритцать, на шесть же подвод — тритцать один рубль, четырнадцать копеек; а от Танбова до Москвы на чetyреста, на девяноста, на семь верст — тридцать пять рублей, семьдесят три копейки, три чети. А всего сто сорок восемь рублей, четырнадцать копеек. Да при сем же отпуске и Государственной Коллегии иностранных дел в кантору в раной мере я донес.

Таково отправлено с Царицына Самарского полку с салдатом Федором Занкиным вышеписанного числа.

[НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 94. Л.481об.–483об. Рукопись. Копия]

№ 8

№ 537 25 октября

Высокородный, высокопочтенный господин, господин бригадир, милостивой государь мой, Андрей Толмусович. Вашему высокородию во известие доношу: калмыцкой владелец Дондук Даши с ево свитою, тако ж и обретающеися при нем капитан Михеев с писарем, с школьником (Л. 488об.) и с канвойными салдаты в Царицын прибыли сего октября 23 дня благополучно. И оной Дондук Даши с ево зайсанги, гелюном и с служитель, тако ж и капитан, с писарем и с школьником из Царицына к высочайшему Ея Императорского Величества двору по силе Ея Императорского Величества указов отправлен того ж октября 23 числа с довольным числом покоевых колясок и подвод, и пристойным канвоем. А помянутые астраханские конвойные, и в гребле имеющиеся салдат паки от меня отпущены в Астрахань в команде порутчика Ситникова. И сие донесши остаюсь.

Милостивой государь мой

Вашего высокородия покорный слуга

(Л. 489)

Таково отправлено из Царицына вышеписанного числа с показанным порутчиком Ситниковым.

[НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 94. Л.488–489. Рукопись. Копия]

№ 9

В Царицынскую кантору калмыцких дел доношение

Понеже по отправлении моем из Царицына с показанным владельцем ДондукДашею и с ево людьми, и командою сего октября 26 дня на Лавлинскую почту прибыл. Все благополучно. И как следовали к показанной почте, послан был от меня вперед в город Ловлин капрал с салдаты о наряде подвод. И во оном городе Лавле в перемену подводы и собраны были токмо, прибыл из Черкаскава старшина Тихон Иванов. И от подвод отказал, а объявил, что им велено по указу готовитца в службу под Кубань и за подводы своими при оной почте по полудни в 4 часу. А царицынские подводы весьма стали, и ехать никак не мочно. И я с командою в 27 числа вступлю в реченной город Ловлу и буду стоять до указу. Понеже запретами коими ехать мне невозможно.

Капитан Давыд Михеев

Октября 26 дня 1737 году

[НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 108. Л. 1007. Рукопись]

№ 10

В Царицынскую кантору калмыцких дел репорт

На Новохоперскую крепость сего ноября 1 числа по полдни в 8 часу с показанным владельцем ДондукДашею и с ево людьми, тако ж и командою прибыл. Все благополучно. А царицынская команда отпущена от меня паки в Царицын, а московская команда следует со мною от оной Новохоперской крепости сего ноября 2 числа по полдню в 2 часу отправился в путь. Все благополучно. А канвою оной крепости камендант не дал.

Капитан Давыд Михеев

Ноября 2 дня 1737 году

[НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 108. Л. 1061. Рукопись].

Заключение

В фонде И-36 «Состоящий при калмыцких делах при Астраханском губернаторе» Национального архива Республики Калмыкия имеется информация касательно предыстории отправки Дондук-Даши и лишь части его пути до Санкт-Петербурга. Освещенный нами этап этого процесса длился с 6 октября по 2 ноября 1737 г. За это время Дондук-Даши и его свита проплыли и проехали из Астрахани до Новохоперской крепости через такие населенные пункты, как Черный Яр, Поповицкая станция, Царицын, Ловлинская станица. На данном этапе доставки Дондук-Даши из Астрахани до Санкт-Петербурга к его охране и сопровождению были привлечены более сотни российских военных и чиновников.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.

Литература

Батмаев 1993 — Батмаев М. М. Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 381 с.

- Гедеева 2020 — *Гедеева Д. Б.* Письмо нойона Замьяна астраханскому губернатору Н. А. Бекетову о планах ухода калмыков на историческую родину // Монголоведение. 2020. № 2. С. 244–254. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-2-244-254
- Батмаев 2009 — *Батмаев М. М.* Внутриполитическая обстановка за власть. Действия российского правительства // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х т. Т. 1. Элиста: Издат. дом «Герел», 2009. С. 385–397.
- Мустакимов, Ханнанова 2021 — *Мустакимов И. А., Ханнанова Г. М.* Ханский указ о назначении муфтия: мусульмане под властью волжских калмыков // Золотоордынское обозрение. 2021. № 2. С. 423–437.
- Новолетов 1884 — *Новолетов М. Г.* Калмыки. Исторический очерк. СПб.: Тип. В. Демакова, 1884. 79 с.
- Пальмов 1922 — *Пальмов Н. Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань Калм. гос. изд-во, 1922. 139 с.
- Тепкеев 2016 — *Тепкеев В. Т.* Калмыцкое письмо 1685 г. как одно из ранних письменных свидетельств хана Аюки // Монголоведение. 2016. № 8. С. 5–12.
- Тепкеев 2017a — *Тепкеев В. Т.* Документы по истории калмыцко-дагестанских отношений в период Персидского похода 1722–1723 гг. (по материалам Национального архива Республики Калмыкия) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2017. № 1. С. 6–14. DOI: 10/22162ps87-6503-2017-1-1-6-14
- Тепкеев 2017б — *Тепкеев В. Т.* «Пребывает ли во здравии Великий Белый хан?»: история самого раннего письма калмыцкого владетеля русскому царю (1642 год) // Новый исторический вестник. 2017. № 4. С. 111–120. DOI: 10.24411/2072-9286-2017-00019
- Тепкеев 2019 — *Тепкеев В. Т.* Документы по истории военной кампании 1739 г. Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. (по материалам Национального архива Республики Калмыкия) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2019. № 1. С. 5–19. DOI: 10.22162/2587-6503-2019-1-9-5-19
- Тепкеев, Бембеев 2020 — *Тепкеев В. Т., Бембеев Е. В.* «Я очень возрадовался тому, что по указу Великого Белого Царя наше дело будет решаться». Письма калмыцкого хана Аюки к государю Петру Алексеевичу и канцлеру Г. И. Головкину в 1714 г. // Вестник архивиста. 2020. № 1. С. 223–235.
- Цюрюмов 2005 — *Цюрюмов А. В.* Калмыцкое ханство в 1724–1741 гг.: хроники династических усобиц. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 159 с.

References

- Batmaev M. M. The Kalmyks, 17th–18th Centuries: Events, Personalities, Household Life. Elista: Kalmykia Book Publ., 1993. 381 p. (In Russ.)
- Gedeeva D. B. Disclosing plans of Kalmyk exodus to ancestral lands: Noyon Zamyany's letter to Astrakhan Governor N. A. Beketov. *Mongolian Studies*. 2020. No. 2. Pp. 244–254. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2020-2-244-254
- Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days. In 3 vols. Vol. 1. Elista: Gerel, 2009. 848 p. (In Russ.)
- Mustakimov I. A., Khannanova G. M. Khan's decree on the appointment of the Mufti: Muslims under the rule of the Volga Kalmyks. *Golden Horde Review*. 2021. No. 2. Pp. 423–437. (In Russ.)
- Novoletov M. G. The Kalmyks: A Historical Essay. St. Petersburg: V. Demakov, 1884. 79 p. (In Russ.)
- Palmov N. N. Kalmyk People within Russia's Borders: A Historical Essay. Astrakhan: Kalmyk State Publ. House, 1922. 139 p. (In Russ.)
- Tepkeev V. T. 'Is the Great White Khan in good health?': The history of the earliest known letter from the Kalmyk ruler and overlord to the Russian Tsar (1642). *The New Historical Bulletin*. 2017. No. 4. Pp. 111–120. (In Russ.) DOI: 10.24411/2072-9286-2017-00019

- Tepkeev V. T. A 1685 letter as one of the earliest sources on Ayuka Khan. *Mongolian Studies*. 2016. Vol. 8. Pp. 5–12. (In Russ.)
- Tepkeev V. T. Kalmyk-Dagestani relations during the Persian Campaign of Peter the Great, 1722–1723: A case study of historical documents from the National Archive of Kalmykia. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2017. No. 1. Pp. 6–14. (In Russ.) DOI: 10/22162ps87-6503-2017-1-1-6-14
- Tepkeev V. T. Russo-Turkish War of 1735–1739: A case study of documents on the campaign of 1739 housed by the National Archive of Kalmykia. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2019. No. 1. Pp. 5–19. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2019-1-9-5-19
- Tepkeev V. T., Bembeev E. V. ‘I greatly rejoiced when our business was to be resolved by a decree of the Great White Tsar...’: Letters of the Kalmyk Khan Ayuka to the Emperor Peter Alekseevich and Chancellor G. I. Golovkin (1714). *Herald of an Archivist*. 2020. No. 1. Pp. 223–235. (In Russ.)
- Tsyuryumov A. V. Kalmyk Khanate, 1724–1741: Chronicles of Dynastic Feuds. Elista: Dzhangar, 2005. 159 p. (In Russ.)

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК / UDC 94(47).084.8

DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-744-763

Исчезающая история «13 лет и 13 дней»: проблемы поиска и сохранения архивных материалов о калмыках на спецпоселении в Сибири. Часть 1

Виктория Васильевна Куканова¹, Уташ Борисович Очиров²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, директор

 0000-0002-7696-4151. E-mail: vika.kukanova@gmail.com

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник

 0000-0001-9957-5215. E-mail: utash-ochirov@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Куканова В. В., Очиров У. Б., 2021

Аннотация. *Введение.* Статья была написана на основе доклада, зачитанного на XIII Всероссийском съезде востоковедов. В ней рассматриваются проблемы поиска материалов о калмыках, проживавших на спецпоселении в Сибирь в 1944–1957 гг., и необходимость их сохранения и дублирования для исследователей-калмыковедов. *Материалы и методы.* При написании статьи был использован широкий спектр научных методов, как общенаучных (анализ, синтез и др.), так и специально-исторических (историко-генетический, историко-системный и др.). Необходимость сравнения условий хранения и доступа к фондам архивов разных регионов и разной ведомственной принадлежности обусловило активное применение историко-сравнительного метода. *Результаты.* Статья посвящена жизни калмыцкого народа на спецпоселении в сибирских регионах в период между 28 декабря 1943 г. и 9 января 1957 г. В ходе этих «13 лет и 13 дней», которые для калмыков фактически уже стали устойчивой фольклорной формулой для обозначения сибирской ссылки, калмыцкий народ перенес огромные лишения и невзгоды, потерял почти треть своей численности. В первой части статьи приведено краткое описание процесса депортации калмыцкого народа в ходе операции «Улусы» и иных выселений. В статье подчеркивается, что причины депортации калмыцкого народа, приведенные в официальном постановлении Президиума Верховного совета СССР, не соответствуют действительности и носят огульный характер. В работе описывается география расселения калмыков-спецпереселенцев, условия их жизни на спецпоселении. Авторы обращают внимание на наиболее характерные проблемы, с которыми пришлось столкнуться калмыкам-спецпереселенцам. Особое внимание обращено на демографические потери калмыцкого народа в ходе депортации. Во второй части статьи будут рассмотрены проблемы поиска и сохранения архивных материалов о жизни калмыков на спецпоселении в Сибирь в 1944–1957 гг.

Ключевые слова: Калмыцкая АССР, калмыки, Великая Отечественная война 1941–1945 гг., сталинские репрессии; депортации народов, спецпоселение, Сибирь, архивы
Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).
Для цитирования: Куканова В. В., Очиров У. Б. Исчезающая история «13 лет и 13 дней»: проблемы поиска и сохранения архивных материалов о калмыках на спецпоселении в Сибири. Часть 1 // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 4. С. 744–763. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-744-763

The Vanishing History of ‘Thirteen Years and Thirteen Days’: Problems of Searching and Preserving Archival Materials on Repressed Kalmyks in Siberia. Part 1

Viktoria V. Kukanova¹, Utash B. Ochirov²

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
 Cand. Sc. (Philology), Director
 0000-0002-7696-4151. E-mail: vika.kukanova@gmail.com

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
 Dr. Sc. (History), Associate Professor, Chief Research Associate
 0000-0001-9957-5215. E-mail: utash-ochirov@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Kukanova V. V., Ochirov U. B., 2021

Abstract. Introduction. The article publishes a report delivered at the Thirteenth Congress of Orientalists and deals with problems of searching materials on repressed Kalmyks and their 1944–1957 life in Siberia with special emphasis be laid on their preservation and duplication for specialists in Kalmyk studies. *Materials and methods.* The study employs a wide range of research methods, both common scientific (analysis, synthesis, etc.) and special historical ones (historical genetics, historical systemic methods, etc.). The comparative historical methods proves instrumental in identifying actual storage and access conditions at archives across different regions, agencies, and authorities. *Results.* The paper covers the Siberian period of the repressed Kalmyk people’s life between 28 December 1943 and 9 January 1957. The ‘thirteen years and thirteen days’ — to have become a somewhat fixed folklore formula — witnessed tremendous hardships and miseries experienced and survived by two thirds of the population only. Part 1 of the article reviews the deportation proper (Operation Ulusy and other similar forced relocations). Special attention is paid to that the causes proclaimed in the official decree by the Presidium of the USSR Supreme Council were completely groundless and had nothing to do with reality. The geography of Kalmyk Deportation, living conditions, and typical problems faced by repressed Kalmyks are also outlined. The work emphasizes demographic losses of the ethnos. Part 2 shall examine the problems of searching and preserving related archival materials on Siberian life of the Kalmyks in 1944–1957.

Keywords. Kalmyk ASSR, Kalmyks, Great Patriotic War of 1941–1945, Stalinist repressions, ethnic deportations, forced settlements, Siberia, archives

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. АААА-А19-119011490038-5 ‘Sociopolitical and Cultural Development of South Russia’s Peoples: Comprehensive Studies of Respective Processes’.

For citation: Kukanova V. V., Ochirov U. B. The Vanishing History of ‘Thirteen Years and Thirteen Days’: Problems of Searching and Preserving Archival Materials on Repressed Kalmyks in Siberia. Part 1. Mongolian Studies (Elista). 2021; 13(4): 744–763. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-744-763

Введение

Данная статья была написана на базе доклада, прочитанного и обсужденного на пленарном заседании XIII Всероссийского съезда востоковедов «Восточные архивы и архивоведение в современном мире: проблемы и перспективы» (Элиста, 5–8 октября 2021 г.). В этом докладе рассматривались проблемы поиска материалов о жизнедеятельности калмыков, высланных на спецпоселение в Сибирь в 1944–1957 гг., в региональных архивах и доказывалась необходимость их сохранения и дублирования для исследователей-калмыковедов.

Обзор литературы

В советские годы исследования о жизни калмыков на спецпоселении не поощрялись и даже если проводились, то весьма однобоко. Например, в обобщающей работе по истории Калмыкии ничего не писалось об операции «Улусы» и вызвавших ее причинах, об условиях жизни при первоначальном расселении, огромных демографических потерях калмыков. В тексте лишь говорилось, что было «сфабриковано ложное обвинение калмыцкого народа в сотрудничестве с гитлеровцами и предательстве интересов Родины» [Очерки 1970: 309]. Утверждалось, что «калмыки, несмотря на тяжелую моральную травму и большие лишения, на новых местах быстро осваивались... Местное население тепло встречало калмыков, оказывая посильную помощь в пище, жилье и устройстве...» [Очерки 1970: 317]. Весь остальной текст этого параграфа из главы VIII был посвящен трудовым подвигам калмыков на спецпоселении и награждениям некоторых из них [Очерки 1970: 317–333].

На завершающем этапе перестройки и в постсоветский период ситуация кардинально изменилась: исчез диктат идеологии над наукой, был открыт доступ к засекреченным ранее архивам, стали публиковаться воспоминания переживших депортацию. В 1989 г. была создана Комиссия по определению потерь населения Отделения истории АН СССР под руководством Ю. А. Полякова, которая в числе первых начала работу в Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ныне этот архив входит в состав Государственный архив Российской Федерации) с ранее недоступной для историков статистической документацией органов госбезопасности и высших органов власти. В составе этой комиссии работал широко известный ныне историк-демограф В. Н. Земсков, который опубликовал большое количество трудов по статистике репрессированных, в том числе и спецпоселенцев [Земсков 1990; Земсков 1991а; Земсков 1991б; и др.]. В 2005 г. он защитил докторскую диссертацию по теме спецпоселенцев [Земсков 2005]. В своих работах В. Н. Земсков привел огромный объем сведений о количестве спецпоселенцев (в том числе калмыков) в разные годы. В те же годы свои исследования по истории насильственных переселений народов в период сталинизма начал Н. Ф. Бугай [Бугай 1989; Бугай 1991а; Бугай 1991б; Бугай 1992а; Бугай 1992б; Бугай 1995; и др.]. В своих работах ученый, который в 1993 г. возглавил департамент по делам депортированных и репрес-

сированных народов Министерства по делам федерации и национальностей РФ, описал общую картину депортаций народов, ввел в оборот большое количество документов по данной теме, выдвинул первые научные концепции в этой области. Одна из его работ была посвящена непосредственно высылке калмыцкого народа и его жизни на спецпоселении [Бугай 1991б]. Свой вклад в изучение демографии спецпоселенцев внес демограф П. М. Полян [Полян 2001]. Помимо исследовательских работ, было опубликовано большое количество документов в различных сборниках [Депортации 1992; Иосиф Сталин 1992; История сталинского Гулага 2004; Сталинские депортации 2005; Лубянка 2006; и др.].

В региональной историографии первые исследования по данной теме были сделаны В. Б. Убушаевым [Убушаев 1991]. Доработанный и дополненный вариант этой книги был издан в 2007 г. [Убушаев 2007]. В последующем исследовании по истории депортации калмыков и их проживания на спецпоселении стали активно развиваться, пользовались поддержкой местных властей. Было выявлено большое количество документов, часть из которых были опубликованы в различных сборниках [Ссылка калмыков 1993; Ссылка калмыков 2001], записывались воспоминания [Широкстрой 1994; Мы – из высланных 2003; Депортация 2014; Забвению не подлежит 2014; Калмыки 2019; и др.], составлялись аннотированные списки высланных с краткими биографическими сведениями [Книга Памяти 1993; Книга Памяти 1994; Книга Памяти 1998; Книга Памяти 2000; Широлаг 2000]. Значительное количество интервью было опубликовано и проанализировано Э.-Б. М. Гучиновой [Гучинова 2005б; Гучинова 2019; Гучинова 2020; и др.]. Кроме того, она провела ряд исследований об особенностях жизни калмыков на спецпоселении с точки зрения культурной антропологии [Гучинова 2005а; Гучинова 2007; Гучинова 2021; и др.]. Большое значение для изучения демографических потерь калмыков на спецпоселении имели исследования К. Н. Максимова, обобщенные им в монографии по истории советского национального строительства [Максимов 2013]. Помимо изысканий калмыцких ученых, исследования о жизни калмыков на спецпоселении осуществлялись и в трудах сибирских ученых [Зберовская 2010; Серазетдинов, Иванов 2007; Иванов 2013; Иванов 2014; и др.].

Таким образом, видно, что в постсоветский период был осуществлен значительный объем исследований по данной тематике, в том числе и по демографическим аспектам. Записано немало количество интервью калмыков-спецпоселенцев. Тем не менее большой пласт проблем, связанный с особенностями жизни и смерти калмыков на спецпоселении (как в Сибири, так и в Казахстане и Средней Азии), остается малоизученным или неизученным вовсе.

Целями настоящей статьи являются установление основного круга проблем в работе по поиску архивных материалов о жизни калмыков на спецпоселении в Сибири и постановка вопроса о необходимости их сохранения и/или дублирования.

Материалы и методы

В ходе работы был использован широкий спектр научных методов, как общенаучных (анализ, синтез и др.), так и специально-исторических (историко-генетический, историко-системный и др.). Необходимость сравнения условий хранения и доступа к фондам архивов разных регионов и разной ведомственной принадлежности обусловило активное применение историко-сравнительного метода.

Причины депортации калмыков

27 декабря 1943 г. Президиум Верховного Совета СССР выпустил Указ, согласно которому автономия Калмыкии была ликвидирована (хотя по «сталинской» Конституции 1936 г. такого права не имел), а весь калмыцкий этнос подлежал высылке в восточные районы страны. По каким же причинам был так сурово наказан народ? В Указе от 27 декабря приводились такие причины: «многие калмыки изменили Родине, вступали в организованные немцами воинские отряды для борьбы против Красной Армии, передавали немцам честных советских граждан, захватывали и передавали немцам... колхозный скот, а после изгнания Красной Армией оккупантов организовывали банды..., совершают бандитские налеты на колхозы» [[Ссылка калмыков 1993: 18–19](#)]. Таким образом, всего было указано 4 причины, но ни одна из них не соответствовала полностью действительности. Разберем их по порядку.

Что касается угона скота, то на самом деле здесь идет речь об эвакуации скота, начавшейся после вторжения немецких войск на территорию Калмыкии в начале августа 1942 г. При этом заблаговременная эвакуация была запрещена. Должностные лица, пытавшиеся начать эвакуацию заблаговременно, подвергались наказанию за «паникерство», вплоть до арестов и расстрелов (хотя вторжение немецких войск к тому времени подтвердило их правоту). Устно (по телефону) руководству республики 4 августа 1942 г. А. И. Микояном была дана рекомендация следовать принципу «30 и 70» (эвакуацию скота начинать, когда противник окажется в 30 км, а всего остального — когда противник окажется в 70 км), хотя немцы к тому времени уже заняли два улуса и вторглись в два других [[Максимов 2010: 140](#)]. Письменный приказ об эвакуации скота прибыл лишь 4 сентября, когда немецкие и румынские войска заняли 5 улусов полностью и 3 — частично (из 13 улусов), а фронт в калмыцких степях стабилизировался. В результате приказ об эвакуации (в том числе скота) из Западного и Яшалтинского улусов вышел только 31 июля, когда туда уже вторглись панцерваффе, а из остальных улусов — 2 августа [[Максимов 2010: 110, 114](#)]. Понятно, что эвакуация проходила в обстановке хаоса и паники, была допущена потеря значительного количества имущества, в том числе оставленного на месте. По данным профессора К. Н. Максимова, который тщательно разобрал этот вопрос, перегонщикам в сложнейших условиях удалось вывести из оккупированных улусов и переправить через Волгу более 59 % совхозного скота и около 20 % колхозного скота (без учета того, что по пути часть скота была сдана государству и Красной армии) [[Максимов 2010: 131–138](#)]. Раскладка потерь скота по улусам дана в табл. 1. Для наглядности параллельно даны сведения о доле русского и калмыцкого населения в оккупированных улусах по данным Всесоюзной переписи 1939 г.

Таблица 1. Процент скота из оккупированных улусов, эвакуированного через Волгу, в сопоставлении с долей русского и калмыцкого населения в тех же улусах [[Максимов 2010: 132–139](#)]

[Table 1. Shares of livestock evacuated to the left bank to the Volga River as compared to proportions of ethnic Russians and Kalmyks in population structure of same districts]

Название улуса	Спасенный скот, в %	Русское население, в %	Калмыцкое население, в %
Западный	16,5	54,5	35,0

Яшалтинский	15,7	57,9	20,2
Приютненский	10,6	51,2	47,6
Троицкий	23,4	47,2	51,4
г. Элиста с пригородными колхозами	5,2	76,3	20,4
Сарпинский	24,5	64,9	34,0
Малодербетовский	45	58,3	40,6
Кетченеровский	23,8	17,0	81,3
Черноземельский	21	24,8	69,1

Из указанной таблицы видно, что потери скота действительно были большими, но наибольшие потери понесли районы, в которых преобладало русское население. Конечно, это не было связано с национальностью колхозников. На уровень потерь повлияли как сугубо военно-географические факторы (направления ударов немецких войск и время захвата того или иного района), так и личностные факторы руководителей тех или иных районов, колхозов и совхозов. Тем не менее говорить о том, что калмыки потеряли намного больше скота, чем русские, не приходится.

Практически то же самое можно сказать и об утверждении, что калмыки «передавали немцам честных советских граждан», под которыми, по всей видимости, подразумеваются партизаны (почти половина из которых были калмыки) и подпольщики. Однако на самом деле случаи предательства и участие в антипартизанских акциях осуществлялись представителями разных национальностей. Например, местоположение отряда № 57 «Павел» (одного из четырех, уничтоженных в Калмыкии полностью или частично) было выдано немцам русским старостой, которому в свою очередь его сообщил родственник — партизан Ефремов, дезертировавший из этого отряда. При уничтожении отряда № 59 «Гром» немцам помогали полицейские-славяне, что частично подтверждается полицейским Коптевым, который убил в бою партизана Н. С. Чавычалова, а затем пришел к его матери и похвастался этим [Калмыкия 2006: 102]. Самая «громкая», резонансная расправа над подпольщиками в Калмыкии — казнь семей И. Т. Говенко, К. А. Макущенко и других патриотов (25 чел., в том числе 15 детей в возрасте от 2 до 15 лет), а также более 50 коммунистов, заключенных в районной тюрьме, была осуществлена 6–7 января 1943 г. полицейскими А. В. Миллером (местным немцем), Г. Е. Кониным, А. Т. Демьяновским, П. И. Прохвятиловым, Ридным, Гузем и др. [Калмыкия 2006: 290–296]. Очевидно, что говорить о массовом участии в этих акциях представителей только одной национальности тоже не приходится.

Что касается коллаборационистских отрядов, то таковые создавались немцами почти на всех оккупированных территориях. В различных формированиях вермахта, войск СС, полиции и др. за весь период войны служило 1,2 млн советских граждан [Дробязко 2004: 339]. Конечно, в такой массе коллаборационистов калмыцкие эскадроны не играли сколь-нибудь значимой роли. При этом большая часть этих эскадронов была сформирована уже после изгнания немцев с территории Калмыкии из угнанной оккупантами молодежи, не призванной и не вывезенной военкоматами. Весной 1943 г. они были сведены в немецком тылу в специальное формирование, командир которого, мечтая о звании гене-

рала, пафосно именовал его корпусом [Гучинова 2004: 38]. На самом деле в его составе было около 2–3 тыс. чел., которые имели низкую боеспособность и слабое вооружение, поэтому применялись только против партизан. Позже эту часть переименовали в полк, причем имели место переходы калмыков из его состава на сторону партизан, например, эскадрона И. С. Манцына 20 августа 1944 г. Следует учесть, что при принятии решения о высылке калмыков советское руководство еще не знало о создании этого формирования, хотя имело сведения о наличии нескольких эскадронов. Например, в справке заместителя наркома НКВД В. Н. Меркулова от 18 марта 1943 г. говорилось о создании 10 эскадронов калмыков-коллаборационистов, а также о попытке формирования добровольческого корпуса (слово «попытка» в данном контексте явно подразумевает неудачу в формировании) [Лубянка 2006: 368–369].

То же самое можно сказать и об обвинениях в бандитизме. Это явление было развито на всех территориях СССР, подвергшихся оккупации. Сведения об уровне бандитизма в некоторых регионах страны можно увидеть в табл. 2.

Таблица 2. Сведения о борьбе с бандитизмом в некоторых регионах СССР в 1943 г.
[НКВД–МВД 2008: 524–534]

[Table 2. Data on anti-banditry struggle in some regions of the USSR, 1943]

Название региона	Количество ликвидированных банд	Участников в них	Легализовано после сдачи
Калмыцкая АССР	23	786	341
Кабардино- Балкарская АССР	33	2 398	1 190
Ставропольский край	134	2 905	1 349
Краснодарский край	207	2 250	987
Дагестанская АССР	82	807	208
Азербайджанская ССР	163	748	—
Ростовская область	205	853	—
Смоленская область	164	1 048	—
Калининская область	110	542	—
Казахская ССР	234	1 435	—
Киргизская ССР	126	904	—

Характерно, что бандитизм был развит даже в регионах, не подвергшихся оккупации, вплоть до Дальнего Востока. Что касается Калмыкии, то к августу 1943 г. были ликвидированы все 23 банды, находившиеся в тот период в регионе, причем 43 % членов банд амнистировали, то есть отпустили домой. В октябре 1943 г. в Калмыкию была сброшена диверсионная группа из 5 парашютистов абвера (в том числе 4 калмыка). Один калмык при этом разбился, второй калмык явился в органы НКВД и выдал всю группу. Чекисты сумели ранить и взять в плен радиста-украинца, после чего боевая ценность этой группы для абвера стала равна нулю. Тем не менее два оставшихся калмыка-коллаборациониста, используя родственные и дружеские связи, сумели организовать новую банду, но ее влияние в степи было явно слабым. Эта банда продолжала сопротивление

даже после высылки калмыцкого народа и была уничтожена уже после окончания войны, в 1945–1946 гг. [Годаев, Шурунгов 2005: 162–170].

За весь 1943 г. эти банды провели 28 налетов и провели 18 боев с отрядами НКВД, в ходе которых погибло 75 человек. Если мы посмотрим на аналогичные показатели в других регионах, в том числе не подвергавшихся оккупации, то мы увидим намного бóльшие цифры [НКВД–МВД 2008: 524–534]. Очевидно, что обвинение целого народа в бандитизме из-за одной банды, к тому же фактически организованной вражеской спецслужбой (т. е. не по инициативе местного населения), вряд ли справедливо.

Таким образом, обвинения, выдвинутые в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 г., следует классифицировать как явно надуманные. К тому же они носили огульный характер и охватывали весь народ, не различая тех, кто реально сотрудничал с врагом, от тех, кто оккупантов, что называется, «в глаза не видел», и тех, кто доблестно воевал с фашистами на фронте. Между тем в составе Красной армии в годы Великой Отечественной войны сражалось почти 26 тыс. калмыков (т. е. почти каждый пятый из 134 тыс. калмыков, учтенных по Всесоюзной переписи 1939 г.), из которых 13,5 тыс. — погибли или пропали без вести, а еще 8,5 тыс. — ранены (часть из них стала инвалидами). Характерный штрих: если соотнести количество населения по данным Всесоюзной переписи 1939 г. с количеством Героев Советского Союза, удостоенных за подвиги в период Великой Отечественной войны, то калмыки окажутся на 6-м месте в списке народов СССР (см. табл. 3).

Таблица 3. Соотношение численности населения (в тыс.) различных национальностей к количеству Героев Советского Союза, присвоенных за отличия в Великой Отечественной войне

[Table 3. Proportions between ethnic population sizes (thousand) and numbers of Heroes of the Soviet Union during the Great Patriotic War]

Национальность	Численность населения по переписи 1939 г. (в тыс. чел.)	Количество Героев Советского Союза соответствующей национальности*	Итоговый коэффициент
Осетины	354	32	11,06
Русские	99 592	8 182	12,17
Украинцы	28 111	2 072	13,57
Адыгейцы	88	6	14,67
Абхазы	59	4	14,75
Калмыки	134	9	14,88
Белорусы	5 275	309	17,07
Башкиры	844	39	21,64
Мордовцы	1 456	61	23,87
Армяне	2 153	90	23,92

* Количество Героев Советского Союза уточнено по данным на 1991 г.

Если же провести аналогичные расчеты с переписью 1959 г., то из-за огромных демографических потерь, произошедших в результате депортации, делимое

заметно уменьшится, и калмыки вовсе переместятся на 2-е место, что и нашло отражение в публикации одного из авторов [Очиров 2019: 176–178].

Таким образом, обвинения, приведенные в Указе Президиума Верховного Совета СССР, совершенно несправедливы и огульны, без разбора реальной вины тех или иных людей.

Выселение калмыков

Выселение осуществлялось в несколько этапов. Первоначально (28 декабря 1943 г.) было выселено калмыцкое население из Калмыцкой АССР, Калмыцкого района Ростовской области, а также Ставропольского края. В ходе этой операции под названием «Улусы» было выселено 93 139 калмыков, в том числе 43 254 детей (26 369 семей) [Ссылка калмыков 1993: 123]. В январе 1944 г. было довыслано еще 64 семьи, которых упустили во время операции «Улусы». При этом многим калмыкам не объяснили, в какой регион (жаркий или холодный) и на какой срок они высылаются, не объявляли разрешенный объем груза (до 500 кг на семью), торопили при погрузке, не давая времени на сборы вещей и продовольствия. В панике старики и женщины не могли сообразить, что следует брать, грузили ненужные вещи или вовсе бросали все имущество. Эта поспешность в сборах в дальнейшем сыграла свою роковую роль. Многие из тех, кто не смог правильно подготовиться к депортации, умерли. И, наоборот, те калмыки, которым офицеры и солдаты НКВД оказали помощь, давали время на погрузку и забой скота, советы о том, какие вещи и продукты следует брать, смогли выжить.

Калмыки были погружены в 46 эшелонов, которые направлялись в регионы Сибири: в Алтайский и Красноярский края, Новосибирскую и Омскую области. В ходе высылки один из эшелонов (648 семей) был повернут на Аральское море, где потребовались опытные рыбаки (Кзыл-Ординскую область Казахской ССР). Конкретные цифры распределения по регионам калмыков, высланных в декабре 1943 г. — январе 1944 г. приведены в табл. 4.

Таблица 4. Сведения о количестве калмыков, высланных в регионы Сибири и Казахстана в декабре 1943 г. — январе 1944 г.

[Table 4. Numbers of Kalmyks deported to regions of Siberia and Kazakhstan, December 1943 to January 1944]

	Семей	Мужчин	Женщин	Детей до 16 лет	Всего чел.
Алтайский край	6 469	4 269	7 524	10 420	22 123
Красноярский край	7 528	4 448	8 845	11 705	24 998
Новосибирская область	5 455	3 579	5 605	7 252	16 436
Омская область	8 468	4 701	9 559	12 898	27 158
Кзыл-Ординская область	648	509	780	979	2 268

Вагоны были скотскими, не предназначенными для перевозки людей (как писалось в документах НКВД — «вагоны без нар, без окон, печи без колосников, большие щели»), плохо отапливались. В пути отсутствовало регулярное горячее питание, медицинская помощь. Все это привело к значительной смертности. По данным на 27 января 1944 г. (когда первый этап выселения был завершен) 1 640 калмыков умерло в пути следования, в том числе 642 ребенка, 262 взрослых (в возрасте от 16 до 40 лет) и 736 стариков. Среди причин смертности были указаны: воспаление легких — 488, желудочно-кишечные заболевания — 341, истощение — 227 и т. д. Следует заметить, что не все районы подготовились к приему спецпоселенцев, поэтому были случаи, когда калмыцким семьям приходилось по несколько дней или даже недель ждать «приемщиков» в неотапливаемых зданиях станций, что также отразилось на их смертности: 401 калмык умер во время разгрузки. Еще 1 010 калмыков госпитализировали в пути [[Ссылка калмыков 1993: 123](#)].

Как раз в этот период (март 1944 г.) система надзора за спецпоселенцами (районные и поселковые спецкомендуры НКВД) была выделена из региональных структур и подчинена вновь созданной структуре наркомата — отделу спецпоселений НКВД СССР.

В последующем органы НКВД начали учет калмыков в других регионах СССР, после чего их также высылали в Сибирь.

25 марта 1944 г. 2 628 калмыков (548 семей) было выслано из районов Ростовской области, ранее не охваченных операцией «Улусы» (Сальский, Дубовский, Котельниковский и др.). 8 апреля 1944 г. эшелон прибыл в Новосибирск. В эшелоне доехало 2 536 калмыков (489 мужчин, 881 женщина, 1 166 детей), притом, что в пути умерло 12 чел. (в том числе 5 детей) [[Ссылка калмыков 1993: 84–90](#)]. Однако разница между количеством высланных и прибывших в пункт назначения составила 92 чел.

Из вновь образованной Астраханской области весной 1944 г. было довыслано еще две группы калмыков. 20 марта 1944 г. в Омскую область прибыло 89 калмыков из районов бывшего Астраханского округа. 15 апреля 1944 г. Л. П. Берия приказал провести новую «зачистку» в Астраханской области (бывших районах Калмыкии). К 1 мая в результате «прочесывания калмыцких степей» было выявлено и отправлено еще 400 калмыков [Бугай 1991: 36].

2 июня 1944 г. началась операция по выселению калмыков из Сталинградской области. Эшелон, в который было погружено 1 169 калмыков (387 семей), прибыл в Свердловскую область 12 июня и сдал 1 178 калмыков (287 мужчин, 357 женщин, 534 ребенка), притом, что в пути умерло 5 чел. (в том числе 3 детей) [[Ссылка калмыков 1993: 94](#)].

Кроме того, началось снятие с фронтов калмыков-военнослужащих. К началу 1944 г. в составе Красной армии служило 6,8 тыс. калмыков, из которых в течение 1944 г. были демобилизованы и направлены на спецпоселение 102 офицера и 605 сержантов и рядовых из числа инвалидов и больных. Еще 3 443 сержантов и рядовых были направлены в Широковский исправительно-трудовой лагерь ГУЛАГ НКВД СССР для строительства Широковской ГЭС [[Максимов 2010: 345](#)]. Калмыки-военнослужащие прибывали в Широлаг и в 1945 г., правда, уже в небольших количествах. В этом лагере калмыков использовали на самых

тяжелых и опасных работах. Из-за тяжелых условий труда, невыполнимых норм, плохого питания солдаты-«широклаговцы» быстро доходили до стадии истощения. Многие военнослужащие (которые ранее были здоровыми молодыми мужчинами, годными для службы в армии) стали умирать от дистрофии, деменции, пеллагры, преждевременного одряхления организма [Широклаг 2000: 5]. По данным Н. К. Шарапова, работавшего в Широклаге в отделе статистики, только за год умерло 911 из 3,6 тыс. калмыков [Широкстрой 1994: 138]. Лишь весной 1945 г., когда стало понятно, что без турбоагрегатов форсированное строительство ГЭС бессмысленно, «широклаговцев» начали демобилизовать и отправлять к родственникам, на спецпоселение [Очиров, Воробьева 2020: 354–355].

После окончания войны из Красной армии в 1945 г. было демобилизовано 1 605 калмыков (без учета широлаговцев). Кроме того, из немецкого плена было репатрировано 4 327 калмыков-военнослужащих и 2 318 калмыков-гражданских из числа угнанных в Германию [Максимов 2013: 329]. Какая-то часть из них была осуждена и отбывала полученные сроки в лагерях¹, часть отправилась домой или к родственникам, на места спецпоселений, а оставшиеся были направлены на различные предприятия или отдаленные районы сроком на 6 лет, в статусе тех же спецпоселенцев. Из Астраханской и Ростовской областей в 1945–1948 гг. довыселялись не выявленные ранее калмыки, но, как правило, это были демобилизованные или репатриированные (которых мы уже учли ранее). Наконец, в декабре 1948 г. на учет были взяты 932 калмыка из числа высланных во время борьбы с кулачеством (Казахстан, Киргизия, Тюменская, Новосибирская, Томская и Свердловская области) и еще 106 калмыков, проживавших в других регионах, не подвергшихся спецоперации [Максимов 2013: 347]. Кроме того, к 1949 г. на спецпоселение прибыло 1 035 калмыков, освобожденных из мест заключений.

Таким образом, мы можем говорить о том, что в 1949 г. в общей сложности на спецпоселении должно было оказаться более 116 тыс. калмыков. По данным Всесоюзной переписи 1939 г. в СССР проживало 134 тыс. калмыков, включая около 3 тыс. киргизских сарт-калмыков, которые не являлись калмыками и не подвергались репрессиям. Если из оставшейся цифры вычесть более 9 тыс. калмыков, погибших на фронтах Великой Отечественной, неизвестное количество гражданского населения, погибшего в годы войны или не вернувшегося после угона на запад, то можно прийти к выводу о том, что почти весь калмыцкий народ оказался выслан на спецпоселение.

Проживание на спецпоселении

Первоначально калмыки расселялись в Алтайский и Красноярский края, Новосибирскую и Омскую области РСФСР. В ходе высылки один из эшелонов был повернут на Арал (Кзыл-Ординскую область). Так образовались первые спецпоселения калмыков в Казахстане, а затем и в Узбекистане. В июне 1944 г. калмыки из Сталинградской области были выселены в Свердловскую область. В августе 1944 г. из состава Новосибирской области выделилась Томская область, из состава Омской и Курганской областей — Тюменская область. В

¹ По данным на 1947 г., в местах заключения значились 1 530 калмыков (включая 16 детей), на 1 июля 1952 г. — 2 072 калмыка [Максимов 2013: 344, 353].

последующем крупные группы калмыков вербовались на работы в сложных климатических условиях: в Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа, Якутию, на Сахалин и т. д. Кроме того, калмыки старались перебраться в более привычные условия — в Казахстан и Киргизию. Таким образом, калмыки-спецпереселенцы оказались рассеяны на огромных просторах, вплоть до Ледовитого и Тихого океанов.

Сам процесс выселения осуществлялся с большой поспешностью. Фининспекторы за день—два до начала депортации постарались собрать с калмыков максимально возможный объем налогов, взыскали все недоимки. Огромное количество имущества, скота и др. пропало. В ряде случаев сотрудники НКВД отбирали деньги, понравившиеся им вещи. Прием имущества и скота, оставляемого в Калмыкии, осуществлялся с нарушениями или не осуществлялся вовсе. Даже в тех случаях, когда происходил прием скота, соответствующие квитанции на руки спецпереселенцам не выдавались. Во многих калмыцких селах, где не осталось населения, «скот ходил в степи без призора» [[Ссылка калмыков 1993: 124](#)], расхищался или просто вымер без ухода людей. По оценке старшего инспектора контрольно-инспекторского отдела ГУЛАГ НКВД СССР Полюдова из предполагаемых 142 тыс. голов скота было принято 120 тыс. [[Ссылка калмыков 1993: 124](#)].

В результате этого при выселении калмыков фактически лишили большей части имущества. Многочисленные нарушения инструкции по выселению, поспешность в сборах в дальнейшем сыграли свою роковую роль. Как упоминалось выше, только в первой волне от голода и холода в пути и при разгрузке умерло более 2 тыс. калмыков, еще более 1 тыс. заболело. Однако еще большие демографические потери произошли у калмыков после прибытия на места спецпоселений. Инструкция требовала расселять калмыков только на территориях колхозов, совхозов и лесхозов. Им запрещалось селиться на территориях городов, где они могли быстрее всего найти работу и, соответственно, пропитание для себя. Позже некоторым удалось устроиться на работу в городах, но первоначально калмыков старались расселять исключительно в сельской местности. И если совхозы и лесхозы были обязаны брать к себе таких спецпоселенцев (состоявших большей частью из стариков, женщин и детей), то колхозы (как кооперативные объединения) формально имели право не принимать в свой состав (и, соответственно, не предоставлять им работы) новых насельников. Даже после приема на работу новые члены колхозов только начинали получать трудовни, которые «обналичить» в виде денег или натуральных продуктов они могли не скоро. Многие калмыки, особенно из числа тех, кто не получил работу, и нетрудоспособных иждивенцев были вынуждены искать посторонние источники пропитания: продавали привезенные вещи (в том числе одежду и обувь), занимались собирательством в лесу, нанимались на поденную работу, просили подавание и т. д. Неудивительно, что вскоре большинство калмыков-спецпереселенцев оказались в состоянии полной нищеты.

Распределяя калмыков по селам, органы НКВД требовали от руководства хозяйств заселять спецпоселенцев в пустующие здания (клубы, сараи, амбары, бани, шалаши и прочие помещения, неприспособленные для проживания) или бесплатно подселать к местным жителям, что не вызывало большой радости у последних. Начальник НКВД по Новосибирской области Ф. П. Петровский и

начальник отдела спецпоселений УНКВД Новосибирской области Г. С. Жуков писали в своем докладе начальнику отдела спецпоселений НКВД СССР полковнику госбезопасности М. В. Кузнецову, что «на 1 октября 1944 г. из 5 818 семей калмыков, расселенных в области только 682 семьи (11 %) имели сколько-нибудь пригодные к зиме жилища... до 80 % калмыков, особенно проживающих в сельской местности, были разуты и раздеты» [[История сталинского Гулага 2004: 450–451](#)].

Заместитель наркома НКВД В. В. Чернышев 19 апреля 1944 г., анализируя положение калмыков-спецпоселенцев в Омской области, писал, что из 8,4 тыс. семей калмыков почти 5,5 тыс. оказались размещены «в порядке уплотнения местных жителей. Благодаря этому многие спецпереселенцы находятся в тяжелых жилищно-бытовых условиях» [[Ссылка калмыков 1993: 151](#)]. Мало того, значительная часть колхозов области свое право не принимать новых колхозников использовала отнюдь не формально. Из 12 677 калмыков, расселенных в колхозах Омской области, к апрелю 1944 г. в колхозы вступило всего 3 738 чел. При этом в 7 районах из 19, предназначенных для расселения спецпоселенцев, ни один калмык не вступил в колхоз. Все это привело к голоду, истощению людей, росту заболеваемости, появлению эпидемий и повышенной смертности. Всего за период с 22 января по 10 марта 1944 г. в Омской области умерло 475 калмыков. 18 апреля 1944 г. нарком госбезопасности СССР В. Н. Меркулов в докладной записке наркому НКВД Л. П. Берии, описывая положение калмыков в Омской области, констатировал, что в январе–феврале от недоедания только в Исиль-Кульском районе умерло 109 калмыков. Например, в колхозе им. Коминтерна в 8 маленьких домах было размещено 122 калмыка, из которых 25 чел. уже умерли от недоедания. При этом имели место случаи гибели целых семейств. 10 семей в колхозе лежали опухшими от голода [[Ссылка калмыков 1993: 150](#)].

Не лучше положение калмыков было в лесхозах и совхозах. На Томский лесоперевалочный комбинат было направлено 399 семей (1 415 калмыков, включая стариков и детей). Руководство комбината расселило их, где только могло, в основном, в помещениях, не приспособленных для проживания. Скученность в них была большая, в комнатах не было стекол, печи дымили в помещения. Вышеупомянутый Г. С. Жуков, проводивший инспекцию комбината 4–5 ноября 1944 г., писал, что у калмыков «жилфонд не превышает полутора квадратных метров на человека». К началу проверки умерло уже 103 калмыка, в основном от дистрофии и туберкулеза. Из 240 калмыков, подвергнутых медосвидетельствованию, 58 оказались с тяжелой формой дистрофии, 10 — с открытой формой туберкулеза, 31 — со скрытой формой туберкулеза. Из 501 калмыка, прошедших врачебную комиссию, 244 оказались инвалидами, 54 — «в силу истощения... годны только к легкому физическому труду» [[Ссылка калмыков 1993: 170](#)]. 58 семей калмыков (189 человек, в том числе 97 детей), поселенных на комбинате, оказались вообще не трудоспособными. Они выживали только за счет продажи половины хлеба, полученного по иждивенческим карточкам. Комбинат обеспечил трудоспособных трехразовым питанием, «но у многих калмыков не хватает денег, чтобы выкупать обеды» [[Ссылка калмыков 1993: 170](#)]. Семьям спецпереселенцев выделили огороды, но из-за отсутствия семян они были засеяны плохо. «Особенно остро обстоит дело с одеждой и обувью. До

75 % всех калмыков совершенно не имеют сколь-нибудь пригодной для зимы одежды и обуви... Нередки случаи, когда... в условиях начавшихся морозов люди работают полураздетыми и полубосыми... В бараках нередко встречаются совершенно голые дети, среди них — рахитики, опухшие...» [Ссылка калмыков 1993: 170].

Власти предпринимали попытки по помощи калмыкам-спецпереселенцам: выделяли ссуды, продовольственную и иную материальную помощь, приусадебные участки и огороды. Калмыков (как и других спецпереселенцев) освободили от сельхозналогов за 1945 г. Тем не менее первые годы на спецпоселении среди калмыков была очень высокая смертность, особенно детская. По данным К. Н. Максимова, в 1944 г. в Алтайском крае умерло 2 507 калмыков (11,3 % от числа принятых), в том числе 1 861 (8,4 %) — в первом полугодии, в Красноярском крае — 3 538 калмыков (14,15 %), в том числе 2 009 (8,04 %) — в первом полугодии, в Новосибирской области — 1 510 калмыков (8,4 %), в Томской области — 261 калмык (17,4 %), в Омской области (в границах сентября 1944 г.) — 1 856 калмыков (16,3 %), в Тюменской области — 1 755 калмыков (12,3 %), в Свердловской области — 106 калмыков (9,04 %) [Максимов 2013: 315–319]. Сведения о количестве умерших и вновь родившихся в 1944–1952 гг. калмыков-спецпоселенцев, выявленные К. Н. Максимовым, приведены в табл. 5.

Таблица 5. Смертность и рождаемость калмыков-спецпереселенцев в 1945–1952 гг. [Максимов 2013: 319, 344, 350, 352]

[Table 5. Death and birth rates among repressed Kalmyks, 1945–1952]

Год	Родилось	Умерло
1944 г.	?	11 717 (в том числе 4 210 детей)
1945 г.	351	8 329 (в том числе 3 735 детей)
1946 г.	628	2 187
1947 г.	757	2 358
1948 г.	1 135	2 766
1949 г.	2 058	1 903
1950 г.	2 914	2 257
1951–1952 гг.	4 242	3 104

Как видно, цифры демографических потерь по данным отдела спецпоселений весьма велики, на наш взгляд, они явно не полные. Например, в 1944 г. в места спецпоселений было выселено как минимум 98 тыс. калмыков (без учета широлаговцев), что за вычетом 11,7 тыс. умерших должно было дать 86 тыс. чел. Но по справке отдела спецпоселений НКВД СССР на 1 октября 1944 г. (т. е. даже не на конец года) значилось 83 688 калмыков [Ссылка калмыков 2001: 145]. Очевидно, что количество умерших калмыков было заметно больше.

Тем не менее указанные цифры отдела спецпоселений хорошо показывают динамику смертности калмыков. Через три года на спецпоселении значилось 74 918 калмыков, а еще 1 364 калмыка были освобождены от учета. Тогда же всем спецпереселенцам был объявлен Указ Президиума Верховного совета СССР от 26 ноября 1948 г. о том, что выселение произведено «навечно», а за побег с мест спецпоселений грозили 20-летней каторгой. Сразу после этого

был произведен переучет спецпереселенцев, который выяснил, что на учете значилось 73 727 калмыков, а еще 268 — бежало с мест поселения (в том числе 141¹ — в 1945–1947 гг., 127 — в 1948 г.) [Бугай 1991б: 71]. Характерно, что лишь в 1949 г. рождаемость у калмыков стала хоть ненамного, но превышать смертность (на 8 %). С этого периода можно говорить о том, что жизнь и быт калмыков-спецпереселенцев наладились хотя бы в минимальной степени, тяжелый период первой адаптации завершился. Однако в жизни калмыков продолжали сохраняться серьезные ограничения, в том числе на поступление в вузы и службе в армии.

По данным на 1 января 1953 г. на учете органов МГБ СССР значилось 81 475 калмыков [Ссылка калмыков 1993: 232], из которых 79 376 чел. (23 098 мужчин, 30 360 женщин, 25 918 детей до 16 лет) находились на спецпоселении, 2 040 чел. — в местах заключения, 59 — числились бежавшими [Максимов 2013: 355]. После смерти И. В. Сталина положение спецпереселенцев заметно облегчилось, причем инициаторами этих послаблений выступили органы госбезопасности во главе с Л. П. Берией. В 1953 г. были разрешены командировки в другие районы, в 1954 г. — с учета были сняты дети до 16 лет и студенты-спецпоселенцы, а ежемесячная регистрация взрослых была заменена на ежегодную, в 1955 г. — с учета были сняты участники Великой Отечественной войны, кавалеры орденов и медалей. В марте 1956 г. административный надзор органов МВД над калмыками был отменен полностью, но возвращение на родину им запрещалось. Лишь 9 января 1957 г. автономия Калмыкии была восстановлена в форме автономной области, а калмыкам разрешили вернуться на родину. Словосочетание «13 лет 13 дней» стало в народе устойчивой фольклорной формулой, обозначающей в истории калмыцкого народа период депортации.

Во второй части статьи будут рассмотрены проблемы поиска и сохранения архивных материалов о жизни калмыков на спецпоселении в Сибири в 1944–1957 гг.

Источники

- Депортации 1992 — Депортации народов СССР (1930–1950-е годы). Ч. 1. Документальные источники ЦГАОР. Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XII / сост. О. Л. Милова. М.: ИЭА РАН, 1992. 353 с.
- Депортация 2014 — Депортация в памяти поколений / сост. С. Э. Лиджи-Горяева и др. Элиста: Джангар, 2014. 294 с.
- Забвению не подлежит 2014 — Забвению не подлежит / сост. И. В. Лиджиева, К. Э. Манцева. Элиста: КИГИ РАН, 2014. 163 с.
- Из истории 2001 — Из истории земли томской. 1940–1956. Невольные сибиряки: Сб. док. и материалов / сост.: И. В. Нам и др. Томск: Гос. арх. Том. обл., 2001. 349 с.
- Иосиф Сталин 1992 — Иосиф Сталин — Лаврентию Берия: «Их надо депортировать»: Документы, факты, комментарии / сост. Н. Ф. Бугай. М.: Дружба народов, 1992. 288 с.
- История сталинского Гулага 2004 — История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собр. док-тов в 7 т. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР / отв. ред. и сост. Т. В. Царевская-Дякина. М.: РОССПЭН, 2004. 824 с.

¹ Имелось в виду, из числа еще не пойманных. Только в январе–мае 1944 г. с мест спецпоселений бежало (или были признаны бежавшими) 278 калмыков, но 138 из них были пойманы [История сталинского Гулага 2004: 439].

- Калмыки 2019 — Калмыки. Депортация. Возвращение: к 75-летию депортации калмыцкого народа / Сост. С. Э. Лиджи-Горяева и др. Элиста: ИКИАТ, 2014. 519 с.
- Калмыкия 2006 — Калмыкия в партизанском движении 1941–1945 гг.: документы и материалы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. 432 с.
- Книга Памяти 1993 — Книга Памяти ссылки калмыцкого народа. Т. 2. Кн. 1. А–К. Высланы... Оставлены навечно / отв. за вып. Т. Ф. Овшинова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 336 с.
- Книга Памяти 1994 — Книга Памяти ссылки калмыцкого народа. Т. 2. Кн. 2. Л–Я. Высланы... Оставлены навечно... / отв. за вып. Т. Ф. Овшинова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 544 с.
- Книга Памяти 1998 — Книга Памяти ссылки калмыцкого народа. Т. 2. Кн. 3. А–Я. Высланы... Оставлены навечно... / ред. совет: К. Н. Илюмжинов (пред.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 574 с.
- Книга Памяти 2000 — Книга Памяти ссылки калмыцкого народа. Т. 2. Кн. 4. А–Я. Высланы... Оставлены навечно... / ред. совет: В. А. Бембетов, А. В. Дорждеев и др. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2000. 343 с.
- Лубянка 2006 — Лубянка. Сталин и НКВД–НКГБ–ГУКР «СМЕРШ». 1939 — март 1946 / Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти / Сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М.: МФД; Материк, 2006. 640 с.
- Мы — из высланных 2003 — Мы — из высланных навечно. Воспоминания депортированных калмыков (1943–1957 гг.) / сост. и ред. П. О. Годяев. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 464 с.
- НКВД–МВД СССР 2008 — НКВД–МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956): Сборник документов. М.: Объединенная редакция МВД, 2008. 369 с.
- Ссылка калмыков 1993 — Книга Памяти ссылки калмыцкого народа. Т. 1. Ссылка калмыков: как это было: Сборник документов и материалов. Кн. 1 / сост. П. Д. Бакаев, Н. Ф. Бугай, Л. С. Бурчинова и др. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 264 с.
- Ссылка калмыков 2001 — Книга Памяти ссылки калмыцкого народа. Т. 1. Ссылка калмыков: как это было: Сборник документов и материалов. Кн. 2 / сост. В. З. Атуева, Л. С. Бурчинова, С. А. Гладкова и др. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 237 с.
- Сталинские депортации 2005 — Сталинские депортации. 1928–1953 гг. / сост. Н. Л. Поболь, П. М. Полян. М.: МФД; Материк, 2005. 904 с.
- Широклаг 2000 — Широклаг. Широкстрой: Списки калмыков-военнослужащих рядового и сержантского состава, отозванных с фронтов в 1944–1945 гг. (Книга памяти ссылки калмыцкого народа. Т. 3. Кн. 1) / сост. А. Б. Баирова, Т. Ч. Бембеева, С. Э. Лиджи-Горяева, Р. В. Неяченко. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2000. 294 с.
- Широкстрой 1994 — Широкстрой: Широклаг: Сб. воспоминаний воинов-калмыков, участников строительства Широковской ГЭС / сост. и вступ. ст. Р. В. Неяченко. Элиста: Джангар, 1994 (Книга памяти ссылки калмыцкого народа. Т. 3. Кн. 2). 190 с.

Sources

- Atueva V. Z. (comp.) Kalmykia in Guerrilla Movements, 1941–1945. Documents and materials. Elista: Kalmykia Book Publ., 2006. 432 p. (In Russ.)
- Atueva V. Z. et al. (comps.) Memorial Book of Kalmyk Deportation. Vol. 1. Book 2: Kalmyk Deportation. How It Was. Collected documents and materials. Elista: Kalmykia Book Publ., 2001. 237 p. (In Russ.)
- Bairova A. B. et al. (comps.) Memorial Book of Kalmyk Deportation. Vol. 3. Book 1: Shirokstroy. Shiroklag. Name lists of Kalmyk soldiers and non-commissioned officers

- withdrawn from front line combat service in 1944–1945. Elista: Kalmykia Book Publ., 2000. 294 p. (In Russ.)
- Bakaev P. D. et al. (comps.) Memorial Book of Kalmyk Deportation. Vol. 1. Book 1: Kalmyk Deportation. How It Was. Collected documents and materials. Elista: Kalmykia Book Publ., 1993. 264 p. (In Russ.)
- Bugay N. F. (comp.) Joseph Stalin — Lavrentiy Beria: ‘Be Those Deported’. Documents, Facts, Comments. Moscow: Druzhba Narodov, 1992. 288 p. (In Russ.)
- Godaev P. O. (comp., ed.) We Are the Forever Deported: Memoirs of Repressed Kalmyks, 1943–1957. Elista: Dzhangar, 2003. 464 p. (In Russ.)
- Khaustov V. N., Naumov V. P., Plotnikova N. S. (comps.) Lubyanka. Stalin and NKVD–NKGB–SMERSH, 1939 — March 1946. Stalin’s Archives. Documents of Supreme Party and Government Authorities. Moscow: MFD; Materik, 2006. 640 p. (In Russ.)
- Lidzhieva I. V., Mantseva K. E. Never Be Forgotten. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2014. 163 p. (In Russ.)
- Lidzhi-Goryaeva S. E. et al. (comps.) Deportation in Memories of Generations. Elista: Dzhangar, 2014. 294 p. (In Russ.)
- Lidzhi-Goryaeva S. E. et al. (comps.) Kalmyks. Deportation. Return: Towards the 75th Anniversary of Kalmyk Deportation. Elista: IKIAT, 2014. 519 p. (In Russ.)
- Memorial Book of Kalmyk Deportation. Vol. 2. Book 3: А–Я. The Deported and Left behind Forever. Executive Office of the President of the Republic of Kalmykia. Elista: Kalmykia Book Publ., 1998. 574 p. (In Russ.)
- Memorial Book of Kalmyk Deportation. Vol. 2. Book 4: А–Я. The Deported and Left behind Forever. Executive Office of the President of the Republic of Kalmykia. Elista: Kalmykia Book Publ., 2000. 343 p. (In Russ.)
- Milova O. L. (comp.) Soviet Peoples Deported, 1930s–1950s. Part 1: Documentary Sources from the October Revolution Central State Archive. Ser. ‘Peoples and Cultures’. Vol. XII. Moscow: Institute of Ethnography and Anthropology (RAS), 1992. 353 p. (In Russ.)
- Nam I. V. et al. (comps.) Tomsk Land, 1940–1956: Glimpses of History. The Forced Siberians. Collected documents and materials. Tomsk: State Archive of Tomsk Oblast, 2001. 349 p. (In Russ.)
- Neyachenko R. V. (comp.), Oglaev Yu. O. (ed.) Memorial Book of Kalmyk Deportation. Vol. 3. Book 2: Shirokstroy. Shiroklag. Collected memoirs of survived Kalmyk Red Army servicemen on Shirokovsky Forced Labor Camp. Elista: Dzhangar, 1994. 190 p. (In Russ.)
- Ovshinova T. F. (ed.) Memorial Book of Kalmyk Deportation. Vol. 2. Book 1: А–К. The Deported and Left behind Forever. Elista: Kalmykia Book Publ., 1993. 336 p. (In Russ.)
- Ovshinova T. F. (ed.) Memorial Book of Kalmyk Deportation. Vol. 2. Book 2: Л–Я. The Deported and Left behind Forever. Elista: Kalmykia Book Publ., 1994. 544 p. (In Russ.)
- Pobol N. L., Polyan P. M. (comps.) Stalin’s Deportations, 1928–1953. Moscow: MFD; Materik, 2005. 904 p. (In Russ.)
- Tsarevskaya-Dyakina T. V. (comp., ed.) A History of Stalin’s Gulag, Late 1920s to Mid-1950s. Collected documents. In 7 vols. Vol. 5: Forced Settlers in the USSR. Moscow: ROSSPEN, 2004. 824 p. (In Russ.)
- Vladimirtsev N. I., Kokurin A. I. (comps.) NKVD–MVD of the USSR: Struggling against Banditry and Nationalist Resistance Movements in Western Ukraine, Western Belorussia and the Baltic, 1939–1956. Collected documents. Moscow: Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008. 369 p. (In Russ.)

Литература

- Бугай 1989 — Бугай Н. Ф. К вопросу о депортации народов СССР в 30–40-х годах // История СССР. 1989. № 6. С. 135–144.

- Бугай 1991а — Бугай Н. Ф. Погружены в эшелоны и отправлены к местам поселений... Л. Берия — И. Сталину // История СССР. 1991. № 1. С. 143–165.
- Бугай 1991б — Бугай Н. Ф. Операция «Улусы». Элиста: [б. и.], 1991. 88 с.
- Бугай 1992а — Бугай Н. Ф. 40–50-е годы: последствия депортации народов (свидетельствуют архивы НКВД-МВД СССР) // Отечественная история. 1992. № 1. С. 122–143.
- Бугай 1992б — Бугай Н. Ф. 20–40-е годы: депортация населения с территории Европейской России // Отечественная история. 1992. № 4. С. 37–49.
- Бугай 1995 — Бугай Н. Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно вашему указанию...». М.: АИРО-XX, 1995. 320 с.
- Бугай 2011 — Бугай Н. Ф. Л. Берия — И. Сталину: «После Ваших указаний проведено следующее...». М.: Гриф и К°, 2011. 507 с.
- Годаев, Шурунгов 2005 — Годаяев П. О., Шурунгов А. Б. Операция «Парашютисты» // Во имя безопасности России. Элиста: УФСБ РФ по Республике Калмыкия, 2005. С. 159–170.
- Гучинова 2004 — Гучинова Э.-Б. Улица «Kalmuk Road»: История, культура и идентичности в калмыцкой общине США. СПб.: Алетейя, 2004. 328 с.
- Гучинова 2005а — Гучинова Э.-Б. Помнить нельзя забыть. Антропология депортационной травмы калмыков. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2005. 283 с.
- Гучинова 2005б — Гучинова Э.-Б. У каждого своя Сибирь. Два рассказа о депортации калмыков // Антропологический форум. 2005. № 3. С. 400–444.
- Гучинова 2007 — Гучинова Э.-Б. «Я — высланная, ты — без ноги». Депортация калмыков (1943–1956): гендерный взгляд // Acta Slavica Iaponica. 2007. Т. 24. Р. 74–99.
- Гучинова 2019 — Гучинова Э.-Б. У каждого своя Сибирь. Две истории о депортации калмыков (интервью с С. М. Ивановым и С. Э. Нарановой) // Oriental Studies. 2019. Т. 12. № 3. С. 397–422. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-397–422
- Гучинова 2020 — Гучинова Э.-Б. У каждого своя Сибирь. Годы войны и депортации в монологах Л. Т. Дорджиева и Е. С. Басановой // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 4. С. 976–1011. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-976–1011
- Гучинова 2021 — Гучинова Э.-Б. Как калмыки рассказывают о депортации: дискурсивные стратегии нарратива // Сибирские исторические исследования. 2021. № 2. С. 30–52.
- Дробязко 2004 — Дробязко С. И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941–1945 гг. М.: Эксмо, 2004. 608 с.
- Зберовская 2010 — Зберовская Е. Л. Спецпоселенцы в Сибири (1940–1950-е гг.). Красноярск: Изд-во Красноярского гос. аграрного ун-та, 2010. 179 с.
- Земсков 1990 — Земсков В. Н. Спецпоселенцы (по документам НКВД-МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 3–17.
- Земсков 1991а — Земсков В. Н. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 151–165.
- Земсков 1991б — Земсков В. Н. Массовое освобождение спецпереселенцев и ссыльных (1954–1960 гг.) // Социологические исследования. 1991. № 1. С. 5–26.
- Земсков 2005 — Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР: 1930–1960: дисс. ... д-ра ист. наук. М., 2005. 415 с.
- Иванов 2013 — Иванов А. С. Депортированные калмыки на территории Омской и Тюменской областей 1943–1959 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Сургут, 2013. 269 с.
- Иванов 2014 — Иванов А. С. «Изъять, как антисоветский элемент...»: калмыки в государственной политике (1943–1959 гг.). М.: ИРИ РАН, 2014. 294 с.
- Максимов 2010 — Максимов К. Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М.: Наука, 2010. 406 с.

- Максимов 2013 — *Максимов К. Н.* Калмыкия в советскую эпоху: политика и реалии. Элиста: Герел, 2013. 464 с.
- Очерки истории 1970 — Очерки истории Калмыцкой АССР. Т. 2. Эпоха социализма. М.: Наука, 1970. 432 с.
- Очиров 2019 — *Очиров У. Б.* Жители Калмыкии — военнослужащие Красной армии, представленные, но не награжденные «Золотой Звездой» // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2019. № 2. С. 174–188.
- Очиров, Воробьева 2020 — *Очиров У. Б., Воробьева В. Н.* Калмыки-военнослужащие Красной армии в Широклаге: статистическое исследование // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 2. С. 330–357. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-48-2-330-357
- Полян 2001 — *Полян П. М.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: ОГИ, 2001. 315 с.
- Серазетдинов, Иванов 2007 — *Серазетдинов Б. У., Иванов А. С.* История повседневной жизни калмыков на Югорской земле в военное лихолетье 1941–1945 гг. Сургут: Изд-во СурГУ, 2007. 208 с.
- Убушаев 1991 — *Убушаев В. Б.* Калмыки: выселение и возвращение. Элиста: Санан, 1991. 96 с.
- Убушаев 2007 — *Убушаев В. Б., Убушаев К. В.* Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943–1957 гг. Элиста: КалмГУ, 2007. 496 с.

References

- Bugay N. F. Beria to Stalin: ‘After Receipt of Your Directives the Following Measures Were Undertaken ...’. Moscow: Grif & Co., 2011. 507 p. (In Russ.)
- Bugay N. F. Beria to Stalin: ‘In Accordance with Your Directive ...’. Moscow: AIRO-XX, 1995. 320 p. (In Russ.)
- Bugay N. F. Beria to Stalin: ‘Loaded onto freight trains and sent to destined areas’. *Istoriya SSSR*. 1991. No. 1. Pp. 143–165. (In Russ.)
- Bugay N. F. Operation Ulusy. Elista, 1991. 88 p. (In Russ.)
- Bugay N. F. Revisiting 1930s–1940s deportations of Soviet peoples. *Istoriya SSSR*. 1989. No. 6. Pp. 135–144. (In Russ.)
- Bugay N. F. The 1920s–1940s: Deportations from European Russia. *Otechestvennaya istoriya*. 1992. No. 4. Pp. 37–49. (In Russ.)
- Bugay N. F. The 1940s–1950s: Consequences of ethnic deportations (Accounts from the NKVD-MVD of the USSR). *Otechestvennaya istoriya*. 1992. No. 1. Pp. 122–143. (In Russ.)
- Chugaev D. A. (ed.) *Kalmyk ASSR: Historical Essays. Vol. 2: Socialist Era*. Moscow: Nauka, 1970. 432 p. (In Russ.)
- Drobyazko S. I. *Under Banners of the Enemy: Anti-Soviet Units of Nazi Germany’s Military, 1941–1945*. Moscow: Eksmo, 2004. 608 p. (In Russ.)
- Godaev P. O., Shurungov A. B. Operation Parashyutisty. In: *In the Name of Russia’s Security*. Elista: Federal Security Service (Kalmykia Dept.), 2005. Pp. 159–170. (In Russ.)
- Guchinova E.-B. ‘Everyone has one’s own Siberia’: Two stories of the Kalmyk Deportation (Interviews with S. M. Ivanov and S. E. Naranova). *Oriental Studies*. 2019. Vol. 12. No. 3. Pp. 397–422. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-397–422
- Guchinova E.-B. ‘Everyone has one’s own Siberia’: Years of war and deportation in monologues of Lidzhi T. Dordzhiev and Elizaveta S. Basanova. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 4. Pp. 976–1011. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2020-50-4-976–1011
- Guchinova E.-B. ‘I was deported, you lost your leg’: Kalmyk Deportation of 1943–1956 in a gender perspective. *Acta Slavica Iaponica*. 2007. Vol. 24. Pp. 74–99. (In Russ.)
- Guchinova E.-B. *Everyone has one’s own Siberia: Two stories of Kalmyk Deportation*. Forum for Anthropology and Culture. 2005. No. 3. Pp. 400–444. (In Russ.)

- Guchinova E.-B. How Kalmyks talk about deportation: Discursive narrative strategies. *Siberian Historical Research*. 2021. No. 2. Pp. 30–52. (In Russ.)
- Guchinova E.-B. *Kalmuk Road: History, Culture, and Identity in U.S. Kalmyk Community*. St. Petersburg: Aletheia, 2004. 328 p. (In Russ.)
- Guchinova E.-B. *To Be Remembered Not Forgotten: Anthropology of Kalmyk Deportation Trauma*. Stuttgart: Ibidem, 2005. 283 p. (In Russ.)
- Ivanov A. S. 'To Be Expelled as Ant-Soviet Elements ...': Kalmyks in State Policies, 1943–1959. Moscow: Institute of Russian History (RAS), 2014. 294 p. (In Russ.)
- Ivanov A. S. *Deported Kalmyks in Omsk and Tyumen Oblasts, 1943–1959*. Cand. Sc. (history) thesis. Surgut, 2013. 269 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. *Kalmykia in the Soviet Era: Policy and Realia*. Elista: Gerel, 2013. 464 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. *The Great Patriotic War: Kalmykia and Kalmyks*. Moscow: Nauka, 2010. 406 p. (In Russ.)
- Ochirov U. B. Singled out never to be awarded: Kalmyk Red Army servicemen and the title Hero of the Soviet Union. *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2019. No. 2. Pp. 174–188. (In Russ.)
- Ochirov U. B., Vorobyova V. N. Kalmyk Red Army soldiers in Shirokovsky Forced Labor Camp: A statistical survey. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 2. Pp. 330–357. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-48-2-330-357
- Polyan P. M. 'Unwillingly...': History and Geography of Forced Migrations in the USSR. Moscow: OGI, 2001. 315 p. (In Russ.)
- Serazetdinov B. U., Ivanov A. S. *Kalmyks in Yugra Land during the Harsh War Years, 1941–1945: A History of Household Life*. Surgut: Surgut State University, 2007. 208 p. (In Russ.)
- Ubushaev V. B. *The Kalmyks: Deportation and Return*. Elista: Sanan, 1991. 96 p. (In Russ.)
- Ubushaev V. B., Ubushaev K. V. *The Kalmyks: Deportation, Return, 1943–1957*. Elista: Kalmyk State University, 2007. 496 p. (In Russ.)
- Zberovskaya E. L. *Forced Settlers in Siberia, 1940s–1950s*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University, 2010. 179 p. (In Russ.)
- Zemskov V. N. *Forced Settlers in the USSR, 1930s–1960s*. Dr. Sc. (history) thesis. Moscow, 2005. 415 p. (In Russ.)
- Zemskov V. N. *Forced settlers: A case study of documents from the NKVD–MVD of the USSR*. *Sotsiologicheskie issledovaniya (Sociological Studies)*. 1990. No. 11. Pp. 3–17. (In Russ.)
- Zemskov V. N. *Mass liberation of forced settlers and repressed individuals, 1954–1960*. *Sotsiologicheskie issledovaniya (Sociological Studies)*. 1991. No. 1. Pp. 5–26. (In Russ.)
- Zemskov V. N. *Prisoners, forced and relocated settlers, the repressed deported: A statistical-and-geographical aspect*. *Istoriya SSSR*. 1991. No. 5. Pp. 151–165. (In Russ.)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК / UDC 811.512.37

DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-764-774

Сообщения о подарках в калмыцких деловых текстах XVIII в. (на материале писем хана Аюки и их русских переводов)

Галина Михайловна Ярмаркина¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-3701-9157. E-mail: yarmarkinagm@kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2021

© Ярмаркина Г. М., 2021

Аннотация. *Введение.* Обмен подарками входит в круг культурно-маркированных стереотипов поведения, нередко выступая в качестве важного элемента традиционных обычаев и обрядов разных народов. Подарок представляет собой дополнительное средство коммуникации, способствующее налаживанию и поддержанию хороших отношений: одной из основных характеристик подарка в исследованиях по антропологии, культурологии, социальной психологии, этнолингвистике указывается его регулятивная функция. Памятники калмыцкой деловой письменности XVIII в., в частности письма хана Аюки, содержат сообщения о подарках, направленных адресату вместе с посланцами, и могут рассматриваться в качестве источника информации об этикетной ситуации дарения, а также служить материалом исследования культурно-маркированных языковых единиц. *Цель* статьи — анализ сообщений о подарках в деловых письмах хана Аюки и их синхронических русских переводах. *Материалы и методы.* Материалом для статьи послужили письма калмыцкого хана Аюки за 1688–1719 гг., хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов. Для выявления стратегий перевода культурно-маркированной лексики привлекаются как синхронические, так и диахронические переводы на русский язык калмыцких писем XVIII в. В работе используются описательный, сравнительно-сопоставительный методы, а также метод контекстуального анализа. *Результаты и выводы.* Сообщения о подарках, выдержанные в общем лаконичном стиле изложения деловых писем, в структуре текста занимают финальную позицию; основной целью послания сообщение о подарке является в редких случаях. Экспликация адресата как получателя подарка не характерна, адресат эксплицируется лишь в сообщениях, объясняющих причину подарка. Языковой материал содержит в себе культурно-маркированные единицы — наименования предметов, служащих подарками. В письмах хана Аюки отражена традиция преподносить в дар лошадей, верхнюю одежду, ткани, некоторые элементы костюма. В кругу культурно-маркированной лексики (в том числе безэквивалентной), составляющей в деловых письмах семантическое поле «подарок», выделяется наименование *arčiultai idēn*, денотативное значение которого остается не до конца выясненным. В синхронических

русских переводах, где дарители, одариваемые и подарки обозначены более конкретно, *arčiultai idēn* передается сочетанием платок ягод, что, с одной стороны, уточняет экстралингвистическую основу наименования, но, с другой стороны, не заполняет все лакуны в содержании этнолингвистически значимого понятия.

Ключевые слова: калмыцкие деловые письма XVIII в., русский перевод XVIII в., подарок, конь, платок, адресант, адресат

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии по проекту «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии, Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Ярмаркина Г. М. Сообщения о подарках в калмыцких деловых текстах XVIII в. (на материале писем хана Аюки и их русских переводов) // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 4. С. 764–774. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-764-774

Messages about Gifts in 18th Century Kalmyk Official Texts: A Case Study of Khan Ayuka's Letters and Their Russian Translations

*Galina M. Yarmarkina*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista, 358000, Russian Federation) Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0002-3701-9157. E-mail: yarmarkinagm@kigiran.com

© KalmSC RAS, 2021

© Yarmarkina G. M., 2021

Abstract. Introduction. Gift exchange is a culturally marked behavioral stereotype that often serves an essential element of traditional customs and rites among various peoples. Gift acts as an additional communication means to establish and maintain good relations: it is the regulating function which is viewed somewhat central therein by anthropology, culturology, social psychology, and ethnolinguistics. Monuments of 18th century Kalmyk official writing — and specifically letters by Khan Ayuka — contain messages about gifts to be delivered to the addressee by his envoys, and thus can provide information on gifting etiquette and introduce materials on culturally marked language units. *Goals.* The article attempts an analysis of messages about gifts in Khan Ayuka's 1688–1719 official letters and their Russian translations stored at the Russian State Archive of Ancient Acts. *Materials and methods.* The mentioned documents are examined for translation strategies of culture specific terms with the aid of both synchronous and diachronous Russian texts. The study employs the descriptive, comparative methods, and that of contextual analysis. *Results.* The conventionally laconic messages about gifts take final positions — and almost never a central one. Explication of the addressee as a recipient of the gift is usually avoided only to be included when it comes to explain the reason of gifting. Language materials contain culture specific units denoting such gifts. Khan Ayuka's letters reflect the tradition of gifting horses, upper garments, cloths, some other elements. The culturally marked lexemes (including non-equivalent ones) to shape the semantic field of gift are however distinguished by the word combination *arčiultai idēn* with still unclear denotative meanings. So, the synchronous Russian translations with gift givers, recipients and gifts proper identified exactly enough the phrase is articulated as a 'kerchief of berries' which on the one side clarifies the extralinguistic basis of the item but on the other side fills far not all semantic gaps of the ethnolinguistic concept.

Keywords: 18th century Kalmyk official letters, 18th century Russian translations, gift, horse, kerchief, addressant, addressee

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. AAAA-A19-119011490036-1 ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’.

For citation: Yarmarkina G. M. Messages about Gifts in 18th Century Kalmyk Official Texts: A Case Study of Khan Ayuka’s Letters and Their Russian Translations. *Mongolian Studies (Elista)*. 2021; 13(4): 764–774. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-764-774

Введение

Среди факторов, формирующих этнос (таких как тип традиционной материальной культуры, тип традиционной духовной культуры, религия и др.), А. С. Герд называет и стереотипы поведения, вежливого общения [Герд 2005: 47]. Обмен подарками входит в круг культурно-маркированных стереотипов поведения, нередко выступая в качестве важного элемента традиционных обычаев и обрядов разных народов (например, свадебного обряда [Обычаи ... 1989]).

Подарок представляет собой дополнительное средство коммуникации, способствующее налаживанию и поддержанию хороших отношений (в том числе и политического союза): одной из основных характеристик подарка в исследованиях по антропологии, культурологии, социальной психологии указывается его регулятивная функция [Конев, Поплавский 2018; Ларкина, Юдин 2015; Попова 2011; и др.]. В этнолингвистических исследованиях также делается акцент на роли подарка во взаимоотношениях различного уровня и связи подарка и ритуала: дар (подарок) в этнолингвистическом словаре «Славянские древности» определяется как «один из универсальных способов регулирования отношений внутри социума (...); ритуализованная передача некоего предмета от одного лица к другому, а также сам этот предмет» [Агапкина 1999: 16]. Концепт «подарок» в калмыцкой лингвокультуре рассмотрен Ж. Н. Цереновой и определен как этнокультурный концепт сценарного типа, «коммуникативное действие, основная идея которого заключается в проявлении дружеских чувств, внимания» [Церенова 2008: 148].

Памятники калмыцкой деловой письменности XVIII в., в частности письма хана Аюки (1642–1724 гг), содержат сообщения о подарках, направленных адресату вместе с посланцами [Сусеева 2003: 41–45], и могут рассматриваться в качестве источника информации об этикетной ситуации дарения, а также служить материалом исследования культурно-маркированных языковых единиц.

Цель статьи — анализ сообщений о подарках в деловых письмах хана Аюки и их синхронических русских переводах с позиций коммуникативной лингвистики и этнолингвистики.

Материалы и методы

Источником материала исследования послужили деловые письма калмыцкого хана Аюки и их синхронические русские переводы из фондов Российского государственного архива древних актов (далее — РГАДА) за период с 1688 по 1719 гг.¹ В текстах 82 писем встретился 21 пример сообщений о подарках,

¹ Три письма не датированы.

направленных адресату вместе с письмом, в 48 русских синхронических переводах 11 примеров. В русских переводах фиксируются случаи устных сообщений о подарках (2 примера в переводах за 1714 г. и 1719 г.). Для выявления стратегий перевода этнолингвистически отмеченной лексики привлекаются также диахронические переводы¹ на русский язык калмыцких писем XVIII в.

В ходе анализа используются описательный метод, сравнительно-сопоставительный метод, метод контекстуального анализа.

Сообщения о подарках в структуре деловых писем хана Аюки

Сообщения о подарках в текстах деловых писем хана Аюки встречаются, как правило, после изложения автором сути письма (вопроса, просьбы, информации о положении дел) и в структуре письма занимают финальную позицию, наряду с сообщениями о посыльном и количестве людей, его сопровождающих. Только в редких случаях сообщение о подарке является основной целью послания, состоящего обычно из этикетной формулы приветствия и изложения сути письма — адресант сообщает, какой именно подарок послан адресату: *ā yu še xān ende bida bügüdēr mendü = cār eleqsei-üci tende bügüdēr mendü beyize = beleq xoyor morin = arčiultai idēn = beridü cengmen arčiultai idēn* / Аюка энд бидн бүгдәр мөнд. Цар Элксеүч тенд бүгдәр мөнд вииз. Белг хоёр мөрн, арчулта идән. Берд цөңгмн арчулта идән. / 'Аюка-хан здесь мы со всеми здоровы. Царевич Алексей там со всеми, надеюсь, здоровы. Подарок — две лошади, гостинцы в платке. Невестке — гостинцы в суконном платке' [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1713–1714 гг. Д. 2. Л. 9].

Сообщения о подарках выдержаны в общем лаконичном стиле изложения информации и представляют собой простые синтаксические конструкции с именным сказуемым: *beleq xoyor morin* / Белг — хоёр мөрн. / Подарок — две лошади [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1718 г. Д. 2. Л. 14об., 15] или назывные предложения: *beleqtü xoyor morin* / Белгт хоёр мөрн / 'В подарок два коня' [РГАДА. Ф. 119. Оп. 2. Д. 14. Л. 61]. Дополнительная информация, касающаяся повода для подарка, встречается в анализируемом материале только дважды: *tani mendü ireqseni beleq-tü nige sādaq nututayıñ = / Тана мөнд ирснә белгт нег саадг нумтаһан. / В подарке по поводу Вашего благополучного прибытия — колчан с луком* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1698 г. Д. 5. Л. 34]; *döi mini kinas baris eleqsei-üci galican-ni mendüyin beleqtü = nige ceqmen büse xoyor = xabtağa keteçi ulabçi ulatayayın cakiur-tai kete cögöcö arcoultai idēn = / Ду мини кинс Барис Элксеүч Гальцна мендин белгт нег цөмгн бүс, хоёр хавтх кетч, улвч, ултһан цәкүртә кет, цөгц, арчулта идән. / 'В приветственном подарке моему младшему брату князю Борису Алексеевичу Голицыну [имеются] суконный пояс, два кисета, трутница, кресало с кремнем, чашка (или блюдо), платок со сладостями'* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 10. Л. 3].

Несмотря на небольшой объем, сообщения о подарках содержат сведения о дарителях и одариваемых. Так, в роли дарителя выступает не только хан Аюка, чья печать заверяет все написанное, но и ханша Дарма-Бала и сын Церен-Дондук: *beleq xoyor morin arčiultai idēn = cerin donrubbai cögöcö örömögö arčiultai*

¹ Транслитерация, переложение на современную калмыцкую графику и диахронический перевод оригинальных текстов на русский язык выполнены кандидатом филологических наук ведущим научным сотрудником Калмыцкого научного центра Российской академии наук Д. Б. Гедеевой.

idēn== / Белг хойр мөрн, арчулта идэн, Церн Дондугин — цөгц, өрмг, арчулта идэн, Церн Дондугин — цөгц, өрмг / ‘Подарок — две лошади, платок с гостинцами. Церен-Дондука [подарок] — чаша, армяк, платок гостинцев’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 12. Л. 3об., 4]. Хан в роли дарителя в сообщениях о подарках может быть указан в тех редких случаях, когда вместе с ханским подарком передаются подарки от других дарителей — членов семьи хана Аюки: *xāni beleq nige biyize örmögö arčiul tai idēn*== *darma palayin beleq nige cengmen arčiultai idēn*== / Хаана белг нег бииз, өрмг, арчулта идэн. Дарма Палан белг нег цемгн арчулта идэн. / ‘Ханский подарок — одно платье (?)бииз, армяк, гостинцы в платке. Подарок Дарма Палы — в суконном платке гостинцы’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1701 г. Д. 2. Л. 2].

Адресат — он же получатель подарка — может быть назван только в сообщениях, объясняющих причину подарка (примеры см. выше). В остальных случаях адресат как получатель подарка не эксплицирован: ср. сообщения о подарках в письмах Г. И. Головкину: *beleq хойор морин*= / Белг — хойр мөрн. / ‘Подарок — две лошади’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1718 г. Д. 2. Л. 14об., 15], царю Петру Алексеевичу: *beleq dorbön mori bariba*= / Белг дөрвн мөр бэрв / ‘Подарок — четыре лошади’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1718 г. Д. 2. Л. 11об., 12]. Однако в письмах к государю Петру Алексеевичу или царевичу Алексею Петровичу получателем подарка мог выступать не только адресат, но и члены царской семьи. В этом случае в сообщениях говорится о том, кому и какой подарок был послан: *beleqtü nige debel büsei*= *хойор sayin morin*= *хойор jirō morin ayadu*= / Белгт — нег девл бүсэ, хойр сэн мөрн. Хойр жора мөрн — аhd. / ‘В подарок — одна шуба и пояс, две хорошие лошади. Два иноходца — царице’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1718 г. Д. 2. Л. 1об., 2]. В синхроническом русском переводе дарители и одариваемые, как и предназначенные им подарки, обозначены более конкретно: *посылаю ныне вашему величеству серой мерлушчатой тулуп и с поясом китайским. А от княгини моей Дармы малый рыжий конь, от сына моего Церен Дундука гнедой конь, да государыне царице от меня Аюки хана два иноходца* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1718 г. Д. 2. Л. 31об., 32].

Лексические особенности сообщений о подарках

Сообщения о подарках содержат в себе культурно-маркированные единицы — тнаименования предметов, служащих подарками. Помимо лексемы *beleq* / белг, в анализируемом материале встречаются зоонимы, наименования оружия, одежды, тканей, посуды, продуктов.

Лексема *beleq* / белг¹ и словоформа *beleqtü* / белгт в деловых письмах хана Аюки оказывается наиболее частотной по сравнению с другими лексемами — наименованиями подарков. Это связано с тем, что в тексте писем эксплицитно передается информация о факте направления подарка адресату: *beleq хойор морин arčiultai idēn*= (...) / Белг хойр мөрн, арчулта идэн (...) / ‘Подарок — две лошади, платок с гостинцами’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1714 г. Д. 12. Л. 3об., 4].

Примечательно, что в синхронических русских переводах в качестве эквивалента калмыцкой лексемы *белг* используются две лексемы — гостинец и дар. Лексема *гостинец* в переводном тексте оказывается более предпочти-

¹ BELEG (*bele-g?) Халх., бур. бэлэг, калм. белг подарок, дар; бур. (диал.) бэлэг подарок невесте в ознаменование помолвки. ◇ — Др.-тюрк. beläk подарок, гостинец, который привозят домой из путешествия [Санжеев, Орловская, Шевернина, 2015: 84].

тельной, вероятно, как наиболее соответствующая ситуации дарения: гостинец (этимологически связано со словом «гость») — это подарок, который прибыл с гостем — посланником хана. Лексема *гостинец* встречается в переводах писем 1714 г. в сочетаниях *послал гостинцу / послал в гостинцах / послал гостинца: Гостинцу послал тебе армяк* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1714 г. Д. 12. Л. 4об.]; (...) *послал я к тебе гостинца сукно да платок с ягодами* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1714 г. Д. 12. Л. 11]. Позже в русских переводах появляется лексема, имеющая более общее значение и вмещающая в себя понятие гостинца, — дар¹: *великому Государю от Аюки хана в дарах отлас персиккои травки золотные и серебряные* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1719 г. Д. 2. Л. 8].

В работе Ж. Н. Цереновой, посвященной концепту «подарок» в калмыцкой лингвокультуре, на первом месте среди наиболее предпочтительных подарков указываются «живые» подарки, «символизирующие материальный достаток и независимость» [Церенова 2008: 148]. В анализируемом материале наименования животных представлены лексемами *morin* ('конь, лошадь') и *jirō morin* ('иноходец').

Кони неоднократно посылались высоким особам в качестве подарка. В письмах хана Аюки к царю Петру Алексеевичу, к другим государственным деятелям сообщалось о количестве подаренных коней, и в нашем материале преобладают примеры, в которых сообщается о нескольких конях, посланных в качестве подарка, — двух, четырех или семи: *beleq xoyor morin / Белг хойр мөрн.* / 'Подарок — две лошади' [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1714 г. Д. 12. Л. 1об.–2.]; *beleq dorbōn mori bariba= / Белг дөрвн мөр бэрв.* / 'Подарок — четыре лошади' [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1718 г. Д. 2. Л. 11об.–12].

В некоторых сообщениях особо указывается, что в дар царю или царице посылается не обычный конь, а иноходец — *жора мөрн: xoyor jirō morin ayadu= / Хойр жора мөрн — аhd.* / 'Два иноходца — царице (ханше?)' [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1718 г. Д. 2. Л. 1об.–2]. В синхронических русских переводах используются эквиваленты конь, лошадь, иноходец, сохраняются данные о количестве подаренных лошадей (кроме цифры «один», что обусловлено спецификой грамматической системы русского языка): *посылаю к тебе в гостинцах коня да армяк* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1718 г. Д. 2. Л. 1об., 2]. Встречаются также лексемы со значением масти лошадей (рыжий, гнедой) и размера (малый рыжий), отсутствующие в оригинале: *А от княгини моей Дармы малый рыжий конь, от сына моего Церен Дундука гнедой конь, да государыне царице от меня Аюки хана два иноходца* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1718 г. Д. 2. Л. 31об., 32].

Наименования элементов сбруи, появление которых в сообщениях о подаренных лошадях вполне объяснимо, в нашем материале оказываются редкостью: только в одном из примеров говорится о посланной в подарок оседланной лошади: *dharmā pālayin beleq emēltei morin== / Дхарма Балан белг — эмэлтэ мөрн.* / 'Подарок Дарма Балы — лошадь с седлом' [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1718 г. Д. 2. Л. 19]

Лексика, обозначающая оружие (*sādaq numutayiyān / саадг нумтахан*), встречается в нашем материале также один раз в сообщении *tani mendü ireqseni beleq-tü nige sādaq numutayiyān = / Тана менд ирснэ белгт нег саадг нумтахан.*

¹ В переводах писем калмыцких владельцев за 1724 г. фиксируется и лексема презент [Сусеева и др. 2013: 617, 623, 629, 633].

/ ‘В подарке по поводу Вашего благополучного прибытия — колчан с луком’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1698 г. Д. 5. Л. 34].

Одежда и ткани — традиционный подарок, характерный как для калмыцкой, так и для русской культуры. В письмах хана Аюки отражена традиция преподносить в дар верхнюю одежду, некоторые элементы костюма, ткани, и семантическое поле «подарок» в анализируемом материале представлено лексемами (в том числе безэквивалентными), относящимися к микрополям «одежда» и «ткань»: *debel* / *девл* (‘шуба’), *örmöt* / *өрмг* (‘армяк’), *xadaq* / *хадг* (‘хадак’), *biyize* / *бииз* (‘платье’), *büsei* / *бүсэ* (‘пояс’), *torhn* (‘шелк’), *cengmen* / *цөцмн* (‘сукно’): *beleqtü nige toryon nige örmögö* = / *Белгт нег торһн, нег өрмг* / ‘В подарок один шелк, один армяк’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 2. Д. 14. Л. 76]. О хадаке, посланном в подарок, упоминается только в одном письме: *xānai cögöcö idēn xadaq* = (...) / *darma balayin ulān tangniq beleq öqbö* = / *Хаана цөгц, идэн, хадг*. / *Дарма Балан улан маңһнг белг өгв*. / ‘[Подарок] хана — чаша, гостинцы, хадак. (...)’. Подарок от Дарма Балы — мангнуг, шелковый шарф с вышивкой’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1701 г. Д. 5. Л. 1].

В оригинальных текстах наименования тканей и элементов костюма используются преимущественно без определений, в то время как в синхронических переводах такие лексемы, как пояс, сукно, шелк получают определения, что способствует уточнению информации о реалиях того времени: *beleqtü nige debel büsei* = (...) / *Белгт — нег девл бүсэ* (...) / ‘В подарок — одна шуба и пояс (...)’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1718 г. Д. 2. Л. 1об.-2]. Ср. синхронический русский перевод: *посылаю ныне вашему величеству серой мерлусчатой тулупъ и с поясом китайскимъ* (...) [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1718 г. Д. 2. Л. 31об.].

Лексика, обозначающая посуду, представлена одной лексемой — *цөгц* ‘чарка; чашечка, чаша’: *beleq xoyor morin arčiultai idēn* = *cerin donrubbai cögöcö örmögö arčiultai idēn* = / *Белг хойр мөрн, арчулта идэн, Церн Дондугин — цөгц, өрмг, арчулта идэн*. / ‘Подарок — две лошади, платок с гостинцами. Церен-Дондука [подарок] — чаша, армяк, платок гостинцев’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1714 г. Д. 12. Л. 3об., 4.]. В синхроническом русском переводе лексема *цөгц* соответствует определительное словосочетание *чашка калмыцкая*, что позволяет говорить о принадлежности данной лексемы к числу культурно-маркированных единиц, поскольку наименование *чашка калмыцкая* прямо указывает на этническую специфику посланного в дар предмета: *послал я к тебе великому Государю в гостинцахъ два коня да платокъ съ ягодами, да сын мой Чиринъ Дундукъ послалъ к тебе великому Госудрю армякъ да в платке ягодъ да чашку калмыцкую* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1714 г. Д. 12. Л. 10].

В сообщениях о подарках регулярно встречается такое обозначение подарка, как *arčiultai¹ idēn* / *арчулта идэн*: *xāni beleq nige biyize örmögö arčiul tai idēn* = / *Хаана белг нег бииз, өрмг, арчулта идэн* ‘букв. Подарок хана — одно платье, армяк, еда в платке’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1701 г. Д. 2. Л. 2]. Использование существительного *идэн* с обобщенным значением ‘пища’ не позволяет точно определить, какие именно продукты посылались в качестве подарка, из контекста также не совсем ясно, о какой пище идет речь, поэтому, вероятно, в диахроническом переводе в качестве эквивалента используется сочетание го-

¹ ARČIγUL (arči-γul) Халх. алчуур, бур. аршуул, аршуур, калм. альчур тряпка, платок (носовой), полотенце [Санжеев, Орловская, Шевернина, 2015: 54].

стинцы в платке: (...) *beleq xoyor morin* = *arčiultai idēn* = *beridü cengmen arčiultai idēn* / (...) *Белг хойр мөрн, арчулта идэн. Берд ценгмн арчулта идэн* / ‘(...) Подарок — две лошади, гостинцы в платке. Невестке — гостинцы в суконном платке’ [РГАДА Ф. 119. Оп. 1. 1713-1714 гг. Д. 2. Л. 9]. Однако в синхронических русских переводах сочетание *arčiultai idēn* / *арчулта идэн* переводится как ‘платок ягод / платок с ягодами / (послал) в платке ягод’: (...) *послалъ я к тебе гостинца два коня да платокъ съ ягодами да снохе сукно да платокъ съ ягодами*¹ [РГАДА Ф. 119. Год 1714. Ед. хр. № 2. Л. 11].

Упоминание такого подарка, как платок ягод, на наш взгляд, подчеркивает национальную специфику культуры подарка и иллюстрирует еще одну особую функцию платка, который в данной ситуации используется в качестве сосуда, тары.

В русском переводе того же письма записано и устное сообщение, переданное посланниками хана Аюки, в котором говорится также о подарке в платке, только на этот раз в шелковом платке посылаются не ягоды, а кусочек сахара: они ж посланцы словесно объявили, что ханов сынъ меншой Черень Дондукъ, которой 12ти летъ, прислалъ двухъ лошадей в гостинцахъ, да платокъ шелковой. А в немъ маленькой кусокъ сахару къ Государю царевичю [РГАДА. Ф. 119. Год 1714. Ед. хр. № 2. Л. 11].

Платок как элемент калмыцкого костюма рассмотрен в работах по этнографии калмыков [Бакаева 2017; Шараева 2015]. По мнению этнографов, семантика этого предмета калмыцкого костюма весьма глубока: платок символизирует материнское начало, нечто сокровенное, вместе с тем является и охранным знаком (со стороны предков) [Бакаева 2017; Шараева 2015; Содномпилова 2013]. Трудно сказать, насколько характерно для традиционной калмыцкой культуры дарить некоторые подарки завязанными в платок². В этом случае упоминание подарка, переданного в платке, приобретает довольно большую значимость, так как в этом случае ягоды или сахар в платке являются не просто данью вежливости, этикета на высшем уровне, но и значимым показателем сердечности, близости, почти родственного отношения к адресату.

Наименование *arčiultai idēn*, встречающееся в сообщениях о подарках, — культурно-маркированное сочетание, денотативное значение которого остается не до конца ясным. Лакуны, касающиеся культурно значимой экстралингвистической информации, указывают на наличие в XVII–XVIII вв. уникальных референтов и правил невербального этикета в ситуации дарения.

Выводы

Деловые письма хана Аюки обладают культурно значимой информацией об этикетной ситуации дарения. Сообщения о подарках, выдержанные в общем лаконичном стиле изложения, в структуре письма занимают финальную позицию; основной целью послания сообщение о подарке является в редких

¹ Названий ягод в анализируемых письмах хана Аюки нам не встретилось.

² См., например, работу П. Сминова и его описание праздника Цаган Сар: «Бывают случаи, что в праздник Цаган, богатого скотовода посещают и лица, не принадлежащие к калмыцкому племени, которые имеют на него начальственное влияние. Их Цагана бэлэк сверх зятя состоят из фунта пряников и фунта простых конфет-карамели, завязанных в новый ситцевый платок, который вместе с гостинцем поступает в собственность того лица, которому приносится Цаган бэлэк» [Смирнов 1999: 37]

случаях. Экспликация адресата как получателя подарка не характерна — адресат эксплицируется лишь в сообщениях, объясняющих причину подарка.

Сообщения о подарках содержат в себе культурно-маркированные единицы — наименования предметов, служащих подарками. В письмах хана Аюки отражена традиция преподносить в дар лошадей, верхнюю одежду, ткани, некоторые элементы костюма. В кругу культурно-маркированной лексики (в том числе безэквивалентной), составляющей в деловых письмах семантическое поле «подарок», выделяется наименование *arĉiultai idēn*, денотативное значение которого остается не до конца выясненным. В синхронических русских переводах, где дарители, одариваемые и подарки обозначены более конкретно, *arĉiultai idēn* передается сочетанием платок ягод, что, с одной стороны, уточняет экстралингвистическую основу наименования, но, с другой стороны, не заполняет все лакуны в содержании этнолингвистически значимого понятия.

Источники

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

Sources

Russian State Archive of Ancient Acts. (In Kalm. and Russ.).

Литература

- Агапкина 1999 — *Агапкина Т. А.* Дар // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 16–21.
- Бакаева 2017 — *Бакаева Э. П.* Семантика традиционного костюма ойратов и калмыков и современные художественные традиции. Элиста: КалМНЦ РАН, 2017. 352 с.
- Герд 2005 — *Герд А. С.* Введение в этнолингвистику: Курс лекций и хрестоматия. 2-е изд., исправл. СПб.: Изд-во С.- Петерб. ун-та, 2005. 457 с.
- Конев, Поплавский 2018 — *Конев А. Ю., Поплавский Р. О.* Дар в политике и практике христианизации сибирских «иноверцев» (по материалам Западной Сибири конца XVI–XVIII в.) [электронный ресурс] // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4 (43). С. 165–174. Режим доступа http://ipdn.ru/_private/a43/165-174.pdf (дата обращения: 15.11.2021).
- Ларкина, Юдин 2015 — *Ларкина Т. Ю., Юдин Г. Б.* Теория дарообмена и формирование сообществ: Материалы исследовательского семинара «Социология религии». Сер. Теория дарообмена. М.: ПСТГУ, 2015. 29 с.
- Обычаи... 1989 — Обычаи и обряды монгольских народов: [Сб. ст.] / Калм. НИИ истории, филологии и экономики; [Редкол.: Митиров А. Г. (отв. ред.) и др.]. Элиста: КалМНИИФЭ, 1989. 125 с.
- Попова 2011 — *Попова Л. В.* Социально-психологические факторы процесса дарения в российской культуре // Северо-Кавказский психологический вестник. 2011. № 9/2. С. 59–62.
- Пятаева, Булина, Ибатуллина 2018 — *Пятаева Н. В., Булина Е. В., Ибатуллина Е. А.* Дань, дар, подарки и духовные дары в динамике русской языковой картины мира // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 1(29). С. 103–112. DOI: 10.29025/2079–6021-2018-1(29)-103-112.
- Санжеев, Орловская, Шевернина 2015 — *Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В.* Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. / гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. М.: ИВ РАН, 2015. Том I: А–Е. 2015. 224 с.

- Смирнов 1999 — *Смирнов П.* Путевые записки по Калмыцким степям Астраханской губернии. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1999. 248 с.
- Содномпилова 2013 — *Содномпилова М. М.* Традиционная одежда монгольских народов в ритуале и как инструмент социализации // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2013. № 2 (3). С. 152–165.
- Сусеева 2003 — *Сусеева Д. А.* Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингвосociологического исследования. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 456 с.
- Сусеева и др. 2013 — *Сусеева Д. А., Котяева Е. С., Олядыкова Л. Б., Ярмаркина Г. М.* Русские переводы XVIII века деловых писем калмыцких ханов и их современников: тексты и исследования. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2013. 744 с.
- Церенова 2008 — *Церенова Ж. Н.* Концепт «подарок» в калмыцкой лингвокультуре // Этнокультурная концептология и современные направления лингвистики. Мат-лы постоянно действующего семинара (г. Элиста, 23–25 апреля 2008 г.). Элиста: Изд-во КалмГУ, 2008. С. 145–149.
- Шараева 2015 — *Шараева Т. И.* Семантика платка в традиционной женской одежде у калмыков // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. 2015. № 3. С. 165–185.

References

- Agapkina T. A. Дар (Russ. 'gift'). In: Tolstoy N. I. (ed.) The Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary. In 5 vols. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 1999. Vol. 2. Pp. 16–21. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. Semantics of Kalmyk and Oirat Traditional Garments. Modern Artistic Traditions. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2017. 352 p. (In Russ.)
- Gerd A. S. An Introduction to Ethnolinguistics. Coursebook and chrestomathy. 2nd ed., rev. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2005. 457 p. (In Russ.)
- Konev A. Yu., Poplavsky R. O. The gift in the policy and practice of Siberian non-Orthodox people Christianization (Based on materials for Western Siberia in the late 16th—18th century). Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii. 2018. No. 4 (43). Pp. 165–174. Available at: http://ipdn.ru/_private/a43/165-174.pdf (accessed: November 15, 2021). (In Russ.)
- Larkina T., Yudin G. Theory of Gift Exchange and Formation of Communities. Seminar materials (Sociology of Religion). Ser. 'Theory of Gift Exchange'. Moscow: St. Tikhon's Orthodox University, 2015. 29 p. (In Russ.)
- Mitirov A. G. et al. (eds.) Customs and Rites of Mongolic Peoples. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1989. 125 p. (In Russ.)
- Popova L. V. Socio-psychological factors of gift giving in Russian culture. North-Caucasian Psychological Bulletin. 2011. Vol. 9. No. 2. Pp. 59–62. (In Russ.)
- Pyataeva N. V., Bulina E. V., Ibatullina E. A. Dan, gift, gifts and spiritual gifts in the dynamics of the Russian language picture of the world. Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics. 2018. No. 1(29). Pp. 103–112. (In Russ.) DOI: 10.29025/2079–6021-2018-1(29)-103-112.
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. An Etymological Dictionary of Mongolic Languages. In 3 vols. G. Sanzheev et al. (eds.). Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2015. Vol. I: A–E. 224 p. (In Russ. and Mong.)
- Sharaeva T. I. Semantics of kerchief as a traditional clothing element of Kalmyk women. In: Turko-Mongols. Issues of Ethnic History and Culture. 2015. Vol. 3. Pp. 165–185. (In Russ.)
- Smirnov P. Across Kalmyk Steppes of Astrakhan Governorate: Travel Notes. Elista: Kalmykia Book Publ., 1999. 248 p. (In Russ.)

- Sodnompilova M. M. Traditional clothing of the Mongolian peoples in the rituals and as a tool of socialization. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2013. No. 2 (3). Pp. 152–165. (In Russ.)
- Suseeva D. A. Letters of Khan Ayuka and His Contemporaries, 1714–1724: A Linguosociological Study. Elista: Dzhangar, 2003. 456 p. (In Russ.)
- Suseeva D. A., Kotyaeva E. S., Olyadykova L. B., Yarmarkina G. M. Official Letters of Kalmyks Khans and Their Contemporaries: 18th Century Russian Translations. Texts and studies. Elista: Kalmyk State University, 2013. 744 p. (In Russ.)
- Tserenova Zh. N. Concept of gift in Kalmyk linguoculture. In: *Ethnocultural Conceptology and Contemporary Linguistic Research*. Elista, 2008. Pp. 145–149. (In Russ.)

Научное издание

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал

Mongolian Studies

(Elista)

2021. Т. 13. № 4

Главный редактор — Куканова В. В.

Дата выхода: 30.12.2021. Формат 70x108/16.
Усл. печ. л. 14,78. Тираж 100 экз. Заказ 25-21.
Подписной индекс 39464. Цена свободная.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,
Тел. +7(84722) 3-55-06
E-mail: mongoloved@kigiran.com

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8

